

Клод Изнер
Три стильных детектива
Серия «Сыщик-любитель Виктор Легри»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7413279
Изнер, Клод Три стильных детектива: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083851-6

Аннотация

Детективы Клода Изнера снискали славу по всему миру. Увлекательные истории, выразительные персонажи, тайны, авантюры, романтика – и все это в изысканных декорациях Парижа девятнадцатого века. Светские салоны, антикварная лавка, уставленная редкими предметами искусства, роскошные интерьеры Гранд-опера...

Сыщик-любитель Виктор Легри снова отправляется на поиски истины. Действительно ли упавший с небес метеорит способен негативно влиять на события? Связана ли скульптура, удивительно напоминающая мумию, со смертью старьевщицы? Чем закончится завораживающая пляска смерти, которую неизвестный затеял вокруг дворца Гарнье, где размещается знаменитый оперный театр?.. Виктору и его верному помощнику Жозефу Пиньо предстоит найти ответы на непростые вопросы.

В сборник вошли три детектива Клода Изнера: «Встреча в Пассаже д'Анфер», «Мумия из Бютт-о-Кай» и «Маленький человек из Опера де Пари».

Содержание

Встреча в пассаже д'Анфер	5
Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	33
Глава седьмая	40
Глава восьмая	43
Глава девятая	50
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	58
Глава двенадцатая	67
Глава тринадцатая	76
Глава четырнадцатая	84
Глава пятнадцатая	94
Глава шестнадцатая	106
Глава семнадцатая	115
Глава восемнадцатая	122
Глава девятнадцатая	129
Глава двадцатая	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Клод Изнер

Три стильных детектива

Claude Izner

“Rendez-vous passage d'Enfer”, “La momie de la Butte-aux-Cailles”, “Le petit homme de l’Opera”

Печатается с разрешения издательства Univers Poche при содействии литературного агентства Анастасии Лестер

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Rendez-vous passage d'Enfer

© Editions 10 / 18, Departement d'Univers Poche, 2008

La momie de la Butte-aux-Cailles

© Editions 10 / 18, Departement d'Univers Poche, 2009

Le petit homme de l'Opera

© Editions 10 / 18, Departement d'Univers Poche, 2010

© Сергеева Е., Столярова Л., Павловская О., перевод.

© ООО «Издательство АСТ»

Встреча в пассаже д'Анфер

*Осень, и снова – осень. Осень крадется тихо.
Песни осенней скрипки ветер зовут и холод.
Мы закрываем шторы, мы переводим стрелки.
Листья ложатся наземь – антигоны и
филомелы...
Хрупкие их останки сжигает могильщик-дворник.
«О бедный Йорик!» – смерти легло дыханье
Изморозью на стеклах...*

Жюль Лафорг. Воскресенья.

Нашей мужественной Мари-Франс Жиро

Памяти нашего дорогого друга Ива Жибо

*Клодине и Фабьену Лезаж, нашим давним соратникам по
ассоциации «Эскло»:*

«Мы добирались туда пешком... и ночевали в лесу, под деревом».

Артисту Алену Манжено

Всем нашим дорогим и любимым

*Благодарим Франсуазу и Мишеля за то, что позволили нам
использовать название их книжного магазина «Эльзевир» в Монтрее*

Пролог

Эта планета не раз сталкивалась с небесными телами, которые миллиарды лет вращались вокруг Солнца. От нее откалывались куски и устремлялись в открытое космическое пространство.

Однажды осколок весом в несколько тонн отделился от остальных. Гравитационные поля планет, чей путь он пересекал, влияли на траекторию его полета. Космические тела из пояса астероидов, расположенного между орбитами Юпитера и Марса, врезались в гигантский осколок, и он дробился на осколки поменьше. Таким образом, когда по окончании странствия длиною в двадцать миллионов лет осколок достиг одной небольшой планеты, он весил уже не более полутонны. Летя навстречу новому препятствию, он ворвался в атмосферу Земли, где и распался на части. По мере приближения к поверхности Земли его скорость уменьшалась, и последнюю часть пути он летел практически вертикально.

Жаркой августовской ночью 1895 года он рассыпался метеоритным дождем над лесом Монморанси.

Глава первая

Лес Монморанси, среда, 14 августа 1895 года

От земли шел пар. Легкий ветерок освежал подлесок, где пахло грибами, влажной травой и мятой. Растянувшись на траве перед своей хижинкой, Жеробом Дараньяк глядел на небо поверх крон каштанов. Внезапно он понял, что мешает ему заснуть. Жеробом оперся на локоть. Что-то должно произойти, интуиция его никогда не обманывала. Ослепленный светом луны, он поначалу ничего не мог различить. Потом увидел, как на небе появился ослепительно яркий огненный шар. Он непрерывно уменьшался, как будто таял. Жеробом пригляделся. Нет, это ему не примерещилось. Шар исчез, но оставил в небе широкий, похожий на столб дыма след, изгибающийся, словно сказочный исполинский змей. Который, в свою очередь, постепенно тускнел, пока не распался на отдельные клочья.

Поместье Гюго Мальпера в Домоне

На веранде при свете свечей, обмахиваясь веерами, сидели две дамы. Внезапно воздух заискрился. Искры не были красно-желтыми, как от углей, они носились вокруг серебристым вихрем.

– Ой, что это? Они кусаются?

– Да это же не комары, а светлячки.

– Терпеть не могу всех этих насекомых...

– Сюзанна, ты заметила, что сегодня вечером нас собралось только девятнадцать из тридцати? – воскликнула высокая худощавая молодая женщина с пучком на затылке.

– Ошибаешься, Ида! Ты забыла про нашего гостеприимного хозяина! – возразила ей собеседница, полноватая блондинка в кружевной мантилье. – Нас осталось десять: Эмиль Легри и твой отец уже на небесах.

– Должен быть кто-то еще один!

– С чего ты взяла?

– Потому что я все отлично помню, хотя в семьдесят шестом году, когда этот чудак Эмиль Легри создал ассоциацию, мне было всего тринадцать. А ты старше на восемь лет.

– Что ты говоришь! На целых восемь лет? Не может быть!

– Так и есть! Отец хотел, чтобы я завершила музыкальное образование, а мои уроки сольфеджио оплачивал месть Легри. Поэтому я должна была присутствовать на ваших собраниях. Как же скучно мне было сидеть в пыльной, пропахшей плесенью книжной лавке этого плешивого старика и слушать ваши нескончаемые разговоры!

– Плешивого? Ты про кого это?

– Про Эмиля Легри, про кого же еще!

– Неужели тебе было тогда всего тринадцать? Не могу в это поверить! Ты была выше меня на целую голову и отлично пела.

– Ну да, я была высокой для своего возраста. Думаешь, мне хотелось петь в начале каждого заседания ассоциации этот дурацкий гимн?

Как маяк Александрийский
Шарль Фурье ведет по жизни...

- Страшно подумать, сколько лет прошло с тех пор! И ведь мы не становимся моложе...
- Говори за себя! У меня еще вся жизнь впереди!
- Ну, знаешь, голубушка...
- Спокойствие, дамы, спокойствие, давайте хотя бы на время забудем о ссорах, – вмешался жизнерадостный господин с очень широкими бедрами, появляясь на веранде.
- Вы правы, Виржилъ, мы замолкаем.

Гюго Мальпер был не в духе: почти все гости прибыли с опозданием и набросились на угощение так, будто перед этим постились не меньше месяца. Теперь, насытившись, они подобрели и готовы были, забыв о взаимной неприязни, обниматься со слезами на глазах.

– Лицемеры! Конечно, брюхо себе набили, теперь можно и вспомнить про «дорогого Эмиля Легри», – ворчал он, шагая по аллее между фруктовыми деревьями.

Эта традиция возникла в 1880 году, через три года после кончины их благодетеля: они устраивали торжественный ужин, и перед десертом один из членов ассоциации должен был произнести речь в память об Эмиле Легри. На этот раз пришел черед Эвариста Вуазена. Он уже сделал большой глоток шампанского, очевидно, для храбрости, но Гюго Мальпер потребовал сделать перерыв, сказав, что ему надо срочно сходить на псарню, проведать собаку, у которой болят зубы.

– Господа пока могут сыграть партию в бильярд, а дамы, угощаясь мадерой, записывать результаты!

Все охотно согласилось. На самом деле собаки были совершенно здоровы – Гюго Мальпер просто не мог дожидаться момента, когда гости наконец уедут, и хотел от них немного отдохнуть. В свое время именно он, питая теплые чувства ко всем, кто был, как и он сам, преисполнен благодарности по отношению к Эмилю Легри, предложил проводить эти ежегодные встречи здесь, в своем поместье в окрестностях Домона, и назначил памятной датой тот самый день, когда познакомился с Эмилем. Но теперь эти люди не вызывали у него ничего, кроме раздражения. Он уже давно собирался отменить ежегодную пирушку, да только все не решался объявить об этом.

Гюго Мальпер толкнул узкую створку загона, обогнул колодец и пошел вдоль ряда вольеров. Питомцы встретили его нестройным лаем. У Гюго была тридцать одна собака: кобели и суки, чистокровные и беспородные, молодые и старые. Их объединяло то, что все они остались без хозяев и заменили Гюго детей – его супруга Каролина погибла сразу после свадебного путешествия в Бретань.

Проведав собак, Гюго не спешил возвращаться к гостям: он постоял немного, глядя на свой маленький замок, копию дворянской усадьбы XVI века, возведенный во времена Второй Империи по чертежам его деда. Чересчур много башенок и столько окон, что ни одна прислуга в доме не задерживается... Последняя, мадам Бонефон, осталась в услужении у Мальпера только потому, что нашла компромисс: она мыла половину окон осенью, а другую весной.

– Куда он запропастился, этот Апорт! – воскликнула Ида. – Вечно он занят своими собаками! А на кухне дожидаются два торта-бизе с лимоном, да и суфле с ромом скоро наверняка опадет.

– Ты же знаешь, Гюго обожает животных. Только не вздумай назвать его этим прозвищем в глаза – он его терпеть не может!

– А что такого?! Я же не обижаюсь, когда меня зовут Восьмушкой¹!

---

¹ Видимо, давая прозвище Иде, члены ассоциации намекали на ее занятия музыкой и высокий рост: восьмушка – это нота длительностью 1/8 такта. – *Прим. перев.*

– Тебе это подходит! В отличие от меня: думаешь, приятно, когда тебя называют Ни-То-Ни-Се?

– Кстати, я забыла, а какие прозвища у остальных? – поинтересовалась Ида. – Я восемь лет не посещала эти ваши собрания, а сегодня приехала только ради тебя.

– Так заведи записную книжку! Смотри: вон тот старик, такой упитанный, что стоит у камина, это Виржилль Сернен. Редкий бабник, что, впрочем, не помешало ему сделать шестерых детей. Его жена, бедняжка, родами и умерла. Ну, дочерей-то он уже всех замуж пристроил. И теперь, несмотря на постоянные боли, изображает Дон Жуана.

– Боли? А что с ним такое?

– Почечные колики. Приступы случаются у него каждые три – четыре месяца. А прозвали его Мухоловкой!

– Почему?

– Он – любитель земноводных. У него в ресторане стоят аквариумы со всякими ящерицами и змеями... Тьфу, какая гадость!

– О, а вон та пара мне знакома! Это Рен и Лазар Дюкудре! Они держат магазин игрушек, и прозвали их Юлой и Волчком. А старикашка с волосами желтоватого цвета... погоди, как его... Ах да, Максанс Вине!

– По прозвищу Макс Большое Ухо. Он глуховат и вечно пристаёт ко всем с цитатами из Марка Аврелия... Ну вот, а остальных-то ты вспомнила, наконец?

– Не всех.

– Я не собираюсь их перечислять! О, посмотри на того чудака, прямо Плакса Жан²!

Выплывшая из-за облака луна осветила большой парк, вдалеке переходящий в лес. Собеседницы заулыбались. На самом деле они неплохо относились друг к другу, возможно потому, что редко виделись и не были соперницами.

Максанс Вине показался в проеме двери, ведущей на террасу.

– Вот вы где! Вас все ищут. Необходимо ваше присутствие.

– Мы тут дышим свежим воздухом. Апорт вернулся?

– Нет. Партия окончена. Эварист считает, что нам надо снова собраться в столовой.

– Зачем? Он все-таки намеревается произнести свою нудную речь?

Дамы неохотно поднялись и направились в комнату, где стояли крепкий стол и скамьи, на которых расселись приглашенные.

– А кто такой Эварист? – шепотом спросила Ида у подруги.

– Неужели не помнишь? Его прозвали Гриб, потому что он работает на ферме, где выращивают шампиньоны. Рыжий такой, ему около пятидесяти.

– Нет, не припоминаю, видно, мы с ним редко встречались!

– А где Максанс? – воскликнул тщедушный человек с редкими волосами и бледно-рыжими бакенбардами, перебирая стопку выцветших листов бумаги.

– Мы его не ели, Деода.

– Кто такой этот Деода? – спросила Ида у подруги.

– Ты меня совсем замучила, Ида. Деода Брикбек, или Гринвич, служит в обсерватории. Кстати, его сердце свободно!

– Нет уж, лучше остаться старой девой, чем выйти за такого замуж, – пробормотала Ида, усаживаясь рядом с пышной Рен Дюкудре.

– Кстати, я отлично помню, что на похороны Эмиля Легри приехали не все. Не было Юлы, Волчка и Поршня, – заявила Сюзанна.

---

² «Плакса Жан и Весельчак Жан» – французская народная детская песенка. – Прим. перев.

– Сюзанна, оставьте это ребячество, давайте называть друг друга по именам, – заявил один из гостей, несмотря на морщины, выглядевший моложаво и одетый в элегантный костюм с галстуком.

– Послушайте, Донатьен, мне кажется, вы забываете, что эти прозвища придумал не кто иной, как Эмиль. Кстати, себя он называл Кавардаком³. Я понимаю, вам не по душе прозвище Поршень, тем не менее, именно благодаря связям Эмиля вам досталась должность заместителя начальника Западного вокзала.

Лазар Дюкудре, он же Волчок, коротышка, похожий на сахарную голову, к которой приделали козлиную бородку, бросил на говорившего недовольный взгляд.

– Ну конечно, ведь именно поршень⁴ приводит машину в движение, – с намеком заметила Сюзанна.

Донатьен Вандель побледнел и отвернулся.

– Да ладно тебе, – проворчала Ида. – Скорей бы все это закончилось! Я проголодалась... Чем он там занимается, этот Гюго?

Гюго Мальпер обошел все вольеры, удостоверился, что у питомцев полные миски, и задержался около своей любимицы, Пишетты⁵, толстой спаниелихи, похожей на кувшин.

– Ах, если бы ты знала, Пишетта, как мне осточертели эти паразиты! – прошептал он, почесывая собаку за ухом.

В соседнем вольере жалобно заскулила такса.

– Тихо, Эдип! Я зайду к тебе в другой раз, а сейчас мне, увы, придется вернуться к гостям.

Донатьен Вандель умирал от скуки. Он согласился принять участие в этой церемонии только ради своей сестры Бернадетты, которая мечтала о том, что его повысят, и из заместителя начальника он станет начальником вокзала. «Поезжай, Донатьен, и постарайся понравиться господину Мальперу, тогда он окажет тебе протекцию». И Вандель поехал, скрепя сердце.

Он взглянул на Эвариста Вуазена, который готовился произнести речь, и снова погрузился в мысли о брошюре, которую недавно нашел у букиниста. Ее напечатало в Льеже в 1870 году издательство «Вайан Гарман», и в ней излагалась программа поставки спальных вагонов для европейских железнодорожных компаний. Этот ценный исторический документ должен был пополнить коллекцию Ванделя, в которой уже были модель железнодорожного состава Марклина и вагона Пульмана, а также номер «Монд иллюстрэ» за 1870 год с изображением интерьера спального вагона. Один из отставных служащих подарил ему комплект фотографий: там были и почтовый вагон, и переход через пути, и стрелка, и железнодорожные знаки, и станционное здание, и туннель. У Донатьена Ванделя была заветная мечта – купить билет в спальный вагон «Восточного экспресса» и, забыв о службе и семье, отправиться куда-нибудь далеко-далеко...

Эварист Вуазен, сидевший на противоположном конце стола, начинал терять терпение. Ему хотелось налить себе стаканчик, но он не решался. Вуазен стыдился своего потертого выходного костюма, стоптанных ботинок, давно не стриженной рыжей шевелюры, в которой уже появились седые пряди. Он чувствовал себя не в своей тарелке, не подозревая, что на самом деле финансовое положение присутствующих немногим лучше, чем его собственное.

---

³ Игра слов: прозвище героя *Fourre-tout* («мешанина», «вверх дном») – созвучно с фамилией философа Фурье и идеями социалистов-утопистов о необходимости радикальных изменений «с ног на голову». – *Прим. перев.*

⁴ Каламбур в том, что во французском языке слово *piston* (поршень) имеет другое значение: протекция, блат. – *Прим. перев.*

⁵ *Pichet* (фр.) – кувшин. – *Прим. перев.*

«Нет, вы только гляньте на этих дармоедов, им бы только пыль в глаза пускать! – думал он. – А та толстуха, вся в рюшах, чего она все время на меня пялится? Черт возьми, у меня совсем в глотке пересохло!»

Он уже протянул руку к бутылке, когда наконец появился хозяин дома, крепкий пожилой мужчина с седеющей бородкой и закрученными кверху усами. Гюго Мальпер был чуть ли не единственным близким другом Эмиля Легри и, когда тот решил объединить своих подопечных в ассоциацию «Подранки», поддержал это начинание.

Собравшиеся смотрели на него с уважением и даже робостью, словно ученики на учителя.

– Где Максанс? – спросил он.

– Где-то в доме, – пробурчал Эварист.

– Тогда начнем без него, – распорядился Гюго. – Кухарка, мадам Бонефон, волнуется за суфле с ромом.

Эварист собрался с мыслями и начал речь:

– Мы бесконечно благодарны тебе, дорогой Эмиль Легри! Ты объединил реки наших жизней в мощный поток, и мы оплакивали тебя, стоя над гробом, не замечая ливня, который...

– И правда, Лазар, в тот день лило как из ведра! – шепнула соседу Сюзанна. – Я чуть не схватила воспаление легких!

Лазар Дюкудре очнулся от дремоты.

Метеорит приближался, оставляя на небе дымящийся след. Не сводя с него глаз, Жеробом Дараньяк встал. Судя по траектории, метеорит должен был упасть в болото в паре километров от его хижины.

Жеробом прижался спиной к стволу каштана. Неужели ему наконец повезло, и он своими глазами увидит падение небесного тела, которое, по мнению колдунов, обладает необыкновенными целебными свойствами... Безудержная радость охватила его, он глубоко вздохнул и бросился в заросли кустарника.

– О небесный гость, я заполучу тебя, и ты поможешь мне избавлять людей от страданий!

Максанс Вине не хотел слушать путаную речь Эвариста Вуазена. Он предпочел ознакомиться с хозяйской библиотекой. Будь на то его воля, он бы вместо журналов с рассказами о животных и пособий по лесоводству собрал здесь совсем другие книги.

– Каким же невеждой надо быть, чтобы засунуть бесценные философские труды на самую верхнюю полку! – бормотал он себе под нос. – Это просто возмутительно!

Максанс взял с полки первый попавшийся журнал.

– «Каждый двенадцатый житель Франции держит собаку», – прочитал вслух он. – Ну да, а наш хозяин держит их столько, что портит всю статистику.

Эмиль Легри видел в Гюго Мальпере продолжателя своего дела. Но тот быстро разуверился в том, что можно изменить человеческую природу к лучшему, и стал настоящим мизантропом.

Максанс Вине не получил высшего образования и набирал багаж знаний самостоятельно. Он свято хранил бесценный подарок Эмиля Легри, потрепанный экземпляр «Размышлений» Марка Аврелия, чье учение помогало ему переносить превратности судьбы. Повернувшись лицом к окну, он воскликнул:

– «Не заблуждайся доле; не будешь ты читать своих заметок, деяний древних римлян и эллинов, выписок из книг, которые откладывал себе на старость»⁶!

Вдруг он увидел в темном небе нечто, похожее на красноватый металлический шар. Несмотря на плохой слух, Максанс ясно различил нарастающий гул, заглушавший даже лай собак. Максанс вздрогнул. Странный свет озарил горизонт.

– Так поднимем же бокалы в память о нашем духовном наставнике Эмиле Легри, который, без всякого сомне...

Речь Эвариста Вуазена прервала ворвавшаяся в комнату мадам Бонфон:

– Господа, на помощь! Небо падает нам прямо на голову!

Все бросились к окнам и увидели светящийся шар, который перемещался с востока на запад, оставляя за собой пылающий след. Несколько взрывов прогремели один за другим. Двумя секундами позже раздался оглушительный свист, как если бы работала огромная турбина, слабый свет упал на каштаны в саду и почти тотчас же погас, зато на горизонте все ярче разгоралось желтоватое зарево.

– Метеорит! – выкрикнул Деода.

– Вы уверены?

– Абсолютно! Я изучал описание подобного явления в архивах обсерватории!

– Он упал где-то у монастыря святой Радегонды.

– Пойдемте, посмотрим! – предложил Виржилль Сернен.

– И не вздумайте! Мы сделаем это завтра на рассвете, – отрезала Рен Дюкудре.

– Вы собираетесь исследовать каждый кустик в лесу? – спросил Гюго Мальпер.

– Именно так.

– Но это же смешно!

– Я намерен поэкспериментировать с методом пеленгации, то есть определением местонахождения предмета, – объявил Деода Брикбек. – Мне понадобятся карандаш и бумага.

– Нужно совсем потерять рассудок, чтобы пытаться разыскать что бы то ни было посреди болот и дремучего леса!

«Проклятье! Теперь они еще долго не уберутся отсюда!» – подумал Гюго Мальпер. Он сделал над собой усилие и произнес:

– Как пожелаете. Я скажу кухарке, чтобы она приготовила корзины для пикника.

Чтобы накормить и разместить у себя этих людей, он был вынужден нанять дополнительную прислугу, которая помогала мадам Бонфон убирать комнаты и готовить еду. Лишь когда его надоедливые гости усядутся в поезд, он вздохнет с облегчением.

– Надеюсь, вы загадали желание? – проговорил он, с трудом скрывая вздох сожаления.

– Еще бы! Не каждому повезет увидеть падение метеорита! – воскликнул Виржилль Сернен.

– Что же вы надеетесь найти? – поинтересовался Донатьен Вандель.

– Камни из далекой таинственной Вселенной.

– Камни? Скорее, камешки! – проворчал Донатьен. – На вашем месте я бы поостерегся ползать по кустам: у вас опять могут начаться колики.

– Я не нуждаюсь в ваших советах! – пробурчал тот в ответ.

Дверь распахнулась. Мертвенно-бледный Максанс Вине стоял на пороге, сжимая в руке «Размышления» Марка Аврелия.

– Знак! Это Эмиль нам подал знак! – возвестил он, воздев указательный палец к потолку.

---

⁶ Марк Аврелий. «Размышления» (Пер. А.К. Гаврилова). – Прим. перев.

Глава вторая

Пятница, 15 августа

На соломенном тюфяке лежал, прерывисто дыша, ребенок с распухшей шеей. Мать сидела рядом, придерживая на его воспаленном лбу влажное полотенце. В освещенном дверном проеме возникла высокая фигура. Женщина повернулась к мужу:

– У нас нет выбора, визит доктора нам не по карману, придется идти за мецем⁷. Говорят, этот добрый человек творит чудеса и лечит бедняков бесплатно.

Мужчина нахмурил брови.

– Он колдун. Я уверен: то, что произошло сегодня ночью, его рук дело.

– Даже если он нам не поможет, хуже уже не будет!

– Это еще неизвестно...

– Ты хочешь, чтобы наш малыш умер?! – в отчаянии воскликнула женщина и склонилась над ребенком.

Ее муж взглянул на сына и вышел.

Он бежал, не останавливаясь, через болота, не замечая пения птиц и жужжания насекомых, сливавшихся в причудливую мелодию. Заслышав его тяжелые шаги, заяц шмыгнул в заросли папоротника.

Хижина меца стояла под высоким каштаном у зернового склада недалеко от так называемого Охотничьего замка – здания XII века с четырьмя массивными башнями, куда парижане любили приезжать на пикники. Жеробом Дараньяк работал угольщиком, иногда помогал бочару из Монлиньона. Питался он в основном дичью – зайчатиной, фазанами и куропатками, а еще грибами и лесной ягодой. К нему часто приходили за помощью издалека, и он принимал пациентов прямо на лугу, у пруда, заросшего лилиями, над которыми кружились стрекозы, а в плохую погоду – в своем бревенчатом домишке. Невдалеке располагалось небольшое поле гречихи, и красные тряпки, привязанные к деревьям, должны были отпугивать косуль.

Приблизившись, мужчина увидел разлетающиеся искры. Мец стучал долотом по предмету, лежавшему на наковальне.

Жеробому было около сорока. Он был высок, с черными вьющимися волосами и чисто выбритым лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы не зигзагообразный шрам на виске, полученный от одного ревнивого мужа – из-за той истории Жеробому пришлось уехать из родного Лимузена. Он был добрая душа и охотился только для того, чтобы утолить голод, а от пациентов принимал плату продуктами. Вот и теперь отец больного ребенка посулил ему дюжину яиц и два кочана капусты, если он вылечит малыша.

– У меня есть кое-что очень действенное, но это средство можно использовать только один раз.

Жеробом Дараньяк взвесил блестящий металлический предмет на руке. Конечно, жаль было с ним расставаться, но появление мужчины Жеробом воспринял как знак Провидения. Он верил в силу природы и знал целебные свойства диких растений и камней, но не переоценивал себя, считая лишь орудием, осуществляющим волю Всевышнего. Мысленно произнес молитву, Жеробом повернулся к мужчине:

– Я готов. Веди меня.

---

⁷ Мец – знахарь (от латинского *medicus* и французского *médecin* – врач). – Прим. авт.

Они двинулись через болота в обратном направлении. Солнечные блики плясали на тропинке, вдоль которой росли кусты ежевики. Когда они проходили мимо замка, стая голубей взмыла в небо, громко хлопая крыльями.

Склонившись над малышом, Жеробом осторожно ощупал отек. Потом послунял палец, начертал на груди ребенка какие-то знаки и плотно прижал к его распухшей шее металлический предмет, бормоча:

– Семь горестей, семь радостей, семь гордостей, семь печатей на книгах прорицателей, семь цветов радуги, семь нот в музыке... Семь, вечное число.

Через несколько минут он весь покрылся испариной, ощущая, как болезнь ребенка перетекает в магический предмет, а затем через руку проникает в его собственное тело. Если родители будут четко следовать его указаниям, ребенок скоро поправится.

– Это очень сильное средство, – сказал он, вручая им металлический предмет. – Я совершил магический ритуал, теперь это будете делать вы: слово в слово, жест за жестом, иначе болезнь не остановить.

Мать сжала сына в объятиях и радостно вскрикнула:

– Кажется... Похоже, он очнулся!

Она смотрела на меца с благоговением.

– Надо верить всему, сомневаться во всем и ничего не отрицать, – важно произнес Жеробом. – Возьми этот предмет, женщина, я доверяю его тебе. Слушай и запоминай. – Он прошептал ей что-то на ухо, затем отстранился и добавил вполголоса: – Ты понимаешь, что означает держать рот на замке?

– Да.

– Уверена?

– Да.

– Тогда приступай немедленно.

И Жеробом ушел.

Суббота, 17 августа, утро

– Время идет, а ваш экземпляр «Путешествия молодого Анахарсиса»⁸ все еще не продан. Вы не готовы с ним расстаться? – Посетитель поправил монокль и удалился.

– Звучит не очень-то оптимистично, – заметил Кэндзи Мори, надел очки и вернулся к своим каталожным карточкам.

– Если вы полагаете, что это потенциальный клиент, то глубоко ошибаетесь. Он слишком мрачно настроен и к тому же без гроша, – парировал Жозеф Пиньо, сердито поглядывая на Юрбена, уже третьего подручного, нанятого за последние шесть месяцев.

Кэндзи искоса посмотрел на зятя. Зачем Виктор решил сделать Жозефа компаньоном? Он был хорош на своем месте.

Несмотря на увлечение техническими новшествами, Кэндзи Мори был консервативен и не любил перемен. А Жозеф умудрился выжить из лавки уже двух служащих.

Раздражение мешало Кэндзи сосредоточиться. Он был не в восторге от союза Жозефа с Айрис, так как желал для дочери лучшей партии, но смирился с ее выбором, когда узнал о том, что она беременна. Увы, родилась девочка, а он мечтал о внуке. Айрис и Жозеф поселились в бывших комнатах Виктора – тот тоже женился и теперь появлялся в лавке лишь изредка... Одним словом, поводов для раздражения у Кэндзи хватало. В том числе и постоянное присутствие Эфросиньи Пиньо.

---

⁸ «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию в середине четвертого столетия до нашей эры», автор – аббат Жан-Жак Бартелеми (1716–1795). – *Прим. авт.*

Он снял очки, покрутил их в руках и убрал в ящик, не в силах больше слушать, как Жозеф громко отчитывает служащего:

– Зарубите себе на носу, Юрбен: работая в книжной лавке, вы обязаны знать имена писателей и годы издания всех книг, а еще быть всегда вежливы с покупателями. Кроме того, вы должны предлагать им книги, о каких они и не слышали!

«Он унаследовал ужасный характер от своей матери, – подумал Кэндзи, собирая свои карточки, – и этот Юрбен здесь тоже долго не продержится. Кстати, интересно, кем приходится мне Эфросинья Пиньо?»

Жозеф же, наблюдая за подчиненным, на самом деле завидовал ему, так как Юрбен очень ловко упаковывал книги в оберточную бумагу. Самому Жозефу это никогда не удавалось: то бумага рвалась, то бечевка запутывалась.

– Это все, на что он способен. При этом не может перечислить даже поэтов Плеяды! Это же надо было умудриться – заявить мадам де Камбрези, что Мариво – автор «Совращенной поселянки»! Хорошо еще, что старая карга и сама в литературе ничего не смыслит, она убеждена, что «Лжец»⁹ – это комедия Мольера! – пробормотал Жозеф. Еще один промах – и он уволит этого тупицу, который, к тому же, похоже, нечист на руку.

Его размышления прервало появление месье Шодре, аптекаря с улицы Жакоб.

– О, месье Пиньо, какое удивительное происшествие! Я видел все собственными глазами!

– Что вы видели?

– Позавчера я был в Монморанси, у моей сестры, мы праздновали ее серебряную свадьбу, была ночь, и звезды сыпались с неба дождем!

– Скоро, наверное, ни одной не останется, – с иронией заметил Кэндзи, с грохотом задвигая ящик стола.

– Не шутите, месье Мори, ведь это плохой знак, предвещающий войну, а может, и конец света. Так написали в газете. А вы как думаете?

– Что это души летят из чистилища в рай, – пробурчал Кэндзи.

– Надо же, а я все проспал! – расстроился Жозеф.

Пока он расспрашивал аптекаря, Кэндзи, покусывая карандаш, прислушивался к топотанию маленьких ножек на верхнем этаже. Внучка Дафнэ, которой недавно исполнился годик, занимала в его сердце особое место. Поначалу крики младенца приводили Кэндзи в ужас, но как только малышка впервые улыбнулась ему, сразу стала для него ангелом, пусть и с черными как смоль волосами и миндалевидными, чуть раскосыми глазками. Увидев первые неуверенные шаги и услышав первый лепет внучки, Кэндзи мгновенно превратился в ее покорного раба, не лучше бабки Эфросиньи, которая, коверкая слова и сюсюкая, громко восторгалась проделками малышки.

– Ради всего святого, мадам Пиньо, разговаривайте с ребенком на нормальном французском! – умолял Кэндзи, но Эфросинья его не слушала. Избавиться от нее можно было, лишь напомнив, что пора готовить ужин, или предложив проследить за тем, чтобы служанка Зульма Тайру не ушла домой, не закончив работу.

– Верно! Эта негодяйка только и думает о том, как бы улизнуть к своему голубку!

Речь шла о почтенном чопорном Андре Боньоле, слуге Виктора и его супруги Таша, который уже давно ухаживал за Зульмой Тайру, не решаясь признаться в своих чувствах, из-за чего девушка постоянно пребывала в рассеянности и била посуду. Эфросинья бранила ее на чем свет стоит, но иногда меняла гнев на милость и давала ценные советы.

---

⁹ Пьер Карле де Шамблен де Мариво (1688–1763) – французский комедиограф и романист, автор романа «Удачливый крестьянин», который Юбер перепутал с «Совращенной поселянкой» Никола Ретиф де ла Бретонна (1734–1806); «Лжец» – пьеса Корнеля. – *Прим. авт.*

К счастью, Кэндзи занимали не только проблемы домочадцев – он наслаждался идиллией в отношениях с Джинной Херсон, матерью Таша Легри, и проводил выходные в холостяцкой квартирке на улице Эшель, где переживал самые восхитительные моменты своей жизни. Он и не предполагал, что после смерти Дафнэ Легри способен испытывать подобные чувства.

– Вы слышали, месье Мори, – обратился к нему Жозеф, – Хосе-Мария Эредиа¹⁰ раздобыл на набережной оригинальный экземпляр «Мыслей» Паскаля всего за два су!

– Жаль, что мы его упустили! Впрочем, ничего удивительного: ведь Виктор занят фотографией, а вы – своими газетными вырезками! – И Кэндзи указал на стойку, где лежал свежий выпуск газеты «Фигаро».

– Неужели вам не интересно узнать, что произошло вчера ночью в лесу Монморанси! Вот послушайте! – И Жозеф прочитал:

Удивительное событие посеяло панику в окрестностях деревни Домон. Метеоритный дождь обрушился на руины храма святой Радегонды. Местные жители утверждают: им казалось, что на небе две луны.

Кэндзи не слушал Жозефа. Он силился выкинуть из головы Эдокси Аллар, княгиню Максимову, до замужества танцевавшую в «Мулен Руж» под именем Фифи Ба-Рен. Она позавидовала успеху Лианы де Пужи¹¹, гастролировавшей в России в 1894 году, и стремилась добиться того же на парижских подмостках. Кэндзи навестил Эдокси на прошлой неделе в ее квартире на авеню Опера, и с тех пор соблазнительный образ бывшей любовницы преследовал его, при этом, как ни странно, не затмевая чувств к Джине.

Жозеф продолжал рассуждать о метеоритах:

– С десятого по четырнадцатое августа они падали по всей Англии, от Стратфорда-на-Эйвоне до Бристоля. Один наблюдатель насчитал целых двадцать шесть!

– Надеюсь, он получит за это медаль. А вы уверены, что он не перебрал лишнего? – заметил Виктор Легри, входя в лавку.

– Вам смешно! Но я согласен: метеоритный дождь не предвещает ничего хорошего!

– Бойтесь конца света? Но Персеиды¹² в середине августа каждый год освещают наши ночи, в этом нет ничего сверхъестественного.

– Так или иначе, эту вырезку я сохраняю. – Жозеф аккуратно вклеил заметку в свой знаменитый блокнот, где коллекционировал описания всевозможных необыкновенных происшествий.

– Эти три заказа нужно доставить сегодня? – спросил Юрбен.

– Нет, в воскресенье после мессы! – с иронией воскликнул Жозеф. – Разумеется, сегодня! Вы уже должны быть в пути!

– Но покупатели живут в разных концах города: один – на улице Тюрбидо в Третьем округе, другой – на улице Дюрантон в Четвертом, а третий – в Сен-Манде.

– Поезжайте на омнибусе!

Юрбен ушел, а Виктор едва удержался, чтобы не напомнить Жозефу о том, что тот в свое время вел себя точно так же, как новый служащий.

Книжный магазин опустел, и три компаньона погрузились каждый в свои мысли.

Кэндзи грезил о граммофоне. Он видел рекламу в «Иллюстрасьон» и планировал приобрести новейшее техническое устройство к Рождеству.

---

¹⁰ Хосе-Мария Эредиа (1842–1905) – французский поэт кубинского происхождения. – *Прим. перев.*

¹¹ Лиана де Пужи (Анна-Мари де Шассень; 1869–1950) – французская танцовщица, писательница и куртизанка, одна из звезд Бель Эпок. – *Прим. перев.*

¹² Персеиды – метеорный поток, ежегодно появляющийся в августе со стороны созвездия Персея. – *Прим. перев.*

Виктор силился понять, почему фотографии обнаженной Таша – сколько же красноречия ему понадобилось, чтобы убедить ее позировать! – не получились такими, как он рассчитывал. Возможно, он добавил слишком много соды в проявитель. В его мечтах эти снимки оживали. Одна знакомая описала ему презентацию кинематографа братьев Люмьер, которую те провели 22 марта для членов национальной промышленной комиссии, и Виктор сразу понял: это будущее фотографии. Как бы ему хотелось увидеть «Выход рабочих с фабрики»... Он закрыл глаза и представил себе фильм, главная героиня которого была похожа на Таша.

Жозеф же обдумывал сюжет очередного романа с продолжением. Предыдущий, «Букет дьявола», печатавшийся несколько месяцев в газете «Пасс-парту», имел у читателей успех, а затем вышел отдельным изданием у «Шарпантье и Фаскель». Когда Жозеф узнал от Айрис – ему плохо давался язык Шекспира, – о том, что Шерлок Холмс погиб в смертельной схватке с профессором Мориарти у Рейхенбахского водопада, ему стало казаться, что жанр криминального расследования оказался в глубоком кризисе. Получится ли у него написать детектив? Если нет, то к какому жанру обратиться? Он пролистал «Юность Лагардера»¹³ и почесал в затылке. Взяться за приключения? Написать роман плаща и шпаги? Нет, нельзя бесконечно эксплуатировать тему горбуна, даже если являешься экспертом в этом вопросе¹⁴. Ах! Лагардер! Быть его alter ego! «Но я же не владею шпагой, – сказал себе Жозеф, – а значит, прощайте дуэли в сумерках на склоне перед замком Келюс-Таррид! А может, попробовать написать что-то в духе Жюль Верна или даже Альбера Робиды¹⁵? Создать роман не хуже, чем «Машина времени» некоего Г. Дж. Уэллса, который Айрис читает в английских газетах, описывая потом мужу конфликты между эллями и морлоками, происходящие в 802701 году. И вдруг Жозефа осенило: а что если ему написать о том, как гигантский метеорит упал прямо на Париж?

---

¹³ Автор Поль Феваль (1816–1887) – французский писатель, автор популярных приключенческих романов (так называемых романов плаща и шпаги), при жизни пользовался не меньшим успехом, чем Бальзак и Дюма. Роман издан в 1893 году. – *Прим. авт.*

¹⁴ Самым известным романом Феваля считается «Горбун» (1857), а Жозеф и сам горбат. – *Прим. перев.*

¹⁵ Альбер Робиды (1848–1926) – французский карикатурист, иллюстратор и писатель. В 1880-е написал футуристическую трилогию, став предтечей стимпанка. – *Прим. перев.*

Глава третья

Вторник, 22 октября

– Который час? – пробормотал молодой человек, развалившийся на перине.

Девушка приводила в порядок прическу, зажав во рту шпильки для волос. Воткнув в волосы последнюю, она показала локтем на грязное окно.

– Уже полдень. Давай-ка, пошевеливайся! Мне пора бежать на работу, – сказала она, завязывая мятую ленту бантом на пастушьем посохе.

Кора работала в «Пивнушке для холостяков» на улице Сен-Северен с пятнадцати лет. Ее приняли туда, поставив условие: никому не признаваться в том, что она еще несовершеннолетняя. Она и ее товарки должны были ублажать мужчин в специальных комнатках в подвале или в малой гостиной, где свидание стоило втрое дороже, так как клиентам в дополнение к пастушке полагались еще вишневая настойка или тминный ликер. По окончании рабочего дня Кора обслуживала постоянных клиентов. Эрик Перошон был из их числа, и поскольку она ему симпатизировала, он иногда оставался у нее на ночь.

Молодой человек облегчил карман своего сюртука, выудив оттуда последние монеты, и, насвистывая, спустился по лестнице. После того как умер отец, Эрику приходилось несладко – денег, которые давала мать, ему не хватало. Промучившись так некоторое время, он решил, что пора потрясти дядюшку Донатьена: тот все равно лежит без движения, и деньги ему не нужны.

Эрику Перошону было двадцать три года, и, пользуясь своей привлекательной внешностью, он соблазнял женщин самого разного круга. Молодой человек бы уверен, что надо брать от жизни все, и не собирался следовать примеру покойного отца, который всю жизнь честно трудился, чтобы обеспечивать семью. «Разве это жизнь, если надо на рассвете вылезать из постели, а вечерами считать, сколько удалось продать молотков, задвижек, метелок и кухонной утвари?» – рассуждал Эрик, которому вовсе не улыбалась перспектива стать хозяином мелочной лавки. Он терпеть не мог семейные обеды, во время которых все разговоры сводились к дежурным фразам вроде: «Передай мне масла!» или замечаниям относительно того, что некоторые идиоты не умеют распоряжаться своими деньгами. Запираясь у себя в комнате, юноша взхлеб читал приключенческие романы, представляя себя то капитаном Немо, то Чакасом, то Лагардером, то графом Монте-Кристо, то бароном де Сигоньяком¹⁶. Эрик мог бы стать бунтовщиком, но был для этого слишком расчетлив, а потому притворялся порядочным молодым человеком. «Кто ждет, тот дождется», – рассуждал он. Отец оплатил его обучение в Школе архитектуры на бульваре Монпарнас, но юноше занятия быстро наскучили, и он решил, что гораздо приятнее посещать театры, балы и дам с сомнительной репутацией. Каждое утро Эрик повторял, как заклинание: «Завтра будет лучше, завтра будет лучше». Он твердо верил, что блестящее будущее уготовано ему судьбой.

Тут все было фиолетовое – обои, обивка софы и двух вольтеровских кресел, стоящих перед сервантом, заставленным английским фарфором с фиолетовым узором, – даже скатерть на столе, и та была фиолетовой. Мрачная комната.

Донатьен Вандель был парализован и лишен дара речи, поэтому не мог сказать о том, что, возможно, ему стало бы лучше, если бы в комнате сменили декор. Он проклинал себя за то, что поддался на уговоры сестры. Четыре года назад она явилась к нему в слезах, оплаки-

---

¹⁶ *Чакас* – герой романа «Нагчезы» Франсуа Рене Шатобриана (1768–1848); *барон де Сигоньяк* – герой романа «Капитан Фракасс» Теофиля Готье (1811–1872). – *Прим. авт.*

вая своего супруга Жан-Поля. Донатьен Вандель тогда был заместителем начальника вокзала. Он рассудил, что сестре нужно о ком-то заботиться, и предложил ей с сыном Эриком переехать к нему. Увлеченный работой, он не сразу заметил, что Бернадетта быстро превратила его строгую холостяцкую квартиру в бонбоньерку. Да и потом не протестовал, радуясь тому, что может уделять больше времени племяннику, к которому питал отцовские чувства. Вандель видел Эрика знаменитым архитектором, который, возможно, превзойдет самого Гюстава Эйфеля.

Эрик появился на улице Депар ровно в полдень. «Дядя сейчас обедает. Присутствовать при этом – поистине пытка!» – подумал он и предпочел уединиться в своей комнате. К несчастью, по пути туда он столкнулся с матерью, сгибавшейся под тяжестью корзины с продуктами.

– У тебя сегодня нет занятий? – спросила она.

– Два преподавателя схватили инфлюэнцу. А ты сегодня занимаешься благотворительностью?

– Нет, я отложила это на завтра. У нас закончились продукты, а служанка вчера вечером сказала, что ее мать сломала руку, и я отпустила ее домой.

– Сиделка у дяди?

Бернадетта Перошон кивнула. Она никак не могла поверить в то, что брат никогда не оправится, и его неподвижно лежащее тело казалось ей куклой. Она отвела больному самую светлую из комнат и делала все возможное, чтобы обеспечить ему необходимый уход. Однако в глубине души, не признаваясь в этом даже самой себе, Бернадетта испытывала смутное удовольствие, став единоличной хозяйкой дома, – она расценивала это как восстановление справедливости. В юности она жила под строгим надзором родителей, затем по указке мужа. И хотя брат вовсе не был тираном, жизнь с ним под одной крышей означала зависимость. И вот наконец в пятьдесят два года Бернадетта обрела полную свободу действий. Эрик по большей части отсутствовал, а она делала что хотела: могла с аппетитом съесть краюху теплого хлеба или даже пирожное с кремом, а могла часами стоять перед зеркалом, примеряя новое платье... А как приятно было следить за сиделкой! Правда, тут Бернадетте ждало разочарование – пожилая некрасивая женщина атлетического телосложения ухаживала за Донатьеном безупречно и не давала никаких поводов для подозрений в воровстве. Вот и сейчас она упорно пыталась просунуть в сомкнутые губы своего подопечного ложечку рубленого мяса.

– Он все привередничает, упрямец, но я не отступлюсь! Не хотите мяса, месье Вандель? Тогда будем есть суп.

После короткой борьбы сиделке удалось влить в горло несчастному бульон из поильника. Правда, он чуть не захлебнулся, но она с силой хлопнула его по спине и, убедившись, что дыхание восстановилось, вытерла ему губы.

– Как он сегодня? – спросила Бернадетта.

– Так и зыркает на меня. Но я знаю, он меня очень ценит.

Заметив блеснувшую в глазах брата ненависть, Бернадетта Перошон с сомнением покачала головой. Она поправила ему одеяло и взбила подушку.

– Ему надо отдохнуть. Я закрою ставни.

– А как же компот?

– Оставьте его на полдник.

– В таком случае могу я отлучиться? Мне надо размять ноги, – спросила сиделка, которой на самом деле хотелось выкурить трубочку.

– Да-да, конечно. А я пока займусь корреспонденцией, мне надо написать пару писем.

...«Небо явно ко мне благоволит!» – сказал себе Эрик, бесшумно входя в дядину комнату. Там никого не было, больной спал. «Ну же, не стесняйся, – подбадривал себя юноша, – ощупай каждую складку одежды, подними крышки вазочек, проверь секретер, и ты наверняка разживешься хотя бы несколькими купюрами».

Донатьен наблюдал за племянником из-под прикрытых век. Он испытывал бессильную ярость, не имея возможности сопротивляться бесцеремонной сиделке, но то, что происходило сейчас у него на глазах, поразило его до глубины души. Похоже, Эрик ведет разгульную жизнь... Что ж, почему бы не обчистить дядюшку-инвалида, доживающего последние дни? Ничего, пусть парень развлекается, пока может, на учебе это не должно сказаться, утешал себя Донатьен. Он прикрыл глаза и дал волю воображению, мчась на полном скаку за неясной тенью, все быстрее и быстрее... чтобы отомстить!

Отправившись из Гранвиля в 8 часов 45 минут, экспресс № 56 миновал станцию «Версаль Рив-Гош» и, изрыгая серый дым, помчался в направлении путепровода.

Машинист Гийом-Мари Пелерен велел кочегару Виктору Гарнье подбросить угля в топку, чтобы быстрее преодолеть последние два километра до станции, соединяющей западную линию с кольцевой железной дорогой. Он считал своим долгом прибыть к месту назначения вовремя и, опоздав на вокзал Монпарнас хотя бы на пять минут, очень бы расстроился.

Начальник поезда Альбер Марьетта с легким беспокойством отметил, что скорость превысила пятнадцать километров в час, но доверился опытному машинисту, работавшему в компании уже девятнадцать лет. Марьетта смотрел на мелькающие за окнами дома и думал о том, что никогда не узнает о привычках их обитателей. Когда состав проехал мимо высокого здания с изображением огромной упаковки детского питания «Фосфатин Фальер», беспокойство начальника поезда возросло – в этом месте поезд обычно замедлял ход, но сегодня этого не произошло. Паровоз подтвердил его опасения протяжным свистом – экспресс несея с недопустимой скоростью.

Альберт Марьетта нажал на тормоз Вестенгаузена, а кочегар тем временем лихорадочно забрасывал в топку песок. Но было уже поздно – потеряв управление, поезд на всех парах мчался к вокзалу.

Стоявший на перроне железнодорожник бросился прочь, его примеру последовали пассажиры. Платформа опустела за несколько секунд.

На Реннской площади¹⁷ недалеко от буфета под навесами-маркизами стояли трамваи линии «Бастилия – Монпарнас» и «Монпарнас – площадь Звезды». Чуть в стороне, между улицей Ариве и улицей Депар, в просторном крытом помещении толпились пассажиры, ожидающие прибытия омнибусов до Ванва и Менильмонтана. Пожилая пара с плоскими плетеными корзинками поднималась по ступеням, мужчина с тростью помогал жене. Они опустили на сиденья и задремали. По счастью, лошади, запряженные в вагон трамвая, вовремя услышали страшный грохот, встали на дыбы и рванулись вперед, спасая пассажиров от неминуемой гибели.

Паровоз сошел с рельсов, проскочил на полном ходу через зал ожидания, пробил стену, вылетел на Реннскую площадь и упал с десятиметровой высоты вниз. Падая, он задел заднюю часть трамвая маршрута «Монпарнас – площадь Звезды», оторвал у него подножку и уткнулся носом в землю, напоминая огромное доисторическое животное, упавшее в пропасть. Тендер и первый багажный вагон отлетели в сторону, второй багажный, почтовый и десять пассажирских чудом удержались на краю зияющей в стене вокзала пробоины.

---

¹⁷ Ныне площадь 18 июня 1940 года. – Прим. авт.

Снаружи собирались зеваки, на вокзале служащие спешили на помощь пассажирам, среди которых, к счастью, не оказалось тяжело раненных. Машинисту и кочегару удалось выпрыгнуть на подъезде к тупику.

В этой катастрофе была лишь одна жертва: Мари-Огюстин Эгийяр, мать двоих детей, которая подменяла мужа в киоске, пока он запасался вечерними газетами, получила смертельный удар по голове зольником¹⁸ безумного поезда.

От удара здание на улице Депар дрогнуло. Большая фарфоровая ваза упала на пол, от потолка, уже давно потрескавшегося под двойным слоем фиолетовой краски, откололись два больших куса штукатурки и обрушились прямо на голову Донатьену Ванделю. Эрик бросился к дяде, схватил простыню и стал вытирать ею усыпанное побелкой лицо несчастного. Тот едва дышал. Почти улегшись на него, Эрик различил слабый шепот:

– Я могу... я хочу...

– Ты говоришь! Ты выздоровел!

Эрик не знал, радоваться ему или скрипеть зубами. Он, конечно, рассчитывал на дядюшкино наследство, но в глубине души считал Донатьена славным человеком, не заслуживающим такой жалкой участи.

– Я позову маму! – воскликнул он.

Сильные пальцы впились в его руку.

– Нет-нет, я должен тебе сказать... времени мало...

Донатьен дико выпучил глаза и дернулся от приступа ужасной боли. Его голова горела в огне.

– Сокровище... Забери его, это из-за него я пострадал. Запиши, поторопись, конец близок... Отомсти за меня!

Не найдя карандаша, Эрик прижал ухо к губам умирающего, у которого уже почти не осталось сил говорить. Он произносил какие-то бессвязные обрывки слов, и Эрик разобрал только что-то про 15 августа, двуличность и – несколько раз – слово «сокровище». Потом прозвучали имя и адрес. Эрик повторил их несколько раз, чтобы запомнить. Пальцы, вцепившиеся в его руку, разжались, и Донатьен Вандель выпустил дух.

---

¹⁸ Зольник – бункер, расположенный в нижней части (под колосниковой решёткой) топки паровоза, служащий для сбора золы и шлаков, образовавшихся в результате сгорания топлива. – *Прим. перев.*

Глава четвертая

Среда, 23 октября

«В нашей памяти, этом антикварном магазине впечатлений и идей, мы обнаруживаем иногда, неожиданно для самих себя, старое забытое воспоминание, которое позволяет нам заново пережить какое-нибудь событие далекого прошлого».

Прочитав это высказывание Мопассана, напечатанное в газете «Галуаз» в 1881 году, Кэндзи Мори невольно вспомнил эпизод из своей юности, затерявшийся в дальних уголках сознания. Стоял жаркий июльский день, он гулял по улицам японского города Кобе со своей кузиной Кумико. Их внимание привлек торговец сладостями. На его передвижном лотке лежали горкой сухие стебли тростника и мизу аме, тесто на основе рисовой муки. Торговец создавал из них для каждого ребенка по желанию зверей, птиц, бабочек или цветы. Кэндзи спросил Кумико, что она хотела бы получить, и девочка, помедлив, выбрала дракона. Оторвав от тростника липкую фигурку сказочного животного, она завернула ее в бумагу и сказала, что сохранит на память. Кэндзи думал о том, что теперь Кумико, наверное, уже красивая солидная дама. Интересно, остался ли у нее тот дракончик из рисовой муки...

Его воспоминания прервали пронзительные женские голоса: он узнал Матильду де Флавиньоль, Рафаэль де Гувелин, Хельгу Беккер, консьержку Мишлин Баллю и, конечно же, Эфросинью. К ним примешивались и мужские – Жозефа и Виктора.

– Семьдесят тысяч кило, какая громадина! – говорил Жозеф.

– Йа-йя, это ужасно, почему же тормоз не сработал?! – Судя по немецкому акценту, это была Хельга Беккер.

– Виноват машинист. Говорят, он действовал вопреки правилам, установленным на вокзале Монпарнас: он должен был начать торможение заранее, – заявила Рафаэль де Гувелин.

– Он не мог маневрировать, – возразила Хельга Беккер. – Представьте, что вы едете на велосипеде по мокрой дороге, скользите и... хлоп! Месье Легри, а вы знаете, что в Лондоне женщинам скоро разрешат появляться в брюках в отелях и ресторанах?

– О! Месье Легри, скажите, что вы об этом думаете, – пропела нежным голосом Матильда де Флавиньоль, уже много лет питавшая слабость к Виктору – без всякой надежды на взаимность.

– Как сказал бы мой компаньон, в наши дни дамы сильнее покрыты нагаром¹⁹, чем в незапамятные времена, но меньше, чем пеньковые трубки или чайники.

– А я считаю, что показывать ноги неприлично, если хотите знать мое мнение! – высказалась Эфросинья.

Та, кого она пренебрежительно называла Тевтонкой, наградила ее презрительным взглядом, и мадам Пиньо мысленно произнесла в ее адрес гневный монолог о «немецких войсках», пообещав себе записать его в дневник.

– Реннская площадь выглядит просто ужасно! – продолжила тему Рафаэль де Гувелин. – Этот стоящий вертикально паровоз, повсюду обломки... Не представляю себе, как его будут поднимать. Но, надо отдать должное мэру, силы правопорядка были на высоте.

---

¹⁹ Игра слов: французское слово *culotté* имеет несколько значений: одетый в брюки; обкуранный, покрытый нагаром; наглый, нахальный. – Прим. перев.

– Поезд пролетел через весь вокзал, и это просто чудо, что никто из пассажиров не пострадал. Если бы стена не обрушилась, вагоны сплющило бы об нее, и получилась бы братская могила, – заметила Матильда де Флавиньоль.

– Одна женщина все же погибла, – возразила ей Хельга Беккер.

– Что до меня, я никогда не соглашусь путешествовать на поезде! Все эти новейшие изобретения мне до лампочки, от них одни неприятности! – заявила Мишлин Баллю и удалилась в свою каморку.

– Ну, уж вам-то точно ничего не грозит, – пробормотал Жозеф. «А что, если вставить в будущий роман не только историю о гигантском метеорите, обрушившемся на Париж, но и произошедшую накануне железнодорожную катастрофу?» – задумался он, но Рафаэль де Гувелин не дала ему сосредоточиться.

– Месье Пиньо, я хочу просить вас об одолжении. Скоро ваша очаровательная малышка будет спать в кроватке, и...

– Ну, да, Айрис собирается переделать бывший кабинет Виктора в детскую.

– Когда это произойдет, не будете ли вы столь любезны и не продадите ли мне эту восхитительную плетеную колыбель из ивы, которую ваша супруга украсила сатином и тюлем?

Жозеф удивленно посмотрел на Рафаэль де Гувелин. Неужели она согрешила, в ее-то возрасте?

– Мои дорогие малыши будут довольны, если у них будет такая колыбель, вся в кружевах и бантиках.

– Ваши дорогие малыши?!

– Мальтийская болонка и шипперке.

Виктор закашлялся, чтобы не расхохотаться, и поспешно скрылся в хранилище. Там он с удивлением обнаружил Кэндзи.

– Скоро они уберутся? – тихо спросил тот.

– Понятия не имею. Боюсь, их визит затянется надолго.

– А Юрбен, когда он вернется?

– Этого я тем более не знаю.

– А вы в курсе, что Жозеф снова дал объявление о том, что нам требуется служащий? Я было его пожурил, но он сказал, что хочет найти работника, который говорил бы по-английски, знал историю литературы и умел вести бухгалтерские книги.

– Зачем? Мне кажется, Юрбен весьма успешно справляется со своими обязанностями, – заметил Виктор.

– А еще я хотела бы побеседовать с вашей супругой, – не отставала от Жозефа Рафаэль де Гувелин. – Мне нужен ее совет: я вяжу крючком ошейники для моих милашек, в них вплетены бубенчики, и застегиваются они на крючки. У меня никак не получается это сделать!

Жозеф сообразил, что это отличный предлог скрыться.

– Подождите меня здесь, я сейчас все для вас узнаю! – И он поспешно взбежал по ступенькам вверх.

Айрис была раздосадована. Она надеялась спокойно закончить сказку «Божья коровка без пятнышек», но ее постоянно отвлекали. Сначала Эфросинья, костерившая на чем свет стоит немку и велосипеды, потом Жозеф, едва сдерживавшийся, чтобы не выставить вон этих кумушек. Увидев, в каком он состоянии, Айрис поняла, что должна его успокоить, и они вместе склонились над колыбелью, где щебетала маленькая Дафнэ.

Жозеф собирался поговорить с женой о переезде. Ему хотелось, чтобы они жили отдельно от Кэндзи и Эфросиньи, и он уже не раз заводил об этом разговор, но Айрис уклонялась от ответа, и он понял: она еще не готова расстаться с отцом.

«Ничего, я подожду: уверен, этот момент когда-нибудь наступит», – сказал себе Жозеф, собираясь с духом, чтобы спуститься вниз.

Айрис закрыла за ним дверь на задвижку и вздохнула с облегчением. Она открыла ящик секретера, где хранила тетради со своими сказками, иллюстрации к которым рисовала Таша, и погрузилась в мечты о том, как отец ей подарит пианино, и она будет играть для дочери. Потом она уселась за стол и вернулась к сказке.

Никто не звал в гости божью коровку по имени Ледибед, потому что на ее спинке не было ни одного пятнышка – в отличие от других божьих коровок.

– Она согласна меня принять? – бросилась к Жозефу Рафаэль де Гувелин.

– Сейчас Айрис пеленает ребенка. Приходите завтра.

Рафаэль де Гувелин обиженно удалилась, фрейлейн Беккер и Матильда де Флавиньоль последовали ее примеру.

На улице уже темнело, и Жозеф зажег светильники с колпачком Ауэра²⁰, которые заказал для лавки Кэндзи, обожавший всяческие технические новшества.

Пламя восковых свечей в четырех подсвечниках рисовало на потолке причудливые тени. Сгорбившись в вольтеровском кресле рядом с безжизненным телом брата, Бернадетта Перошон стонала, закрыв лицо ладонями. Ей было очень стыдно, но она не могла выжать из себя ни слезинки. Возможно, она слишком много их пролила, оплакивая мужа? И теперь не столько горевала по Донатьену, сколько злилась на него. Он оставил ее! Ушел, даже не успев исповедоваться. Оставил ли он завещание? И что в нем написал? Есть ли у него какие-то деньги? Или ценности? «В любом случае, – успокаивала себя женщина, – мы с Эриком его единственные наследники». Конечно, ей будет не хватать брата, но она надеялась, что еще успеет насладиться обеспеченной старостью.

Сиделка тоже расстроилась. Здесь, у Ванделей, ей было совсем неплохо, а теперь придется искать нового пациента, и кто знает, какие там будут условия. Как же она ненавидела эти лицемерные стенания у тела покойника! Женщина украдкой взглянула на Эрика. Кажется, он уже успокоился. Когда она вошла, парень был в шоке. Но как только доктор подтвердил, что Донатьен Вандель отправился к праотцам, на лице молодого человека появилось обычное насмешливое выражение. И слава богу, сиделка не вынесла бы, если бы он последовал примеру своей мамы.

Эрик испытывал смешанные чувства: отвращение перед смертью и смутное ощущение утраты. Он закрыл глаза и сосредоточился на последних словах Донатьена. Дядя упомянул о каком-то сокровище. Скорее всего, это был бред умирающего. Разве можно представить, чтобы респектабельный чиновник, заместитель начальника вокзала, закопал где-то сундук, полный драгоценностей и дублонов? Или дядя имел в виду что-то другое? Эрик подавил зевотку и решил дожидаться оглашения завещания.

Суббота, 26 октября

Когда нотариус закончил читать завещание, Эрик окончательно убедился в том, что богатые американские дядюшки – миф. Донатьен Вандель оставил все свое имущество сестре Бернадетте. Речь шла о квартире на улице Депар, включая мебель, белье, кухонную утварь и прочее. Что касается Эрика, то он стал обладателем коллекции миниатюрных железнодорожных составов, с любовью расставленных дядюшкой в стеклянном шкафу.

---

²⁰ Карл Ауэр фон Вельсбах (1858–1929) – австрийский химик, в 1885 году изобрел и запатентовал газокалильную сетку, многократно усиливающую яркость газового пламени, использовавшегося тогда для освещения – т. н. «ауэровский колпачок». – Прим. перев.

Лежа в своей комнате, Эрик погрузился в мрачные размышления. Его ждет нищета! Затем, развивая неясную мысль, посетившую его во время визита к нотариусу, он пришел к уверенности, что история с сокровищем, возможно, все же имеет какой-то смысл.

Юноша прокрался в дядюшкин кабинет: единственный уголок в квартире, обустроенный по вкусу Донатьена, – стены там покрывали афиши с изображением полуобнаженных танцовщиц.

Дядюшка часто приговаривал: «Лови удачу за хвост: не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня!» Эрику Перошону был по душе этот девиз. Он подошел к стеклянному шкафу, отодвинул в сторону миниатюрные поезда, резким движением оторвал покрывавшую полки материю и обнаружил под ней двенадцать тысячефранковых купюр. Да это целое состояние! Матери он про свою находку ничего не скажет. Однако то ли это сокровище, о котором говорил дядя? Видимо, все-таки нет, ведь Донатьен явно пытался сказать, что сокровище у него похитили. Мало того, просил племянника отомстить...

Эрик долго раздумывал, прежде чем у него созрел план действий.

Где – ему было известно. *Когда* – зависело только от него самого. А вот *как* – это уже совсем другой коленкор...

Глава пятая

Понедельник, 28 октября

Жозеф стоял у прилавка и, забыв про кофе, задумчиво смотрел на хмурую дождливую улицу. Крупные капли дождя, похожие на слезы, струились по стеклу и стекали на тротуар.

«Сегодня к нам вряд ли зайдет хоть один покупатель, я мог бы спокойно отправиться спать...»

Одна из витрин книжной лавки «Эльзевир» была отдана на откуп детективным и приключенческим романам: тут были и «Комната преступления» Эжен Шавет, и «Обезглавленная» Фортюне Дю Буасгобей; и книги Пьера Заккона, и «Пять су Лавареда» Поля д'Ивуа²¹, изданный в прошлом году, а также несколько романов Роберта Льюиса Стивенсона и Артура Конан Дойля на английском языке. На самом видном месте красовались «Странное дело Анколи» и «Кубок Туле», произведения Жозефа Пиньо. Мужчина в потертом котелке и клетчатом костюме, не обращая внимания на ливень, с интересом изучал витрину. Жозефа это удивило: неужели его романы уже настолько популярны, что читатели готовы прийти за ними даже в непогоду. Он вышел на порог.

– Вижу, месье ценит книги.

Посетитель вздрогнул от неожиданности.

– Детективы – моя страсть, – признался он.

– Правда? Приятно встретить единомышленника! У вас есть любимые авторы?

– Я... эти я все прочитал, кроме вон тех двух, – пробормотал мужчина.

– Тех, что лежат на возвышении? Их написал я.

– Что вы говорите?! Какая честь для меня – побеседовать с живым писателем!

– Так заходите же в лавку, не то схватите инфлюэнцу!

Мужчина замялся, но все же вошел в помещение магазина, оставляя на полу мокрые следы.

– Шерлок Холмс был бы счастлив идти по вашему следу, если бы вы были преступником, – заметил Жозеф, поспешно вытирая пол, пока Эфросинья ничего не заметила. Сейчас он был в лавке один, но не стоило испытывать судьбу. Он подвел посетителя к стеллажам, посвященным детективным историям.

– Рекомендую. Если вам доставит удовольствие полистать...

Мужчина замялся и смущенно пробормотал:

– Я бы предпочел купить... ваши книги с автографом.

Жозеф покраснел от удовольствия.

– С радостью подпишу их для вас! Надо сказать, они имеют успех.

Он подбежал к письменному столу Кэндзи, погладив в порыве чувств бюст Мольера, стоявший на каминной полке, уселся в кресло и вынул из кармана на груди вечное перо.

– Как ваше имя?

– Симеон Дельма.

Жозеф расписался на форзаце.

– Не закрывайте сразу, пусть чернила высохнут. Итак, вы читали Стивенсона и Конан Дойля. Вы говорите по-английски?

---

²¹ *Фортюне Дю Буасгобей* (1821–1891) – французский писатель, автор полицейских романов/фельетонов; *Пьер Заккон* (1817–1895) – французский писатель, стал популярен благодаря публикации фельетонов в дешевых газетах; *Поль д'Ивуа* – французский писатель, автор приключенческих романов. – *Прим. перев.*

– Да, я провел год в Кембридже. Сколько я вам должен?

– Три с половиной франка умножить на два, будет семь.

Симеон Дельма сунул руку в карман пиджака и высыпал на ладонь монеты. Их было всего четыре.

– Мне очень жаль, я не взял с собой наличные. Отложите для меня эти книги, я вернусь за ними в конце дня. В котором часу вы закрываетесь?

– В половине седьмого. Пожалуйста, возьмите их, я вам доверяю.

– Нет-нет, вдруг мне что-нибудь помешает прийти. До вечера, месье Пиньо, я постараюсь быть здесь около шести.

Симеон Дельма вежливо приподнял шляпу. Открывая дверь, он посторонился, чтобы пропустить Юрбена, который влетел в лавку со всех ног.

– Как вам не стыдно! – набросился на него Жозеф. – Вы чуть не сбили с ног этого господина! Вам надо на центральном рынке овощи грузить, а не книги продавать!

– Мсье Пиньо, месье Шодре просил передать, что он в ярости оттого, что ваши политические очерки неполные!

– Во-первых, они не мои, а Эжена де Мирекура²². А во-вторых, месье Шодре имел удовольствие пролистать книгу, а я сделал ему скидку! И вообще, это не повод, чтобы налетать на других клиентов. Впредь будьте осторожнее!

Юрбен, опустив голову, шмыгнул на свое место за прилавком и раскрыл книгу заказов.

Виктор любил проводить время в фотолаборатории, которую устроил в бывшей столовой на улице Фонтен. Перепланировку решила сделать Таша – они все равно обедали у нее. Таким образом, Виктор получил в свое распоряжение просторное помещение, где можно было удобно разместить аппаратуру. Из кухни сюда провели воду и оборудовали кран над керамической раковиной.

Слева от раковины находился бак с проявителем, а справа стояли в ряд снабженные этикетками флаконы с химикатами и лежал корнцанг, с помощью которого Виктор извлекал из ванночки негативы. На окне висели плотные шторы. Еще в комнате была печь с дымоходом. На столе стояли весы, фонарь со сменными стеклами красного и желтого цвета и керосиновая лампа.

Виктор ласково погладил фотокамеру со штативом, которую подарила ему Таша на годовщину их знакомства в июне 1889 года. Вопреки предсказаниям некоторых их общих знакомых, его чувство к ней не слабело, а с каждым годом лишь росло, обретая глубину и новые краски.

Виктор любил бродить по Парижу и запечатлевать повседневную жизнь его обитателей, особенно ремесленников и рыночных торговцев, а еще женщин и детей. Он видел в этом свое предназначение: ему хотелось увековечить представителей профессий, которые, возможно, скоро безвозвратно уйдут в прошлое. В фотографии Виктора привлекало то же, что и в криминальных расследованиях: ему хотелось уловить и рассмотреть непримечательные на первый взгляд детали.

Он задержал взгляд на фотографии обнаженной Таша. Изгибы ее тела пробуждали в нем желание.

А я изменился, вдруг понял Виктор. Когда-то он был ветреником. Но, влюбившись в Таша, узнал, что такое чувство собственника. Женитьба ничего не изменила, он по-прежнему ревновал супругу, хотя со временем научился сдерживать эмоции.

---

²² Эжен де Мирекур (Шарль Жан Батист Жако; 1812–1880) – французский писатель, автор еженедельного периодического сборника «Современники». – Прим. авт.

Виктор решил заняться проявкой снимков. Он стал готовить раствор, но выяснилось, что закончилась сода, и настроение у него сразу испортилось.

Таша тем временем сражалась у себя в мастерской с огромным панно, изображающим всадницу на мчащейся галопом лошади. Она отложила палитру, сказав себе, что ей никогда не сравниться с Лотреком, и наклонилась, чтобы погладить Кошку, которая, громко мурлыкая, терлась об ее ноги.

– Тебе хорошо, Полукисточка, ты довольна жизнью: целыми днями только спишь, набиваешь себе брюшко, да еще и погуливаешь, если не запереть тебя дома. Что, я не права? Ну да, конечно, бедняжка, в прошлом году у тебя отобрали котят и раздали чужим людям! И все равно я тебе завидую: у тебя есть потомство... Моя сестра Рахиль беременна, а у нас с Виктором по-прежнему нет детей. Хотя... возможно, это к лучшему...

Таша потянулась и села в одно из кресел в стиле Генриха IV, стоящее рядом с канapé эпохи Регентства. Эту мебель Виктор купил в еще 1890 году. Больше всего Таша нравилась двуспальная кровать, стоящая в нише. Когда пружины стонали, не выдерживая бурных любовных утех, супруги перемещались в спальню к Виктору, хотя Таша было там не слишком уютно. Странно, как это они, такие разные люди, могут любить друг друга! Наверное, это возможно только благодаря взаимному уважению.

Таша пролистала альбом с набросками иллюстраций к сказкам Андерсена. Ей заказал их один бельгийский издатель, и она взялась за работу, так как ее картины не продавались. Несмотря на успех выставки, организованной в 1894 году «Ревю бланш», ни один коллекционер не приобрел ее картин. Таша отдавала себе отчет в том, что работами женщин-художниц интересуются куда меньше, чем произведениями их коллег-мужчин, но ее все чаще посещали сомнения. Стоит ли ей продолжать заниматься живописью? Виктор считал, что да. Но холсты, рамы и краски стоили дорого, поэтому Таша бралась за любую работу: она рисовала иллюстрации к книгам и карикатуры для газет, особенно для «Пасс-парту», где когда-то начинала, а еще раз в неделю давала вместе с матерью уроки акварели. Она придирчиво оглядела эскиз к сказке «Русалочка», который считала лучшим, и вдруг подумала, что и сама, подобно Русалочке, приносит себя в жертву – только не любви, а независимости. Таша вспомнила, как рисовала весной театральные задники для «Театр Либр». Столько самоотверженного труда – и такая смехотворная плата! Ей часто приходилось жертвовать интересными предложениями в пользу денежных. Вот и теперь она обдумывала предложение сэра Реджинальда Лимингтона, близкого друга английского писателя Оскара Уайльда, судебный процесс над которым вызвал в мае много кривотолков. Речь шла о том, чтобы сделать четыре декоративных панно для украшения одной из гостиных парижского особняка Лимингтона. Таша склонялась к тому, чтобы взяться за это – и на этот раз не только для того, чтобы покрыть свои расходы. Она надеялась раз и навсегда избавить Виктора от безосновательной ревности и доказать ему, что ничто не разрушит их брак.

– Идиотка! Ты вся – сплошное противоречие! Любишь мужа, но несмотря на его недовольство, все равно встречаешься с друзьями-художниками. Да, но не сидеть же круглосуточно в четырех стенах, правда, Кошка? Иначе дойдет до того, что я буду скучать даже по бездельнику Морису Ломье!

Таша отдалилась от всей этой братии, когда дело Дрейфуса вызвало во Франции всплеск антисемитизма. Был он виновен или нет, художники Форен и Каран д'Аш²³ яростно выкрикивали расистские лозунги. После ссылки Дрейфуса на Чёртов остров они поутихли, однако Таша не торопилась возобновлять с ними знакомство и ограничивалась общением с

---

²³ Жан-Луи Форен (1852–1931) – французский художник, график, книжный иллюстратор; Каран д'Аш – псевдоним известного французского карикатуриста Эммануэля Пуаре. – Прим. перев.

братьями Натансонами²⁴. Она слишком серьезно пострадала от глубокой ненависти русских к евреям, чтобы испытать подобное снова, причем в стране, которая казалась ей образцовой с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина. А ее отец Пинхас, опасаясь репрессий, вообще перебрался в Нью-Йорк...

Таша вздохнула и сунула альбом с набросками в стопку эскизов. Кошка мяукнула.

– Ты права, пора принимать решение. Я соглашусь на предложение сэра Реджинальда.

... Человек в клетчатом костюме и потертом котелке появился в книжной лавке «Эльзевир» за двадцать минут до закрытия. Жозеф, просияв, вышел ему навстречу.

– Вы пунктуальны, месье Дельма! Ваши книги упакованы.

– Я должен вам три франка, вот они. Я тут подумал... и принес вам своего Конан Дойля. У меня оказалось два экземпляра, они не совсем новые, зато это первое английское издание.

– Как мило с вашей стороны! Я как раз изучаю английский, и мне будет очень полезно почитать Конан Дойля в оригинале. Пойдемте, поговорим в задней комнате, здесь нам могут помешать, – предложил Жозеф, увидев в дверях внушительную фигуру Эфросиньи.

Кэндзи тем временем поспешил на помощь милой барышне, которая искала сентиментальные новеллы. Он проигнорировал взгляд Эфросиньи, пристально изучавшей его волосы, изменившие цвет благодаря патентованному средству «Нигритин», и притворился, что не слышит ее жалоб на служанку Зульму Тайру:

– Эта негодяйка не прибрала за собой на кухне! Это ей даром не пройдет!

Неизвестно почему в магазин рекой хлынули покупатели. Их голоса действовали Виктору на нервы – он злился на Таша, которая объявила, что в ближайшие несколько недель будет выполнять какую-то важную работу, и ей, возможно, придется ночевать в особняке сэра Реджинальда Лимингтона на улице Фезандри! Виктор возмутился: да кто такой этот проходимец, чтобы навязывать ей свое общество? Таша заметила, что заказчик – настоящий денди, который высоко ценит ее талант. Он попросил расписать стены его дома мифологическими сюжетами. Виктора такое объяснение не удовлетворило, и он весь день кипел от злости и ревности.

Вот почему, когда Мишлин Баллю подошла к нему, он встретил ее враждебным взглядом. Но смутить консьержку было невозможно, и Виктор сдался, согласившись ее выслушать.

– Позвольте мне занять мансарду на шестом этаже! Я бы припрятала там свои фарфор и столовое серебро на случай, если лишусь работы. Надо быть готовой ко всему... Глядите-ка, помяни лихо, и оно тут как тут: вот и гадюка Примолин, во все бочки затычка! – Консьержка оттеснила Виктора к комнате в глубине лавки и шепнула: – Ей нельзя доверять. Так что, вы согласны пустить меня в мансарду?

Виктор молча кивнул.

– Очень мило с вашей стороны! Вот только есть одна загвоздка... там все заставлено мебелью, а еще такой огромный сундук, ну, знаете, тот самый, в котором ваш покойный дядюшка хранил свои вещи... Он занимает так много места!.. Я позволила себе заглянуть в него одним глазком и увидела там только старые счета и какие-то бумаги. Если бы вы разрешили мне выкинуть хотя бы часть из них, я бы смогла положить туда мой фарфоровый кофейный сервиз, ну, и несколько салатниц, их подарил мне мой покойный супруг Онезим...

– Хорошо, я разберу сундук.

– Когда именно?

---

²⁴ Таде Натансон (1868–1951), вместе со своими братьями Александром и Луи-Альфредом (его писательский псевдоним – Альфред Ати), руководил литературно-художественным журналом «Ревю бланш». – *Прим. авт.*

Симеон Дельма с любопытством наблюдал за этой сценкой. Жозеф считал своим долгом вмешаться:

– Не обращайтесь внимания, месье Дельма, это наша консьержка, она всегда говорит очень громко.... – Жозеф спохватился, что не представил своего нового знакомого. – Виктор, это месье Дельма, один из моих преданных читателей. Месье Дельма, Виктор Легри – мой шурин и компаньон. Могу ли я показать месье Дельма наши книги?

– Безусловно, – сказал Виктор и вновь повернулся к консьержке.

– Вы застали меня врасплох, мадам Баллю, – пробормотал он.

– У вас ведь найдется завтра часок, я же не бог весть чего прошу! Я положу ключ рядом с Лафонтеном... – не отставала мадам Баллю.

– Это Мольер.

– Ох, какая разница, у обоих были парики и оба сочиняли рифмы! – не смутилась она.

– Доброй ночи! – буркнул измученный Виктор и бросился вон из магазина.

– Нет, все-таки странный он человек! Что я, не имею права попросить о незначительном одолжении? Я тут, между прочим, день и ночь надрываюсь, пока кое-кто спит с курочками в обнимку!

– А вам не приходило в голову, мадам Баллю, что если курочка оставит гнездо, мы останемся без омлета на завтрак? – шепнул ей Кэндзи.

– Боже, да тут не только месье Легри, тут все как один чокнутые! – взвизгнула консьержка, посчитав себя оскорбленной.

– Не удивляйтесь, месье Дельма, такие перебранки у нас дело обычное, – сказал Жозеф обескураженному посетителю.

Симеон Дельма кивнул:

– Да-да, мне такое хорошо знакомо. Я вырос в большой семье. Мы иногда так шумели, что консьержка являлась выяснять, в чем дело.

Жозеф испытывал к новому знакомому все больше симпатии.

– Может, останетесь отужинать с нами? – предложил он. – Моя супруга была бы счастлива...

– Нет-нет, я не хочу вам докучать.

– Не отказывайтесь, вам даже идти никуда не придется, наша квартира тут, над лавкой, на втором этаже. А если вам нужно предупредить супругу...

– О нет, я не женат.

– Тогда решено.

Жозеф попрощался с Кэндзи и повел своего гостя в квартиру.

Кэндзи одарил улыбкой барышню, которой помог выбрать романы Зенаиды Флерьо, порекомендовал ее заботам Юрбена и тоже удалился.

Виктор охотно последовал бы примеру обоих компаньонов, но один из клиентов, щеголеватый блондин, настаивал, чтобы ему нашли трактат Витрувия «Об архитектуре». Виктор разозлился на Жозефа, который оставил его одного на поле боя, и отправился на поиски. Перебирая книги, он уронил несколько томов на пол, вышел из себя и заявил покупателю, что опаздывает на очень важную встречу.

– Какое счастье, что именно сегодня вечером маман ушла к подруге играть в «желтого гнома»²⁵, да и тестя нет дома. Поужинаем чем бог послал, месье Дельма, а потом обсудим проблемы детективного жанра! – сказал Жозеф, усаживая гостя за стол.

---

²⁵ Карточная игра. – Прим. перев.

Айрис с первого взгляда понравился этот молодой человек, краснеющий по любому поводу. Он вовсе не был привлекателен, крупный нос и растрепанные бакенбарды придавали ему сходство с совой, но зато какой эрудит! Разговор крутился в основном вокруг литературной карьеры Жозефа, которая была под угрозой из-за отсутствия вдохновения.

– До сего момента я довольствовался тем, что описывал в романах уголовные расследования, в которых нам с моим шурином, месье Легри, довелось принимать участие...

– Реальные преступления?! – воскликнул Симеон Дельма.

– Ну да. Правда, мы расследовали их как сыщики-любители. Но, тем не менее, наши имена даже попали в газеты! – не удержался от хвастовства Жозеф.

– Не слушайте его, месье Дельма! Они ввязывались в опасные приключения, не думая о своих близких! – воскликнула Айрис и прибавила дрожащим голосом: – И рисковали жизнью. Но теперь, став отцом, Жозеф поклялся мне, что будет иметь дело с преступниками только на страницах своих книг. Не так ли, милый?

– Конечно, к тому же ничего интересного в последнее время не случается, – пробурчал Жозеф. – Да и работы у меня прибавилось с тех пор, как я стал компаньоном.

– А ты не хочешь продолжить работу над «Бурной жизнью улицы Висконти»? – предложила Айрис.

– Да, это... Это старая история.

– Какой там сюжет? – поинтересовался Симеон Дельма.

– Это исторический роман о знаменитостях, которые жили или работали на этой улице: Бальзак, Делакруа, Энгр, Расин... а еще преступник Луи Алибо, которого отправили на гильотину за покушение на Людовика-Филиппа Первого.

– А что, если вам написать роман о том, как призрак Алибо появляется на улицах столицы и вновь совершает убийства?

Жозеф даже перестал жевать.

– У вас... У вас светлая голова! Какая гениальная мысль! У меня в голове уже рождаются повороты сюжета!

– Спасибо вам, месье Дельма! – подхватила Айрис. – Муж ходит расстроенный вот уже несколько недель...

Послышался детский плач, и она, извинившись, вышла.

– Я так вам признателен, – повторил Жозеф и вдруг задумался: – Послушайте, а вы не хотели бы поработать у нас в лавке? О, я, конечно, понимаю, это не слишком почетная должность... Чем вы зарабатываете на жизнь?

Симеон Дельма смущенно признался, что дает частные уроки:

– Право, я не знаю... У меня ведь совсем нет опыта...

– Глупости! Да, вы знаете в двадцать раз больше, чем этот тупица Юрбен! Что до упаковки книг, это несложно, я сам – ас этого дела. Признайте, ведь это намного лучше, чем возиться с мальчишками-сорванцами!

– Но ваш Юрбен... Ведь из-за меня он потеряет работу...

– Он? Вы ошибаетесь. Его отец – комиссионер на рынке Ле Аль, он легко подыщет сыну другое место.

– Что ж, тогда я, пожалуй, подумаю над вашим предложением. Оно выглядит весьма соблазнительным.

– Отлично! Хотите, мы прямо сейчас спустимся в лавку, и я введу вас в курс дела?

– С радостью.

Айрис была рада за Жозефа. Наконец-то он снова почувствует вкус к жизни! Да и ей тоже будет полегче: завтра же она отправит Эфросинью прогуляться с малышкой в Люксембургский сад, а сама сядет за сказку о божьей коровке без пятнышек...

Четверг, 31 октября

Виктор понял, что мысли о Таша мешают ему сосредоточиться, и решил отвлечься, выполнив просьбу Мишлин Баллю.

Почему все предметы имеют привычку исчезать именно тогда, когда становятся нужны? Виктор отлично помнил, что консьержка положила ключ от мансарды возле бюста Мольера, но там его не оказалось. И в голову ему снова полезли мысли о Таша и Реджинальде Лимингтоне.

– Что-нибудь удалось продать? – бросил он Жозефу.

– Симеон Дельма повез две книги графине де Салиньяк.

– Ага, значит, вы таки добились своего: прощай Юрбен, привет Симеону!

– Месье Дельма подходит нам как никто другой, он образованный человек и даже говорит по-английски.

– И все же увольнять Юрбена без предупреждения было некрасиво.

– Между прочим, я заплатил ему отступные из собственного кармана.

– Какая щедрость!

– И месье Мори дал согласие...

– Он просто не хотел с вами связываться.

– Ну, знаете, с меня хватит! Не понимаю, чем нам навредит компетентный служащий!

Виктору надоело препираться, и он решил сменить тему:

– Скажите, не вашей ли матушке я обязан исчезновением ключа от мансарды?

Жозеф с негодованием возразил:

– Не рассчитывайте, что я смогу отучить ее от этой дурной привычки, она прячет мои бумаги, а потом уверяет, что ни к чему не прикасалась, призывая в свидетели своих Иисуса-Марию-Иосифа!

Виктор был в полном замешательстве:

– Если только это не Кэндзи...

– Месье Мори сейчас у себя, он занимается гимнастикой. Думаю, он будет не в восторге, если вы устроите ему допрос с пристрастием! Лично я склоняюсь к другой гипотезе: может, мадам Баллю сама взяла ключ?

Виктор покинул магазин и вошел в соседнее здание. Жозеф прав, чертова консьержка наверняка его опередила. Поднявшись на шестой этаж и пройдя по коридору, он увидел ключ в замочной скважине и резко толкнул дверь. Мансарда, освещенная скудным светом из слухового окна, была пуста, если не считать нескольких расшатанных стульев, множества шляпных картонок и распахнутого сундука, возле которого на пыльном полу валялась куча бумаг.

Виктор пришел в ярость. Ему хотелось в отместку устроить погром в комнате консьержки, но он заставил себя успокоиться. Чего он этим добьется? Только скандала и пересудов. То есть зря потеряет время.

Он опустился на колени, чтобы собрать разбросанные документы в папки и сложить в коробки, чтобы потом попросить Андре Боньоля доставить их на улицу Фонтен. Когда Виктор просматривал очередную пачку бумаг, его внимание привлек портрет, написанный углем. Он сразу узнал отца: его худощавое лицо, строго поджатые губы, бородку в стиле Наполеона III. Должно быть, дядюшка Эмиль нарисовал брата во время своего последнего визита в Лондон в 1866 году. Виктору тогда было лет шесть, и он хорошо помнил жизнерадостного круглолицего добряка Эмиля. Братья Легри были совершенно не похожи. Эмиль постоянно рассуждал о социальных реформах и всеобщей гармонии, и это раздражало его

младшего брата. Виктор смущенно вспомнил о том, как мечтал тогда, чтобы его отцом был Эмиль.

Спускаясь вниз и увидев мадам Баллю, которая, стоя на четвереньках, терла щеткой пол второго этажа, он не удержался и едко заметил:

– Я запер мансарду и впредь буду держать ключ при себе. К вашему сведению, складывать и разбрасывать – не одно и то же. Всего хорошего.

Озадаченная консьержка распрямилась, потирая поясницу.

– О чем это вы? Как это «запер мансарду»?

И Мишлин Баллю погрузилась в печальные мысли о тяжелой судьбе честной и работающей вдовы, которую никто не понимает.

Глава шестая

Четверг, 14 ноября

Эрик Перошон ликовал. Все шло так, словно сам дядя с небес руководил событиями. В списке было тринадцать имен, за исключением двух покойников – самого Донатьена и Эмиля Легри.

На следующий день Эрик нанял экипаж и, вооружившись драгоценным списком, поехал по первому адресу, выбрав его наугад. Ему нравилось приключение, в которое он ввязался. Оно будоражило больше, чем игра в карты на деньги. Эрик оделся как можно неприметнее, чтобы выглядеть, как обычный клерк. Увы, он потерпел фиаско – консьержка сообщила ему, что дама, о которой он спрашивает, переехала:

– Оно и к лучшему! Притворялась святошей, а сама водила к себе мужчин. Что до того, где она теперь обосновалась, мне о том неизвестно!

Эрик решил сменить тактику. В течение нескольких дней он внимательно изучал объявления о сдаче жилья внаем, пока не отыскал подходящее – в пассаже д'Анфер, 20, на антресольном этаже²⁶ за умеренную плату. 5 ноября он подписал договор аренды и прикрепил на дверь табличку с именем Гранден.

Затем сообщил матери, что его нанял на работу один архитектор, и переехал в эту квартиру. В его распоряжении были две комнаты: просторная – для приема посетителей, и другая, поменьше, где стояли кровать и ночной столик. Кухня ему была не нужна – обедать дома Эрик не собирался, поэтому решил использовать ее как гардеробную и туалетную. Придя сюда его подружка Кора, она бы немало удивилась, увидев на стене репродукцию «Клятвы Горациев»²⁷, да и мебель в стиле ампира тоже – кресла фирмы «Жакоб», секретер с откидной крышкой, бронзовые канделябры с позолотой и столик с гнутыми ножками. Впрочем, Коре здесь было нечего делать.

Окна квартиры выходили на улицу, но, поскольку располагались под карнизом верхнего этажа, пропускали мало света. Эрик решил эту проблему, повесив зеркало над отделанным изразцами камином. Он обставил приемную продуманно: шесть кресел, выстроенных вдоль стен с обоями цвета слоновой кости в коричневую полоску, должны были внушать посетителю впечатление, что хозяин любит порядок. В буфете красного дерева красовались тарелки с золотой каемкой, похищенные Эриком из дома, – эта деталь была призвана придать помещению уют.

Теперь можно было приступать к выполнению задуманного. Эрик разослал по почте приглашения всем членам ассоциации «Подранки».

Двое из них сразу же нанесли ему визит: один утром, второй вечером. Эрик сообщил им о поручении, которое дал ему покойный месье Вандель. Они внимательно его выслушали, но отрицали, что им что-либо известно. Что это было – наивность, порядочность или подозрительность? Тем не менее, сто франков каждому развязали им языки: Эрик получил адреса всех остальных, настоящих и бывших членов ассоциации.

---

²⁶ В переводе с французского пассаж д'Анфер означает «Дорога в ад»; полуэтаж расположен обычно между первым и вторым этажами. – *Прим. перев.*

²⁷ Картина известного французского художника Жака Луи Давида (1748–1825). – *Прим. перев.*

Пятница, 15 ноября

Виктор мрачнел с каждым днем. Он больше не мог противиться охватившей его ревности и уступил сомнениям. И хотя знал, что Таша никогда ему не изменит, испытывал какое-то нездоровое удовольствие, представляя себе, как это могло бы быть. Он не допускал и мысли о том, что ее может желать какой-то другой мужчина, но не мог не заметить: с тех пор как приняла предложение сэра Реджинальда Лимингтона, Таша словно расцвела. По вечерам, возвращаясь домой, она с жаром пересказывала мужу все, что обсуждалось в доме Лимингтона, в том числе историю Оскара Уайльда. Виктора раздражало, что ей интересно с этими людьми.

«Что это со мной? Ведь мы с Таша уже шесть лет вместе, и мне давно пора перестать переживать по поводу ее знакомств», – думал Виктор, краем уха слушая болтовню Эфросиньи с фрейлейн Беккер, которая пришла в лавку за книгой доктора Рошблава «О велосипедном спорте, гигиене и болезнях».

– Больше всего мне понравился четвертый акт, когда Тафен Рагнель, дама коннетабля, обращается к воинам с речью и благословляет их на битву при Кошреле²⁸, – с жаром рассказывала фрейлейн Беккер. – Ах! Я никогда не забуду этот спектакль и буду вечно благодарна мадам де Салиньяк за то, что она достала мне билет!

– О какой пьесе идет речь? – поинтересовался Кэндзи, оторвавшись от своих карточек.

– Это «Мессир Дю Геклен», драма Поля Деруледа²⁹, которая идет в Театре «Порт-Сен-Мартен».

– Поль Дерулед? – пробурчал Кэндзи с ноткой раздражения. – Это, кажется, ему мы обязаны строками: «Все разворотим, черт возьми! Бомба и пушка всегда впереди!»

Цитата явно позабавила покупателя, только что расплатившегося за книгу в переплете из зеленой шагреновой кожи, которую упаковывал для него Симеон Дельма. Лицо покупателя – с резкими чертами, открытым лбом, усами и короткой рыжей бородой, показалось Виктору знакомым. Постоянный посетитель? Нет, тогда он бы вспомнил, кто это. Жаль, Жозеф ушел к аптекарю на улицу Жакоб за лекарством для Дафнэ, у которой резались зубки. И тут рыжий посетитель сам обратился к Виктору:

– Месье Легри?

– Да, к вашим услугам... Простите, я как раз пытался вспомнить...

– ...Что продавали мою книгу в прошлом году? Она называется «Рыжик».

Виктор хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ну, конечно! Вы – Жюль Ренар, мы познакомились с вами в «Ревю бланш»!

– Куда вы сопровождали вашу очаровательную супругу, которая, как и я, сотрудничает с братьями Натансон. Там были еще и Альфред Валлетт с Рашильдой, Реми де Гурмон³⁰ и студент педагогического института Леон Блюм.

---

²⁸ Речь идет о сражении между французами и англичанами в 1364 году. *Бертран Дю Геклен* (1320–1380) – французский полководец, прозванный Орлом Бретани, коннетабль Франции с 1369, участник Столетней войны, одерживает победу над армией Карла Злого. Жена дю Геклена, Тафен Рагнель, занимавшаяся астрологией, предсказывает французам победу. – *Прим. перев.*

²⁹ Дю Геклену посвящены историческая повесть Дж. У. Дипинга «Бертран Бретонский» (1908), серия новелл Грейс Уитхем «Бертрам» (1914), исторический роман А. Конан Дойля «Белый отряд» (1891), драмы Вольтера «Аделаида Дю Геклен» (пост. 1734, изд. 1765) и П. Деруледа «Мессир Дю Геклен» (1895). – *Прим. перев.*

³⁰ *Альфред Валлетт* (1858–1935) – французский литературный деятель, основавший в 1890 году вместе с женой Рашильдой ежемесячник «Меркюр де Франс», самый авторитетный символистский журнал; *Реми де Гурмон* (1858–1915) – французский писатель, эссеист, художественный критик. – *Прим. перев.*

– Я читал его восторженную рецензию на ваш роман и полностью согласен с оценкой... «Не всякому посчастливится быть сиротой...»³¹

Услышав эту фразу, Кэндзи бросил на Виктора возмущенный взгляд.

– Как вы можете говорить такое! Вам досталась лучшая из матерей!

– Я лишь цитирую горький афоризм месье Ренара, – пояснил Виктор. – Его героиня мадам Лепик напомнила мне моего отца, в романе «Рыжик» месье Ренар рассказал о своем детстве, о том, как его, несчастного, тиранила грубая бессердечная мать. Позвольте поинтересоваться, что вы выбрали?

– «Хронику царствования Карла IX» Проспера Мериме. Это для моего сына, ему всего шесть лет, но я считаю своим долгом позаботиться о том, что он будет читать.

Кэндзи подошел поприветствовать Жюля Ренара и выразить ему свою симпатию. Тот любезно улыбнулся:

– Таша рассказывала о вас, месье Мори. Скажите, а как вы относитесь к тому, что в Париже повсюду продают японские товары? Я говорю не о гравюрах, которые дороги сердцу любого художника, а об этих вычурных вазах и разноцветных ширмах...

– Подобные изделия, месье Ренар, – подобны искусственным цветам. Буржуа восклицают: «О, какие прекрасные пионы и хризантемы, прямо как настоящие!» А когда им попадает живой цветок, равнодушно топчут его ногами.

– Красивая метафора, возможно, я у вас ее позаимствую, – ответил Жюль Ренар, прощаясь.

– А это вы видели, Виктор? По-моему, не хуже. – Кэндзи схватил журнал «Нувель ревью» за февраль 1895 года, лежащий на его письменном столе среди наваленных в беспорядке газет. – «Глаза у него вместо сетей, и образы в них запутываются сами». Прекрасно, не правда ли? Покажите это Жозефу.

Виктор кивнул и взглянул на часы: шесть вечера, пора идти на свидание с Таша на улицу Пти-Шан в их любимое «Восточное кафе».

– Представляете, месье Легри, один немецкий врач, доктор Хениг, собирается усовершенствовать велосипед, чтобы на нем могли ездить даже инвалиды! – воскликнула Хельга Беккер, и Виктор поспешил скрыться.

Деода Брикбек снимал комнату с кухней в одной из пристроек дома по соседству с монастырем. Из окна ему видна была крыша приюта для детей и слепых, но Брикбека это мало интересовало – он предпочитал подглядывать за молоденькой служанкой, недавно поступившей на службу к двум старым дамам, которые обучали детишек сольфеджио и игре на арфе. Один из приятелей Деода, узнав об этом, воскликнул:

– Арфа – это так прекрасно!

– Ну да, на струнах можно сушить белье, – ухмыльнулся Брикбек.

Этим утром он украдкой наблюдал, как горничная чистит хозяйские ботинки. Ее руки, расставляющие на балконе несколько пар женских туфель, возбуждали его. А когда он услышал красивое сопрано, исполнявшее арию из «Трубадура»³², его волнение усилилось. Увы, приятный женский голос вскоре прервал взрыв хохота, и вскоре дом наполнился гулом, состоящим из звуков пианино, на котором кто-то разучивал гаммы, звона кастрюль, журчания канализации и криков попугая: «Жако! Кр-р-репкий кофе!».

---

³¹ Роман Жюль Ренара был переведен на русский язык Н. Жарковой и Б. Песисом под названием «Рыжик». – *Прим. перев.*

³² «Трубадура» – опера в четырех действиях Джузеппе Верди (премьера состоялась 19 января 1853 года в Риме). – *Прим. перев.*

Деода смочил расческу водой и провел пробор на жирных волосах. Отряхнув с плеч перхоть, он застегнул сюртук со стоячим воротником. Потом позавтракал бутербродом с сыром и стаканом остывшего цикория.

Он пересек двор и свернул на авеню Обсерватории. Обогнул здание приюта и, свернув на улицу Кассини, пошел в сторону родильного дома, который женщины называли «Бурб»³³. Сквозь оголенные ветви каштанов виднелись купола обсерватории. Деода вошел в сводчатый вестибюль с широкой лестницей, подошел к шкафчику, открыл его своим ключом и, сменив котелок на фуражку, взял в руки метелку из больших перьев.

В его обязанности входило поддерживать чистоту в здании, и он считал свою должность достойной всяческого уважения. Если бы не он, скульптура Жана-Доминика Кассини, первого директора обсерватории и автора научных работ о Венере, Марсе и Юпитере, открывшего два спутника Сатурна, не блестела бы как новенькая. Деода ежедневно протирает ее кусочком замши, с грустью думая о том, что этот выдающийся человек почему-то незаслуженно забыт, и всех теперь интересуют лишь ветреные танцовщицы.

Затем Деода наводил порядок в кабинете нынешнего директора обсерватории, Феликса Тисрана. Часть окон кабинета выходили на Люксембургский сад, другие – на выложенную плиткой террасу. Затем Деода переходил в Зал меридиана, где находились бесценные оптические устройства: астрономические часы, грегорианский телескоп, теодолиты и другие. Если бы он не чистил их до блеска, ученые, возможно, не совершили бы многих открытий, ведь мельчайшая пылинки могла исказить картину звездного неба!

Деода относился к сотрудникам обсерватории с глубоким уважением и не обижался на них за то, что его не замечают. Он знал свое место и считал себя крошечным винтиком в огромном сложнейшем механизме обсерватории. На эту должность ему помог устроиться Эмиль Легри, и Деода был ему за это бесконечно благодарен.

Он прошел мимо просторного холла, где хранились многочисленные устаревшие устройства. Они находились под попечением коллеги Деода, Марселя Дюшомье, который, впрочем, выполнял свои обязанности спустя рукава и гораздо больше интересовался пышными юбками танцовщиц, чем большим телескопом Франсуа Араго³⁴.

В центральном зале третьего этажа Деода на минуту задержался у металлической линейки, вмонтированной в плиты пола. Она обозначала нулевой меридиан, пока в 1884 году его не сменил Гринвичский. Деода искренне восхищался этим небольшим местечком в окрестностях Лондона, ставшим в одночасье знаменитым, за что и получил от членов ассоциации, созданной Эмилем Легри, прозвище Гринвич.

Деода Брикбек завершил обход обсерватории, где среди многочисленных сокровищ находились меридианный круг Рейхенбаха и параллактический треугольник Гамбея³⁵. Установленным на возвышении метеорологическим оборудованием и бюро географических координат должен был заниматься Марсель Дюшомье.

Деода Брикбек переходил из одного помещения в другое. Он задумался так глубоко, что чуть не забыл подмести листья у подножия статуи астронома Леверрье³⁶.

³³ *La bourbe* в переводе с французского – грязь, тина. Бурб – бесплатный родильный дом, где обстановка и уход были значительно хуже, чем в платных лечебницах. – *Прим. перев.*

³⁴ *Доминик Франсуа Араго* (1786–1853) – французский астроном, физик и политический деятель, с 1809 – член Парижской Академии наук. – *Прим. авт.*

³⁵ *Меридианный круг* – астрономический прибор, предназначенный для определения координат светил; *параллактический треугольник* – треугольник на небесной сфере, образованный пересечением небесного меридиана, вертикального круга и часового. – *Прим. перев.*

³⁶ *Урбен Жан Жозеф Леверрье* (1811–1877) – известный французский астроном, с 1853 года – директор Парижской обсерватории. – *Прим. перев.*

В обеденный перерыв, зайдя перекусить в трактир на улице Фобур-Сен-Жак, он снова перечитал полученное накануне письмо. Некий месье Гранден приглашал его безотлагательно посетить контору в пассаже д'Анфер, поясняя, что речь идет о завещании, для выполнения которого требуется соблюдение определенных условий.

Деода Брикбек подозревал, что это какой-то шантаж, тем более, что имя завещателя в письме не упоминалось, да и адрес конторы наводил на мрачные мысли. Деода где-то читал, что пассаж д'Анфер в 1855 году стал местом убийства – извозчик по имени Коллиньон вса-дил пулю в висок своему седоку месье Жюжу, директору педагогического института в Дуэ. Мотивом убийства стало то, что Жюж пожаловался в городскую компанию наемных экипажей, что с него взяли на два франка больше положенного. Однако из дома внезапно выско-чил толстый господин с густой бородой и в пенсне и запер дверь на засов, помешав убийце скрыться с места преступления. Толстый господин в пенсне был не кто иной, как Пьер Жозеф Прудон, автор ставшей крылатой фразы «Собственность – это кража». А имя извозчика стало нарицательным: коллиньонами с тех пор называли всех кучеров в цилиндрах с огрубевшими от ветра лицами.

Деода Брикбек решил проигнорировать приглашение месье Грандена. Разорвав письмо и развевая обрывки по ветру на улице Фобур-Сен-Жак, он обрел утраченный душевный покой. Но когда в шесть вечера подошел к своему шкафчику, чтобы положить на место фуражку, Марсель Дюшомье тронул его за плечо.

– Какой-то бродяга только что принес для тебя письмо. Мне пришлось дать ему монетку!

Деода Брикбек взял конверт, но вскрыл его, только оказавшись на улице.

Привет, приятель!

Виржилъ вчера выписался из больницы, где лечил свои почки. По этому поводу он приглашает нас всех к себе на поздний ужин в «Миротон де Терн». Мы хотим тебя видеть. И чтобы ты не улизнул, мы сложились и наняли для тебя фиакр: кучер заедет за тобой в семь вечера. Ему известно, куда тебя доставить, так что отвертеться тебе не удастся!

Подпись была неразборчивая, но Деода показалось, что он узнал почерк, и он улыб-нулся. Не беда, если сегодня он ляжет спать попозже, грешно пропустить пирушку в честь выздоровления друга. Он смял письмо и выбросил в сточную канаву.

В семь часов экипаж стоял у его дома. Деода подтвердил кучеру адрес и, зябко поежив-шись, забрался внутрь. Усевшись на сиденье, он с удовольствием отметил, что жаровня стоит на полу, испуская приятное тепло. Ноябрь выдался сырой и предвещал раннюю зиму. Деода откинулся на спинку сиденья и прислонил подошвы к жаровне с горячим углем.

Угасающие лучи солнца осветили деревья в Люксембургском саду. Деода наблюдал в окно за неясными силуэтами прохожих в вечерних сумерках, потом, убаюканный покачива-нием кареты, погрузился в мир фантазий. Он представлял себя молодым, красивым, открыв-шим новую планету и ставшим академиком.

Тряска вывела его из дремы. Было жарко, слишком жарко. Деода протянул руку, чтобы опустить стекло. Ручка не поддавалась. Он попробовал открыть другое, с левой стороны, и тоже безуспешно.

«Что это значит?»

Фиакр катил по широкой пустынной улице между каменных стен, за которыми видне-лись очертания заводов, фабрик и каменоломен, затем под мостом мрачного вида.

«Мы же не туда едем! Куда он меня везет, этот кучер?»

– Вы сбились с пути! Ради бога, остановитесь! – закричал Деода.

Он чувствовал, как у него закружилась голова, тело отяжелело, в ушах загудело, перед глазами поплыл туман. Дышать становилось все труднее, а жаровня горела, заполняя окисью углерода тесный салон фиакра. Деода, теряя сознание, медленно сполз на пол.

Фиакр набирал скорость, оставляя улицу Толбьяк позади.

Таша набрала в грудь большой глоток воздуха, напрягла живот и снова выдохнула, тренируя брюшные мышцы. Вдалбливать искусство акварели в голову легкомысленным девицам, которые наверняка предпочли бы вместо урока пробежаться по магазинам, было для нее серьезным испытанием. Утешало лишь то, что она помогала матери, давая возможность привести в порядок свою квартиру или просто отдохнуть.

Таша сложила табуреты друг на друга, разогнулась и, упершись кулаками в бока, отклонилась назад, разминая поясницу. Потом прошлась по комнате, просматривая работы учениц, которые должны были скопировать один из видов Венеции кисти Феликса Зима³⁷ с ее собственной копии, сделанной в Люксембургском дворце. Хорош был лишь один эскиз, выполненный Маргаритой Равийон, по-настоящему одаренной ученицей, но Таша знала, что и та вряд ли станет художницей: скорее всего, по воле отца выйдет замуж за какого-нибудь жалкого интенданта и будет заниматься дамским рукоделием.

Джина внесла самовар и поставила его на круглый столик между двумя мольбертами. На тарелке лежали ломти хлеба, виноград и сыр.

– Как твоя семейная жизнь? – спросила она.

– Отлично. Виктор идеальный муж, он само совершенство.

Бодрый тон дочери не убедил Джину. Ей хотелось спросить, когда Таша с Виктором планируют обзавестись детьми, но она боялась ранить дочь. Младшая сестра Таша, Рахиль, к концу года должна родить. Радость от того, что она станет бабушкой, боролась в Джине с желанием оставаться молодой в глазах Кэндзи.

Таша проницательно изучала лицо матери, и Джина покраснела, испугавшись, что та прочитает ее мысли.

– С тех пор как Айрис подарила ему внучку, Кэндзи остепенился. Я подозреваю, что у него теперь есть постоянная подруга, почти жена, ведь он в выходные не ночует дома. Говорит, что работает, но никто в это не верит.

Джина покраснела еще гуще. Слова дочери смутили ее, но в то же время успокоили.

Таша с невинным видом смахнула крошку с губы и наполнила чашки.

– Сегодня утром я получила письмо из Америки, – сказала Джина, – которое имеет отношение и к тебе. Пинхас за нас беспокоится. Он вложил в конверт вырезки из газет, которые получил от своего друга-француза. Взгляни.

Таша принялась разбирать каракули отца. Почитатель Томаса Альвы Эдисона, Пинхас сожалел, что тому пока не удастся озвучить кинетоскопические фильмы.

...Это время придет. Публичных сеансов становится все больше. В мае Вудвилл Лэтем за плату показывал на Бродвее в Нью-Йорке фильм о боксерском поединке. Успех был огромный. Лэтем использовал эйдолоскоп, а Эжен Лост занят проблемой записи звука. Вы об этом слышали? А знаете, чем сейчас занимаются братья Люмьер? Мы с моим компаньоном Шоном О'Флаерти отсняли киноленту, предназначенную для эйдолоскопа³⁸,

---

³⁷ *Феликс Франсуа Жорж Филибер Зим* (1821–1911) – французский пейзажист, представитель «барбизонской школы». – *Прим. перев.*

³⁸ *Вудвилл Лэтем* (1837–1911) – артиллерийский офицер и профессор химии университета Западной Вирджинии, один из изобретателей киноплёнки и проектора для публичных показов, разработал в 1895 году прибор под названием эйдолоскоп – для съёмки и широкоформатного воспроизведения движущегося изображения. – *Прим. перев.*

на которой очень удачно получились ритуальный танец племени сиу и сцена в салуне. Только бы нас не опередили французы!

Таша рассмеялась:

– Я и не знала, что папа интересуется индейцами и боксом!

– Он непредсказуем.

Письмо заканчивалось размышлениями о судьбе евреев в Европе и в частности во Франции. Пинхаса тревожили последствия ссылки капитана Дрейфуса на Чертов остров и гнетущая тишина, последовавшая за всеобщей ненавистью. Он прислал жене и дочери смелую статью Жана Ажальбера, опубликованную в «Жиль Блаз», которая начиналась со слов: «То, что толпа, подобно стае диких зверей, упивается кровью, я еще могу объяснить. Но жестокость писателей и художников ... я понять не в состоянии», и заметку социалиста Мориса Шарне, который писал с негодованием: «Закон, провоцирующий шовинизм в то время, когда в армии распространяется учение социалистов, не сослужит государству добрую службу».

Таша вернула письмо матери.

– Мне хорошо во Франции, тут, по крайней мере, нет царя.

Они перешли на другие темы: исчезновение Берты Моризо, поступление коллекции Кайботта в Люксембургский дворец и новые скульптуры Родена.

– Ты поедешь в Краков к Рахили? – вдруг спросила Таша. – Было бы хорошо, если бы ты была рядом с ней во время родов.

– Я и сама хотела, но ее муж – врач, ему это может не понравиться...

– Глупости! Вам с ним давно пора познакомиться. Я уверена, Милош Табор – очень приятный человек, во всяком случае, такое впечатление он производит на свадебной фотографии.

– Это правда, я могла бы поехать к Рахили в конце декабря и остаться в Польше до весны. А как поживает твоя подруга Дуся?

– Она решила эмигрировать в Америку, к тетке, которая живет в Нью-Йорке. Я дала ей адрес папы. – Таша натянула перчатки. – Мне пора. Мы с Виктором договорились поужинать вместе. – И она вышла, оставив после себя легкий аромат розного ладана.

Джина вернулась в свою квартиру и, усевшись у камина, прикрыла ладонями уставшие глаза. В ее сознании возникли смутные образы – сначала Пинхас, потом Кэндзи – такой нежный, заботливый, внимательный... С ним Джина забывала о возрасте. Они жили настоящим. Благодаря Кэндзи она испытала доселе неведомые наслаждения, они ощущали себя единым целым. Она скучала по нему и жаждала его прикосновений.

Глава седьмая

Суббота, 16 ноября

Литейная мастерская Пиа порадовала бы и бога Вулкана, если бы ему каким-то чудом пришлось оказаться на улице Сен-Мор, 85. Это было похожее на храм просторное прямоугольное здание с застекленной крышей и двумя рядами крытых галерей. В мастерской у жарко горящих печей сустились рабочие, пахло расплавленным металлом, грохотали механизмы, напильники скрежетали, раздавались мерные удары молота по наковальне, стонали кузнечные мехи, визжали сверла.

Максанс Вине разминал в пальцах песок, словно крестьянин, перебирающий горсть земли. Он знал все секреты производства и учил новичков, как правильно смешивать ингредиенты, необходимые для получения прочного металла, а когда извлекал готовое изделие из формы, его движения были точны, как у опытного кондитера.

Он решил передохнуть и вышел из здания, направляясь к многолюдной улице Фобурдю-Тампль, где расположились торговцы овощами. Перед фасадом театра де ля Републик он увидел стражей порядка, задержавших карманника, и окружившую их толпу зевак. Жалкого паренька в лохмотьях, не церемонясь, затолкали в полицейский фургон. Эта сценка оживила в памяти Максанса другой эпизод. Когда ему было восемнадцать, он принимал участие в манифестации 1849 года. Несколько тысяч безоружных людей во главе с Ледрю-Ролленом и Виктором Консидераном³⁹ двинулись из Шато д'О к Большим бульварам, скандируя: «Да здравствует Конституция!» Они дошли до Национальной школы искусств и ремесел, но войска остановили шествие и разогнали его участников, пустив в ход оружие. Если бы не вмешательство Эмиля Легри, который затащил его в свою книжную лавку на улице Сен-Пер, где он скрывался много недель, Максансу вряд ли удалось бы избежать ареста. Он вернулся домой с подарком, получив от своего спасителя книгу с изречениями императора Марка Аврелия. И с тех пор всегда находил в них поддержку.

Максанс Вине сел в омнибус и доехал до Лувра. Там он сделал пересадку и ехал еще долго, прежде чем добрался до улицы Фурно. Оставалось минут пятнадцать ходьбы до дома престарелых на улице Алезья, 134. Максанс купил у булочника ромовую бабу, которую собирався съесть на десерт, поужинав вермишелевой похлебкой.

Консьержка сделала ему выговор:

– Разве можно в вашем возрасте так много работать?! Поторапливайтесь, ваша похлебка остынет.

Работавшие в этом заведении женщины искренне заботились о своих подопечных, а Максанс Вине, как самый старший, был их любимчиком. Вежливый, аккуратный и трудолюбивый, он, без всякого сомнения, заслуживал того, чтобы государство обеспечило его жильем за один франк в день, впрочем, при условии, что он где-то работает.

Максанс направился в столовую. Большинство постояльцев уже поужинали и теперь играли в настольную игру, устроившись поближе к камину.

Максанс Вине поднялся на второй этаж, вежливо приветствуя встречавшихся по пути соседей. У него здесь не было близких друзей – за исключением Сиприена, изможденного

---

³⁹ *Ледрю-Роллен Александр Огюст* (1807–1874) – французский политический деятель, в 1849 году, являясь одним из руководителей мелкобуржуазной оппозиционной группы «Новая Гора», возглавил июньскую демонстрацию в Париже против реакционной внешней политики правительства Луи Бонапарта; *Консидеран Виктор* (1808–1893) – социалист-утопист, последователь Ш. Фурье, представитель мелкобуржуазной демократической оппозиции. – *Прим. перев.*

человека лет пятидесяти, заработавшего в рудниках чахотку. Максанс хотел поделиться с другом ромовой бабой, но Сиприен отказался.

В крошечной комнатухе с трудом умещались кровать, стол, стул и шкафчик для одежды. Максанс с грустью оглядел свое жилище, красноречиво свидетельствующее о крушении всех надежд. А ведь когда-то он мечтал о домике в деревне с небольшим садиком, ласковой жене и детишках...

Он уселся на кровать и взял в руки любимую книгу, лежащую рядом на стуле. Она открылась на странице, заложенной ленточкой.

Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею? Настоящее – вот все, чего можно лишиться, так как только им и обладаешь⁴⁰.

Эти строки успокоили его, и Максанс приступил к десерту, думая о том, как ему повезло: ведь многие старики остались на склоне лет бездомными. А ему еще и должность сохранить посчастливилось.

Он встал, сложил бумагу, в которую была завернута ромовая баба, и задумался, куда ее положить. Взгляд его упал на полученное недавно письмо с приглашением явиться в пассаж д'Анфер, 20. Адрес звучал настолько зловеще, что Максансу стало не по себе, и он поспешно засунул письмо между страницами журнала, который Сиприен нашел в мусорном баке.

Максанс уже собирался потушить керосиновую лампу и лечь в постель, когда в дверь тихонько постучали. Он приоткрыл ее.

– Ты? Черт, прошло уже три месяца! Каким ветром тебя принесло?..

– Мы решили не дожидаться лета, чтобы устроить попойку в честь Виржиля: он целый месяц провалялся в клинике со своими почками. А заодно помянем Донатьена.

– Ванделя? – удивился Максанс. Он недолго любил этого высокомерного чиновника и общался с ним только из уважения к Эмилю Легри.

– Ты что, не в курсе? Донатьен умер месяц тому назад!

– Как умер?

– Я был уверен, что тебя об этом известили. Потолок обрушился ему на голову. Между нами говоря, я думаю, это лучше, чем лежать как овощ. Мир его праху. У каждого из нас своя судьба: одни умирают, другие выздоравливают, как Виржиль. Одним словом, наши решили погулять сегодня за счет Виржиля. Так как, ты едешь?

– Видишь ли... У меня был тяжелый день, я очень устал.

– Да ты что, приятель! Разве можно упускать возможность повеселиться и набить брюхо, особенно, когда угощает Виржиль!

Максанс, поужинавший пустой похлебкой и ромовой бабой, не смог устоять перед таким искушением. Он снова обул башмаки и натянул свой старенький сюртук. Приятели выскользнули на лестницу и прокрались к выходу.

– Надо задобрить консьержку – не хочу, чтобы меня выгнали отсюда за нарушение правил проживания, – сказал Максанс.

Он наврал женщине, что его брат тяжело заболел, и попросил дубликат ключа на случай, если вернется после полуночи.

Получив от его приятеля двадцать су, она согласилась.

– А вот это уже лишнее, – сказал ему Максанс.

– Ничего не поделаешь – этот ключик открывает любой, даже самый ржавый замок, – ответил тот. – Пойдем, я оставил экипаж неподалеку.

---

⁴⁰ Марк Аврелий. «Наедине с собой. Размышления». – Прим. перев.

Они уселись на сиденье, чувствуя себя студентами, собирающимися покутить. Максанс даже позабыл о ревматизме, который мучил его день и ночь, не давая ни минуты передышки.

– Спасибо тебе, что вытащил меня! Жизнь прекрасна! – воскликнул он.

– Надо остановиться, здесь наверняка есть магазины, – заметил его приятель и дал знак кучеру. – Куплю бутылочку – негоже прийти с пустыми руками. Что-то тут холодно, давай, я включу тебе отопление, – сказал он и вышел.

Максанс Вине с наслаждением протянул подошвы к жаровне и вскоре задремал, вспоминая один из лучших моментов своей жизни. Как-то раз зимой, когда ему было семь лет, бабушка, продавщица воздушных шаров, которая воспитывала его после смерти родителей, привела его в кафе на Бульварах. Они уселись у камина, и, напившись шоколада со сладостями, Максанс уснул.

Он почувствовал легкую головную боль, потом стало трудно дышать, сердце забилося чаще. Максанс не мог бороться с охватившей его слабостью, все тело отяжелело, не было сил пошевелиться. Ему почудилось, что он очутился в печи, в которой плавят металл. Максанс попытался глубоко вдохнуть, но из груди вырвался хрип. Он закашлялся и стал искать на ощупь ручку дверцы. Она не поддавалась. Он застонал. Фиакр тронулся. Уже теряя сознание, Максанс подумал о том, что теперь он, наконец, встретится с императором Марком Аврелием.

Глава восьмая

Понедельник, 18 ноября

Жозеф был готов отдать что угодно за то, чтобы каким-нибудь чудесным образом очутиться в Патагонии, на Больших Зондских островах или на вершине Килиманджаро – неважно, где, лишь бы подальше от этих клуш. Он не спал всю ночь из-за криков Дафнэ, у которой резались зубки, а теперь был вынужден общаться с Олимпией де Салиньяк и ее тощей, похожей на козу приятельницей Бланш де Камбрези, которые перевернули всю лавку в поисках «Эйримаха», исторического романа Жозефа Анри Рони-старшего, написанного им в соавторстве с младшим братом Серафеном Жюстеном Франсуа, и «Осени женщины» Марселя Прево, при этом болтая без умолку о том, как независимы женщины в Соединенных Штатах и покорны в Японии.

Кэндзи отправился оценивать библиотеку на Бур-ля-Рен, Виктор скрылся в хранилище, и на растерзание дамам остались Жозеф и Симеон Дельма. Впрочем, последний являл собой образец ангельского терпения и общался с покупательницами с неизменной улыбкой на лице. Жозеф схватил газету и начал отступление к задней комнате. До него долетали обрывки фраз, но он открыл страницу с хроникой происшествий и больше ничего не слышал.

ДВЕ СТРАННЫЕ СМЕРТИ В ФИАКРЕ

У нас уже были заразные попугаи. Теперь появились фиакры-убийцы. Жаровни с углем стали причиной гибели Деода Брикбека, служащего Парижской обсерватории, и Максанса Вине, рабочего-литейщика, проживающего в богоугодном заведении Тиссран на улице Алезья. Двое мужчин были найдены мертвыми с интервалом в один день. Полиция подозревает, что это не несчастный случай, а преднамеренное убийство. Возможно, в Париже появился маньяк! Ведется расследование. Общественность призывает владельцев фиакров проверить качество жаровен. Пассажирам следует регулярно открывать дверцы, чтобы избежать удушья.

Жозеф, который всегда охотно пользовался этим видом транспорта, решил, что надо предупредить о грозящей опасности всех, и первым делом Виктора. Мелкими перебежками, чтобы его не заметили дамы, он двинулся к лестнице, ведущей в хранилище.

Виктор был не в восторге от появления Жозефа. Он сделал вид, что внимательно слушает подробное перечисление смертельных опасностей, подстерегающих пассажиров плохо проветренных фиакров, напевая про себя песенку собственного сочинения:

Он учил Брикбека играть на ребеке⁴¹,
благодаря греку,
который уехал в Мекку.

– Вы меня слушаете? – спросил Жозеф.

– Конечно, Жозеф. Кстати, как вы думаете, Брикбек пишется через «к», так же как и город?

---

⁴¹ Ребек – старинный смычковый струнный инструмент. – *Прим. перев.*

– Ну да, в школе бедолагу наверняка дразнили «Брик-а-брак»⁴²!

– Среди многочисленных увлечений моего дяди Эмиля была и история старинных замков. Во время своего последнего пребывания в Лондоне он несколько раз упоминал о замке Брикбеков.

– А какое это имеет отношение к тому, что я вам только что прочитал?

– Никакого.

– Понятно! Вы заговорили про замки, чтобы от меня избавиться! – обиделся Жозеф и вышел из хранилища, бросив газету на картонную коробку.

Оставшись один, Виктор попытался припомнить детали того разговора с дядей. Замками-то Эмиль, конечно, интересовался, но вот о Брикбеке упомянул, как казалось теперь Виктору, лишь потому, что ему встретился в Париже некто, чья личность показалась забавной. Как же дядя его описывал... «Ему всего двадцать четыре года, но выглядит он гораздо старше, возможно, потому, что волосы у него длинные и одет он неизменно строго, во все черное. В нем было что-то от персонажей Диккенса... этакий протестантский пастор».

Виктор развернул газету. Деода Брикбек. В тумане его воспоминаний словно замигал маяк. Деода Брикбек, Максанс Вине. Эти имена были ему определенно знакомы. Он машинально подчеркнул их карандашом и пометил на полях: «Проверить...». Где же он мог их видеть?.. Он щелкнул пальцами. Вот оно! Когда после смерти дяди он унаследовал книжную лавку, ему пришлось разбирать хранившиеся там старые счета, письма и другие бумаги. Всё, что было связано с дорогим сердцу дяди учением Шарля Фурье, Виктор сложил в сундук. Тот самый, о котором упоминала недавно Мишлин Баллю и содержимое которого Виктор увидел на полу в мансарде.

«Прыжки на одной ноге... Одноногий... Хромоножка... Нет! Подранки!» – так Эмиль Легри назвал ассоциацию, среди членов которой были и Деода Брикбек, и Максанс Вине. Остальных Виктор не помнил и решил подняться в мансарду. Увы, для этого надо было пройти через магазин, где он тут же попал в лапы Бланш де Камбрези, которая, за неимением Марселя Прево, готова была удовлетвориться «Галилеей» Пьера Лоти⁴³.

– Я буду к вашим услугам через тридцать секунд! – пообещал ей Виктор.

Не сказав ни слова Айрис, которая качала на руках Дафнэ, он прошел к лестнице, ведущей на мансарду, открыл дверь и, споткнувшись о фарфоровую салатницу, с трудом устоял на ногах. Ругаясь на чем свет стоит, зажег свечу и склонился над сундуком. Тот был пуст.

– Дырявая голова! Я же сам попросил Андре Боньоля отнести на улицу Фонтен коробки с дядюшкиными бумагами!

Когда мадам Баллю вернулась с рынка, Виктор вручил ей ключ.

– Спасибо, месье Виктор, я разобрала подарки покойного Онезима, и теперь их осталось только отнести наверх. Правда, у меня сегодня так болит поясница...

Виктор проигнорировал эту завуалированную просьбу о помощи и, решив оставить велосипед в лавке, чтобы не столкнуться с покупательницами, отправился домой в фиакре. Причем, несмотря на холод, отказался воспользоваться жаровней.

Приехав домой, он сразу позвонил Жозефу.

– Куда вы подевались? – удивился тот.

– Извините, я опаздывал на важную встречу, и мне пришлось срочно уйти.

Вряд ли Жозеф ему поверил, но обещание быть завтра в лавке к открытию его успокоило.

⁴² *Bric-a-brac* (фр.) – старый хлам. – Прим. перев.

⁴³ *Пьер Лоти* (наст. имя Луи Мари Жюльен Вио; 1850–1923) – французский офицер, романист и коллекционер. – Прим. перев.

Коробки из мансарды стояли в дальнем углу мастерской. Поскольку Таша не было дома, Виктор решил приступить к делу немедленно. Не сразу, но он отыскал реестровую книгу, правда, оказалось, что первая страница в ней отсутствует. Это заставило Виктора задуматься. Когда он по просьбе мадам Баллю поднялся в мансарду, там все было перевернуто вверх дном. Он подумал, что это дело рук консьержки, но вряд ли она вырвала страницу из реестровой книги Эмиля Легри. Не связано ли все это с подозрительной кончиной двух дядюшкиных знакомых? Внутренний голос нашептывал Виктору: «Ты ухватился за ниточку, ведущую к разгадке». Он взял в руки старую фотографию, датированную июнем 1876 года: на ней были запечатлены девятеро мужчин, две молодые женщины с бокалами в руках и совсем юная, но очень высокая девушка. Судя по всему, это и были члены ассоциации «Подранки». Жаль, что на фотографии не указаны их имена. И вдруг Виктора осенило! Он поспешно направился в свою фотолабораторию.

Переехав сюда, на улицу Фонтен, он решил украсить квартиру акварелями Констебля, портретами кисти Гейнсборо и рисунками Фурье, которые достались ему в наследство от дяди, и заказал для них новые рамки. И теперь припомнил, что заметил тогда на обратной стороне одного из рисунков какой-то список.

Виктор снимал их со стены один за другим и переворачивал. Удача улыбнулась ему на третьем рисунке. В левом верхнем углу, под дважды подчеркнутой надписью «Подранки» был длинный список имен.

– Ида Бонваль, Матюрен Бонваль, Сюзанна Боске, Деода Брикбек, Рен и Лазар Дюкудре, Гюго Мальпер, Виржиль Сернен, Эрнест Сорбье, Донатьен Вандель, Максанс Вине, Эварист Вуазен, – прочитал Виктор. – Итого дюжина, а сам дядюшка Эмиль тринадцатый, он, должно быть, всех и сфотографировал. Имена перечислены в алфавитном порядке. А вот адресов здесь, увы, нет. Но я помню, они были записаны в реестровой книге. Так... зато в статье, которую мне подсунул Жозеф, говорилось, что Деода работал в Обсерватории, а Максанс жил... Нет, не помню. Ничего, выясню это завтра же. Но мне, кажется, попадались еще какие-то бумаги, связанные с этой веселой компанией...

Виктор порылся в ящиках бюро и извлек оттуда коробку из-под печенья с красивой картинкой на крышке.

– Вот! Сюда я сложил открытки с приглашениями на свадьбы, крестины и похороны... Надо же, сколько людей уже покинули этот мир... Нашел!

Он вертел в руках маленький конверт, адресованный Эмилю Легри в книжную лавку на улице Сен-Пер, 18. Там стояла дата: февраль 1888 года. По всей видимости, отправитель не знал, что адресата уже нет в живых. Виктор вынул из конверта карточку с черной рамкой, на которой было написано всего несколько слов:

Мадам Жюльен Сорбье, урожденная Кате, и ее сыновья Жан и Мишель
с прискорбием сообщают о кончине супруга и отца Эрнеста Сорбье.
Похороны состоятся на кладбище Пер-Лашез....

– Сорбье... Это тот самый, которого прозвали Полька Пикет. И где же жил покойный? Вот: Париж, Двенадцатый округ, авеню Домесниль, дом 26.

– Привет, а вот и я! – раздался голос Таша. – Решил навести порядок?

– Нет, просто кое-что искал.

– Ты увлекся коллекционированием? – предположила она, проведя рукой в перчатке по рассыпанным перед ним карточкам.

– Я коллекционирую только женщин, дорогая, – улыбнулся Виктор.

– Что ж, тогда я – жемчужина твоей коллекции!

Виктору нечего было возразить – так хороша была Таша в шелковом серо-голубом платье с воланами и кокетливой шляпке в тон.

– Сэру Реджинальду несказанно повезло, – ревниво заметил он, – каждый день видеть такую красивую и элегантную женщину!

– Радуйся, мой заказчик уезжает в Лондон, чтобы привлечь внимание общественности к судьбе своего друга Оскара Уайльда, которого в скором времени собираются перевести из тюрьмы Уандсворт в Редингскую тюрьму. Несчастный совершенно сломен. Это такая несправедливость – гениального поэта осудили за гомосексуализм, хотя многим другим это сходит с рук!

– Тебя в Лондон не пригласили?

– Зачем? Здесь, в Париже, я могу сделать гораздо больше. К примеру, воспользовавшись отсутствием сэра Реджинальда, планирую заняться «Наядой». Я хочу изобразить ее выглядывающей из-за скалы на фоне уплывающего вдаль парохода – объединить прошлое с настоящим.

– Продолжить серию «современные сюжеты, навеянные античностью»?

– Да. Хотя моему заказчику это вряд ли понравится. Его гость, Обри Бердслей, не одобряет мой стиль, и, поскольку он проведет на улице Фезандри ближайшие два дня, я не смогу там работать.

– Очень рад. Бердслей? Не он ли делал иллюстрации к «Саломее» Оскара Уайльда, вышедшей в свет в прошлом году? Я помню их – обнаженные рабы, порочные ангелы... Довольно откровенно.

– Но очень талантливо. Уистлер превозносит Бердслея до небес: тому всего двадцать три года, а он уже не раз выставлялся.

– Ты к нему равнодушна?

– Перестань. Он был одним из любовников Уайльда, и на судебном процессе его тоже облили грязью. Их познакомил приятель сэра Реджинальда, Артур Симон, который издает «Савой», а Бердслей сотрудничает с этим журналом.

– Что ж, я благодарен ему за то, что он критикует твои произведения, и ты возвращаешься в лоно семьи! Но сорок восемь часов пролетят быстро...

Виктор притянул Таша к себе и с удовольствием вдохнул запах ее любимых духов с ароматом розного ладана.

– А ты в мое отсутствие снова занялся разгадкой какой-то тайны? – прошептала Таша, кивая на карточки.

– Самая главная тайна для меня – это ты, мой обожаемый сфинкс.

– Ты увливаешь, потому что я права! Ты лицемер, собственник и обманщик! Беда только в том, что я тебя безумно люблю...

Они разомкнули объятия и с нежностью посмотрели друг на друга. На самом деле оба оберегали свою любовь, и именно поэтому старались избежать разногласий.

– Дорогой, ты слышал что-нибудь о Уолтере Патере?

– Нет, а кто это?

– Английский эссеист, духовный наставник Оскара Уайльда. Он умер в прошлом году. У него есть такое выражение: «Главное – не результат, а процесс познания!»

– Согласен.

– Ты ведешь расследование, признавайся?

– Может быть, да, а может быть, нет.

– Значит, да.

Он засмеялся и прошептал ей на ухо:

– Ночами я принадлежу одной тебе, родная.

– Только ночами? Значит, ты больше не будешь фотографировать меня в костюме Евы?

Он расстегнул лиф ее платья, радуясь тому, что она не носит корсет.

– Пойдем в постель, – прошептал он.

– Готовь свою аппаратуру.

– К черту фотографию!

Забытая во дворе, Кошка заскреблась в дверь.

– И к черту представителей семейства кошачьих, – пробормотал Виктор, увлекая Таша в альков.

Вечер того же дня

– И это – псише мадемуазель Марс⁴⁴? Нет, это всего лишь его жалкая копия! Вас облапошили, как последнего простофилю!

– Мышоночек, ну вы же не собираетесь завладеть оригиналом графини де Ла Бинь?

– Не произносите при мне этого имени! Я ненавижу эту Вальтесс де Ла Бинь⁴⁵, кстати, на самом деле ее зовут Люси Эмили Делабинь.

– Но вы проявляете изобретательность, подражая ей.

Сюзанна Боске раздраженно мерила шагами будуар, где собиралась разместить свой трофей. Длинный подол ее платья из черного атласа, украшенного лиловыми шелковыми лентами, волочился по полу. Наконец, она успокоилась и склонилась над подарком, который преподнес ей Амори де Шамплье-Марей. В нем отразилось ее лицо, густо покрытое румянами и рисовой пудрой, которые должны были скрыть пятнадцать лет разницы между нею и любовником.

«Какой же он недотепа! Если бы не его деньги, я бы послала его ко всем чертям!»

Но Сюзанна была достаточно умна, чтобы держать при себе юного простофилю, предпочитавшего зрелых любовниц. Регулярные семейные сцены шли их отношениям только на пользу. Последнюю Сюзанна устроила позавчера, когда нашла под креслом альбом под названием «Невинные забавы инфанты» с фотографиями некой Фьяметты, выставившей напоказ свои прелести.

– Я узнала ее! Это Фифи Ба-Рен, ваша бывшая, танцовщица канкана, которая вышла замуж за русского князя! Вот значит, чем вы занимаетесь в мое отсутствие!

Амори Шамплье-Марейю понадобился час, чтобы успокоить Сюзанну и заверить в том, что она в его сердце – единственная.

«Со своим кривым носом и торчащими во все стороны вихрами он похож на птенца!» – тяжело вздохнула она.

Впрочем, разве важно, как он выглядит? Лишь бы давал ей возможность жить на широкую ногу. И все же ее небольшая вилла на улице Бель-Респита⁴⁶ не шла ни в какое сравнение с особняком графини де Ла Бинь. Эта куртизанка в пятнадцать лет стала матерью-одиночкой, она якшалась со всякими бездарными мазилами. Ее особняк журналы описывали как построенный в стиле модерн, хотя на самом деле его стиль больше тяготел к Ренессансу. Вот почему Сюзанна, сгорая от зависти, заставила любовника потратить часть своего наследства на реставрацию «презренной лачуги», расположенной недалеко от площади Звезды.

– Я хочу вестибюль из белого камня, украшенный чучелами ибисов, столовую в средневековом стиле, а в моей спальне – кровать с балдахином, который держит в руках серебряная Венера. А еще должны быть веранда и живописный сад. А в моем будуаре будет стоять точная копия псише мадемуазель Марс!

---

⁴⁴ *Мадемуазель Марс* (наст. имя Анн-Франсуаз-Ипполита Буте-Сальвета; 1779–1847) – французская актриса, игравшая на сцене Комеди Франсез 33 года; псише – напольное овальное зеркало. – *Прим. перев.*

⁴⁵ *Вальтесс де Ла Бинь* (наст. имя Люси Эмили Делабинь; 1848–1910) – французская актриса, писательница, куртизанка. – *Прим. перев.*

⁴⁶ Переименована в 1897 году в улицу Арсена Юссе. – *Прим. авт.*

– Но, мышоночек, это стоит целое состояние! Я же не принц де Саган⁴⁷!

– Вы – сахарный король, а это гораздо лучше. Ах, как я вас люблю! Мы с вами – две половинки одного целого! – промурлыкала Сюзанна, расправляя тонкое кружево на корсаже и прижимая любовника к пышной груди.

И Амори де Шамплё-Марей растаял.

– А зачем нам библиотека? – осведомился он, разглядывая одну из стен гостиной, расположенной рядом с будуаром.

– Я хочу заполнить ее книгами в красивых переплетах.

– Для чего? Вы же их не читаете. Сами говорили, что не выносите такого бездарного времяпрепровождения, от которого к тому же портится зрение!

– Зато наши гости это оценят. Мы же будем принимать у себя весь Париж!

– Ну, что она там копается, эта растяпа? – Сюзанна бросилась к горничной, которая неуклюже расставляла в застекленном шкафу кофейный сервиз. – Смотрите, не разбейте! Этот сервиз мне достался от бабушки.

На самом деле, это был подарок Эмиля Легри, одного из первых любовников Сюзанны, который вывел ее в свет и оставил после себя волнующие воспоминания.

– А эта бездельница вообще читает газету! Право, мой друг, что за никчемных слуг вы наняли! Наверное, и тут сэкономили, как с этим зеркалом?

– Простите, мадам! – воскликнула служанка. – Просто тут такое написано, что кровь в жилах стынет! Два человека погибли в фиакре из-за жаровен! А мой отец служит в конторе, владеющей наемными экипажами!

Сюзанна взяла у нее газету и пробежала глазами статью. Два имени бросились ей в глаза: Деода Брикбек и Максанс Вине. В статье открыто намекали на убийство. Сюзанна едва не потеряла сознание, комната закружилась у нее перед глазами, пол уходил из-под ног. Она выронила газету и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

– Мышоночек, что с вами? – бросился к ней Амори.

– Ничего, я, должно быть, простудилась. В этом доме такой холод!

– Лизон, скорее, нюхательные соли мадам! – крикнул Амори де Шамплё-Марей.

Он взял газету.

– О! Вас это напугало? Вероятно, это месть какого-нибудь уволенного служащего городской компании наемных экипажей. Не бойтесь, в нашем доме уже сложили камин, и я планирую еще установить калориферы, в которых циркулирует горячая вода... Скоро тут будет не просто тепло – жарко!

Сюзанна оттолкнула Лизон, которая протягивала ей флакон с нюхательными солями. Сначала разочарование при виде жалкого псише в раме с пухлыми ангелочками. Потом потрясение, которое она испытала при виде статьи в газете...

– Какое счастье, что я не попросила вас купить мне ванну маркизы Паивы⁴⁸, вы бы притащили какое-нибудь корыто! Это жалкая лачуга! Здесь не хватает гобеленов, зеленых растений, всего не хватает! Который час?

– Половина пятого, мой мышоночек.

– Мне хочется прогуляться!

– Я могу вас сопровождать?

---

⁴⁷ Финансировал строительство особняка Вальтесс де Ла Бинь, что его и разорило. – *Прим. авт.*

⁴⁸ *Маркиза Паива* (Лахман, Эсфирь Борисовна; 1819–1884) – европейская куртизанка еврейского происхождения, одна из ярких символических фигур Второй империи. Родилась в Москве, приехав в Париж, вышла замуж за немца Хенкеля Доннерсмарка, который построил для нее особняк на Елисейских Полях (дом 25), открытый для посещения и в наши дни. – *Прим. авт.*

– Нет, вы отправитесь к флористу заказывать пальмы в горшках! – раздраженно буркнула Сюзанна и, тут же опомнившись, просюсюкала: – Мой сладенький, мой Момо. Я вас обожаю.

«Вот так, дорогая, – сказала она себе, – с тебя не убудет. Мужчины настолько глупы, что не способны распознать, когда их любят за деньги».

Но тревога, охватившая ее после того, как она увидела в газете знакомые имена, не отступала. Убиты! Что заставило полицию прийти к такому заключению? Сердце Сюзанны бешено колотилось. Начнется расследование, ее могут вызвать на допрос! Только усилием воли ей удалось немного успокоиться.

Она нацепила широкополую шляпу, разукрашенную бантами и перьями, сменила туфли на высоких каблуках на удобные ботики и, надев жакет с баской, накинула норковую пелерину.

Сидя в тильбюри⁴⁹, Сюзанна Боске прижимала к груди шоколадного пуделя Какао. Нет, ей опасность не грозит, ведь она не имеет к этой истории никакого отношения. И тут она вспомнила об ужасном происшествии с Донатьеном Ванделем. В тот летний день она вместе с двумя идиотами и Гюго Мальпером сопровождала несчастного к нему домой, в дом номер 5 на улице Депар. Вдруг Бернадетта Перошон ее запомнила? Поставит ли она в известность полицию? Вряд ли. Сюзанна поцеловала пуделя и решила отвлечься от тревожных мыслей, придумывая себе псевдоним, – собственное имя казалось ей чересчур простым. Почему бы не стать Эрмин де Комбре? Или Эрмангардой де Рокбрюн?

– Придумала! Афродита д'Анжьен! В конце концов, это мой родной город. Никто же не знает, что мои родители были колбасниками.

На город опустились сумерки, обыватели расселись на скамьях под деревьями вдоль Елисейских Полей. Зажигались фонари, освещая посыпанные песком дорожки, многочисленные лавки и магазины.

Сюзанне не терпелось поскорее попасть на улицу Марини, где ее должна была ждать в открытой коляске графиня Греффюль, урожденная Караман-Шиме. Они собирались посмотреть военный парад. В воздухе уже с раннего вечера стояла странная смесь запахов конского навоза и дамских духов, а экипажи всех мастей съезжались в предместье Сент-Оноре. Если бы Сюзанне, вернее, Афродите д'Анжьен, повезло чуть больше, ее бы заметили баронесса де Ротшильд, которая ехала в двухместной карете, запряженной двумя чистокровными лошадьми, или месье Луи Стерн, чей кучер в сапогах с отворотами подгонял хлыстом породистых гнедых лошадей. Дорога была запружена всадниками, повозками и даже велосипедистами. Когда тильбюри Сюзанны приостановилось перед особняком Паивы, Сюзанна прочла слова Эмиля Ожье⁵⁰, выбитые над входом: «Добродетель, как и порок, имеет границы».

А бесчестье? Есть ли у него границы? Сюзанна в ужасе представила, как к ней приближается отряд полицейских.

---

⁴⁹ *Тильбюри* – легкий двухколесный экипаж. – *Прим. перев.*

⁵⁰ *Эмиль Ожье* (1820–1889) – французский драматург, автор известных пьес, член Академии. – *Прим. перев.*

Глава девятая

Вторник, 19 ноября

Строчки из газеты так и стояли перед глазами Эрика, сидевшего на скамье в сквере рядом с церковью Святой Троицы. Деревья шумели и гнулись под сильным северным ветром. Слышалось назойливое журчание фонтанов.

– Убиты. Деода Брикбек и Максанс Вине убиты, угорели до смерти, наглухо запертые в фиакрах...

Молодой человек совсем замерз и решил укрыться в одном из трактиров на улице Клиши. Он вошел в первое попавшееся заведение и сел за столик. Официант подошел к нему и принял заказ.

Эрик снова развернул газету и внимательно перечитал показания коллиньонов, которые везли Деода и Максанса. Их нанял какой-то человек, описать которого им было сложно, так как он был одет в длинное широкое пальто с капюшоном; он заранее обговорил маршрут и оплатил поездку. Кучеры понятия не имели о том, что происходило внутри фиакра. Они постоянно использовали жаровню, и до сих пор никаких проблем это не вызывало.

Официант поставил перед Эриком пикон⁵¹ с гранатовым сиропом. Юноша сделал глоток и вновь уткнулся в газету. Как следовало из доклада полицейских экспертов, в данном случае уголь в жаровнях был особенный, при его горении выделялось большее количество окиси углерода, чем обычно. Таким образом, преднамеренное убийство было налицо.

Эрик повертел в руках стакан. Кому понадобилось убивать этих несчастных? И почему это случилось именно с теми, кого он пригласил к себе в контору в пассаж д'Анфер? О предстоящем визите могли знать только двое, уже посетившие Эрика. Впрочем, они вполне могли рассказать об этом другим членам ассоциации. Но главный вывод из случившегося очевиден: если кто-то готов прибегнуть даже к таким жестоким методам, чтобы убрать двух пешек с шахматной доски, игра наверняка стоит свеч.

«Значит, сокровище, о котором упоминал дядя, не выдумка, а знатный куш, – думал Эрик. – Я был слишком наивен. Впредь надо действовать более осмотрительно!»

Он допил пикон и извлек из кармана лист бумаги, разрисованный карикатурами.

Устав ассоциации «Подранки»,
предназначение которой – создание фаланстера,
направленного на филантропию

Заседание первое

6 января 1876 года

Список присутствующих в алфавитном порядке:

1. Бонваль Ида, родилась в 1863 году, студентка и певица, по прозвищу
Восьмушка, проживает со своим отцом Матюреном на улице Клиши, 24

---

⁵¹ Пикон – алкогольный напиток, приготовленный путем вымачивания апельсиновых корочек, горечавки и коры хинного дерева. – *Прим. перев.*

2. Бонваль Матюрен, родился в 1838 году, водонос, по прозвищу Кап-Кап, отец Иды, адрес тот же
3. Боске Сюзанна, родилась в 1855 году, без профессии, по прозвищу Ни-То-Ни-Се, авеню Вагран, 63
4. Легри Эмиль, основатель, книготорговец, по прозвищу Кавардак, улица Сен-Пер, 18
5. Мальпер Гюго, родился в 1835 году, философ, друг собак, по прозвищу Апорт, Домон, замок Буа-Жоли
6. Вандель Донатьен, родился в 1837 году, служащий железных дорог, по прозвищу Поршень, улица Депар, 5
7. Вине Максанс, родился в 1831 году, рабочий литейщик, по прозвищу Макс Большое Ухо, сите Дюпон, 6.

Из-за невозможности приехать отсутствовали и уполномочили голосовать за себя:

8. Брикбек Деода, родился в 1846 году, служащий обсерватории, по прозвищу Гринвич, улица Данфер-Рошро, 83
9. Дюкудре Рен, родилась в 1844 году, коммерсантка, по прозвищу Юла, бульвар Бомарше, 13
10. Дюкудре Лазар, родился в 1843 году, коммерсант, по прозвищу Волчок, адрес тот же
11. Сернен Виржиль, родился в 1842 году, владелец ресторана, по прозвищу Мухоловка, улица Понсле, 2
12. Сорбье Эрнест, родился в 1833 году, учитель танцев, по прозвищу Полька Пикет, авеню Домесниль, 26
13. Вуазен Эварист, родился в 1845 году, разводит шампиньоны, по прозвищу Гриб, Карьер-Сен-Дени, дорога де Ла Крю, 11

То есть изначально их было тринадцать. Эмиль Легри и Донатьен Вандель умерли своей смертью. Деода Брикбек и Максанс Вине отравлены. Теперь их осталось девять. И один из них – убийца?

Эрик подозвал официанта и попросил принести перо и бумагу. Он написал:

Я побывал в конторе в пассаже д'Анфер, 20 по поводу дела, имеющего отношение к Донатьену Ванделю, о кончине которого не знал. А затем прочитал в газете о гибели Деода и Максанса в фиакрах от угарного газа. Полиция считает, что это были преднамеренные убийства. Мне стало страшно. Возможно, все мы теперь в опасности? Будьте начеку. Неужели один из нас убийца?

Эварист Вуазен

Закончив, Эрик снова развернул список и принялся пометать карандашом имена, приговаривая вполголоса:

– Эту записку я отправлю Бонвалю, Иде и Матюрену... Так, Боске Сюзанна... Надо найти ее новый адрес, но как? Мальперу Гюго я тоже ее пошлю.

В результате список стал выглядеть так:

Донатьен Вандель. Умер естественной смертью, но в августе в Домоне с ним произошел несчастный случай.

Максанс Вине. Убит.

Деода Брикбек. Убит.
Рен Дюкудре. Отправить записку.
Лазар Дюкудре. Отправить записку.
Сернен Виржилъ. Отправить записку.
Сорбье Эрнест. В течение нескольких лет отсутствует на заседаниях.
Убедиться в этом. Проверить прежде, чем отправить.
Вуазен Эварист. Послужит наживкой.

Эрик переписал текст записки четыре раза, рассовал листки по конвертам и надписал адреса получателей. Три письма он спрятал в портфель, четвертое – в карман пальто. Заплатив по счету, молодой человек направился к дому 24 по улице Клиши.

Консьержки не было видно. Напрасно Эрик искал список жильцов. К счастью, в тот момент, когда он уже готов был сдать и уйти, к дому подошла пожилая женщина с такой на поводке. Она охотно ответила на вопрос Эрика.

– Ида? Конечно, я ее знаю. Когда она была совсем еще крошкой, я качала ее на коленях! Ида мечтала стать певицей и своего добилась. Фенуйяр, не тужи, ты же удавишься, глупая собака! О чем это я? Ах, да! Матюрен, Идин отец, отдал Богу душу пять лет назад. Бедняга, он выбивался из сил ради дочери, совсем себя не щадил! Он один Иду воспитывал, его жена умерла, когда малышке было три года. Славный был человек, он разносил клиентам воду из общественного источника. По двадцать литров в каждой руке, тридцать пять – сорок ходок в день, а ведь нередко ему приходилось подниматься на верхние этажи. И так с утра до вечера! Фенуйяр, прекрати! Слава богу, у них был друг, книготорговец, он им помогал... Но в семьдесят седьмом или в семьдесят восьмом он скончался, вот тогда Бонвалям туго пришлось... Пока Ида не начала зарабатывать, они едва сводили концы с концами!

– А вы не подскажете, как мне найти мадемуазель Иду?

– Сейчас у нее гастроли в провинции, не помню, где именно. Но путь, похоже, туда не ближний, я видела, как она уезжала, так вот, она взяла с собой два больших чемодана...

– А когда она вернется, не знаете?

– Обещала, что придет к Рождеству. Извините, но мой Фенуйяр больше не вытерпит. Перестанешь ты тянуть, или нет, кретин!

И женщина удалилась. Эрик мысленно вычеркнул из списка Матюрена, взглянул на адресованное ему письмо и после краткого раздумья сунул его консьержке под дверь. Теперь – на почту.

Сермез-ле-Бен, в тот же день

В зеркале отражалось изможденное лицо с синяками под глазами и густым слоем кольдкрема на щеках. Порывистым движением Ида Бонваль провела пуховкой по лицу. Когда она красила губы, рука ее дрогнула, и помада оставила в углу рта алую полосу, похожую на рану. Ида вытерла ее кружевным платочком, но кружево зацепилось за серьгу, и Ида вскрикнула от боли, а на мочке уха выступила капля крови. Плохой знак, подумала Ида и поцеловала золотой кулон в виде трилистника, надеясь, что талисман поможет ей избежать несчастья. День заканчивался так же плохо, как начался.

Утром горничная принесла ей поднос с легким завтраком и свежими газетами. После вчерашнего спектакля Ида надеялась отдохнуть. Она с любопытством развернула газету. Театральные критики обычно публиковали рецензии сразу после премьеры, излагая личное мнение, которое в девяти случаях из десяти не совпадало с мнением публики. Ида надеялась увидеть в газете свое имя: она считалась известной оперной певицей. На этот раз она выступала в казино Сермез-ле-Бен, второй этаж которого был недавно переделан в концертный

зал. Ида равнодушно скользнула взглядом по статье о пользе железистых источников и об архитектуре бювета⁵², построенного в 1852 году по инициативе компании по водоснабжению и канализации. Ага, вот оно!

...Только до 28 ноября! «Маскотта» Эдмона Одрана⁵³ с божественной Идой Бонваль и великим Лучано Орвьетто, способными очаровать всех, кто любит оперетту.

Ида пила апельсиновый сок и жевала круассан, читая статью о Саре Бернар. Вдруг она заметила внизу страницы знакомые имена: Деода Брикбек и Максанс Вине. Прочитав о том, что они найдены мертвыми в фиакре и полиция подозревает двойное убийство, Ида чуть не подавилась.

Ну почему она отказалась от предложения открывшегося в августе казино Руайян, полагая, что не успеет разучить свою партию? Если бы согласилась на два спектакля «Корневильских колоколов»⁵⁴, ей бы не пришлось возвращаться в Париж. Ида впала в панику. Если ее вызовут в полицию, чтобы допросить в качестве свидетеля, карьера будет погублена!

Ида вспомнила слова своего импресарио, который постоянно предостерегал ее, призывая быть более осмотрительной: «Милочка, чтобы сделаться известной, надо быть знаменитой! Ты – не звезда, так что не задирай нос. Когда ты превзойдешь славу Эммы Кальве⁵⁵, мы вернемся к этому разговору».

Кретин! Она еще покажет ему, чего стоит! Вот выйдет на сцену «Опера́ Комик», и ему останется только утопиться в первой попавшейся сточной канаве.

Ее нервы были на пределе, и она принялась мерить шагами комнату, декламируя:

– «Артист не должен задерживать время начала спектакля, указанное в афишах и программках... Артист сам обеспечивает себя костюмами... В случае болезни артист не имеет права прерывать гастроль, если только не предоставит врачебное заключение, в котором значителся, что он не может передвигаться⁵⁶...».

У Иды пропал аппетит, и ее партнер Лучано Орвьетто, которого на самом деле звали Гислен Лепля, немало удивился, когда за обедом она даже не прикоснулась к блюду из кролика. Он оставил вялые попытки поухаживать за ней и отправился к себе. Ида поспешила закрыться в своей комнате.

Был только один способ избавиться от тревоги: обратиться к Сюзанне Боске, которая сообщила ей по секрету («только тебе, моя козочка») свой новый адрес. Эта мысль Иду приободрила, и она продолжила гримироваться. Несколько минутами позже она уже пела низким грудным меццо-сопрано партию в дуэте с баритоном Лучано Орвьетто:

Я так люблю моих индюшек...
Я так люблю моих барашков...
Когда они так нежно бормочут...
Когда они делают «бе-бе»!⁵⁷

---

⁵² Бювет – специальное сооружение над минеральным источником или близ него. – *Прим. перев.*

⁵³ Эдмон Одран (1842–1901) – французский композитор – *Прим. перев.*

⁵⁴ «Корневильские колокола» – оперетта Робера Планкетта (1848–1903). – *Прим. перев.*

⁵⁵ Эмма Кальве (1862–1942) – французская оперная певица, в 1892 году исполнила партию Кармен в «Опера́ Комик». – *Прим. авт.*

⁵⁶ Шарль Баре. «О человеке, который хорошо устроился», 1909. – *Прим. авт.*

⁵⁷ «Дуэт индюшек» из оперетты «Маскотта» (Э. Одран, 1880). – *Прим. перев.*

Глава десятая

Среда, 20 ноября

– Моя цыпочка, вы не просто медсестра, вы мой ангел-хранитель! А ваши глаза – прямо как два вулкана, ах, потоки лавы уже достигли моего сердца, я горю, вот-вот умру! Если вы сейчас же не скажете мне, что я прекрасен как Триумфальная Арка, я выброшусь из окна!

С голыми ногами, в одной рубашке, мужчина с красным лицом гнался за молодой испуганной девушкой через всю палату, а лежащие на койках пациенты давились от хохота. Но тут в дверях появился доктор со стетоскопом на шее и термометром в руке.

– Месье Сернен, немедленно успокойтесь и ложитесь в постель!

– Нет уж! Я знаю, вы опять заставите меня пить этот травяной настой, я уже сыт им по горло! У меня ресторан простаивает, и если я останусь тут еще хотя бы на один день, рискую разориться!

– А ваши почки, вы о них подумали? Если мы не растворим камни, у вас может случиться очередной приступ колики!

– Что вы заладили: камни, камни! За один день, проведенный в вашей клинике, я теряю пятьдесят клиентов. А каждый из них заплатил бы мне в среднем по два франка за обед!

– Вы слишком трудный пациент, я отказываюсь вас лечить. В следующий раз выберите другую клинику!

– Лучше пришлите мне Симону, только она может со мной справиться. Я всегда питал слабость к брюнеткам.

Доктор пожал плечами и начал осматривать какого-то старика. Виржилъ Сернен, ворча, снова улегся. Чаша его терпения была переполнена. Еще несколько дней в этом лазарете, и он отправится домой, независимо от того, поправится или нет. На самом деле гораздо больше, чем о состоянии дел в ресторане, он беспокоился о своих питомцах, которых держал в стеклянных аквариумах. Толстуха Маринетта обещала о них позаботиться, но он знал, какое отвращение ей внушают рептилии и земноводные. К ящерицам и саламандрам она относилась более терпимо, однако кормить их червями, мухами и другими насекомыми было для нее настоящей пыткой. А хуже всего были ужи, которые питались исключительно рыбой, жабами, лягушками и головастиками. И хотя она знала, что они совершенно безобидны, все равно боялась быть укушенной.

Пока была жива, о подопечных заботилась жена Виржиля, Люси. После ее смерти их некому было препоручить. И хотя у Виржиля были две любовницы, он скрывал от них, где находится, опасаясь, что они могут случайно столкнуться в его палате. Ивонне он написал записку, в которой сообщил, что уезжает отдыхать в Ньевр к тетушке. А Мелани считала, что Виржилъ в Бордо – помогает кузену, который якобы оказался в трудном положении. Скрывшись таким образом от обеих женщин, Виржилъ мог спокойно лечиться, но зато был лишен возможности получать известия о том, как идут дела в «Миротон де Терн», его ресторанчике на улице Понсле.

На самом деле был человек, на кого он мог положиться, – Рен Дюкудре, но ему не хотелось ее беспокоить. Это была необыкновенная женщина, такие редко встречаются. Они пережили вместе незабываемые моменты, причем ни жена Виржиля Люси, ни муж Рен Лазар ничего не подозревали. В какой-то момент любовники даже собирались оставить своих законных супругов и сочетаться браком. Но Виржилъ не смог устоять против новенькой брюнетки-официантки. Рен застукала их в подвале. Она давно свыклась с тем, что муж не хранит ей верность, но измена любовника – это было уже слишком. Рен бросила Виржиля,

и с тех пор он сменил много любовниц, но ни одна не могла сравниться с этой удивительной женщиной – соблазнительной, остроумной и наделенной деловой хваткой. Виржилю горько было сознавать, что она по-прежнему живет с этим кретином Лазаром Дюкудре.

В палату вошла медсестра, толкая перед собой тележку с лекарствами. При виде нее Виржилль спрятался под простыню с головой.

– Ну же, месье Виржилль, будьте благоразумны! – воскликнула она. – Если вы не примете микстуру, мне достанется от доктора Гарро!

– Охотно верю! Я знаю, он только и делает, что бранит пациентов и персонал! Ладно уж, я выпью ваше пойло, но при одном условии: шепните мне на ушко ваш адресок.

Покраснев, девушка склонилась к его койке.

Виктору все сложнее было совмещать обязанности книготорговца и увлечение фотографией. Кончилось тем, что, переговорив со своими компаньонами, он стал появляться в лавке «Эльзевир» через день. А когда сталкивался с какой-то тайной, не мог удержаться, чтобы не ввязаться в расследование, хотя знал, что снова придется вести двойную жизнь, а потом оправдываться перед Таша и Кэндзи.

В эту среду Виктор позвонил Кэндзи по телефону и сказал, что встречается с клиентом, который пригласил его оценить библиотеку, поэтому придет в лавку только после обеда. Примерно то же самое он наплел и Таша. Вышел из дома и почти сразу же сел в фиакр.

Когда они добрались до Лионского вокзала, там оказался затор из экипажей. Виктор расплатился и, выйдя из фиакра, окунулся в безбрежное море людей, которое раскинулось до самой авеню Домесниль, одной из рек, впадающих в это море; на ее берегах росли богатые дома буржуа, тут и там виднелись магазины, а совсем рядом – виадук вокзала. Улица выглядела довольно мирной, если не считать длинного мрачного здания тюрьмы, обнесенного высокими стенами со сторожевыми башнями по углам. За стенами располагались архивы, канцелярия суда, квартира директора и центральный корпус, от которого расходились шесть трехэтажных пристроек, разделенных внутренними дворами.

Глядя на тюрьму, Виктор задумался: где-то там сидят и убийцы, которых вычислил он. После завершения каждого расследования ему случалось испытывать смутное чувство вины, а иногда снились кошмары, в которых кто-то из тех, кого он поймал, мстил ему. Он понимал, что ни один из преступников не заслуживает сочувствия, и если бы остались на свободе, они совершили бы новые злодеяния. И все же, как он ни любил сам процесс охоты, результат был ему не по душе.

С этими мыслями Виктор подошел к дому 26 по авеню Домесниль. Медная табличка на стене гласила:

МАДАМ ЖЮЛЬЕН СОРБЬЕ
УРОКИ БАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ
ВАЛЬС
ПОЛЬКА
ШОТЛАНДСКИЙ ТАНЕЦ
МАЗУРКА
Первый этаж, налево

Виктор позвонил, и вскоре за стеклянной дверью показался неясный силуэт. Женщина с седеющими волосами и грубыми чертами лица, одетая в шерстяное платье, вышла ему навстречу.

– Извините за беспокойство, мне нужно поговорить с мадам Сорбье.

– Это я. Моя помощница опаздывает. Вы хотели записаться? У нас мало мужчин, однако...

– Нет, я хотел поговорить о вашем супруге.

– Об Эрнесте? Но его уже семь лет нет с нами!

– Вы позволите мне войти? Меня зовут Виктор Легри, я книготорговец. Ваш муж был другом моего дяди Эмиля.

Услышав это, женщина нахмурилась и поджала губы. Затем достала из кармана очки с толстыми стеклами, нацепила их и принялась внимательно разглядывать собеседника.

– Что ж, проходите.

Онапустила Виктора в вестибюль, заставленный большими фарфоровыми вазами, и провела в просторную комнату, почти пустую, за исключением ковра на полу, пианино, танцевальных станков вдоль стен и зеркал напротив. В углу стояли несколько стульев, там хозяйка с гостем и уселись.

– Месье Легри много сделал для моего мужа. Когда стало ясно, что у Эрнеста большое сердце, он устроил ему консультацию у известного специалиста. Лечение было дорогостоящим, и мы никогда бы не смогли оплатить его без поддержки месье Легри, в то время у нас было всего несколько учеников, и мы едва сводили концы с концами...

Мадам Сорбье тяжело вздохнула.

– Ваш дядя был благородным человеком. Они познакомились с Эрнестом в одном кабачке в Латинском квартале, и у них завязалась дискуссия о Шарле Фурье. Потом, пропустив пару стаканчиков сидра, они решили сыграть в пикет. Отсюда и прозвище, которым Эмиль награбил моего мужа, узнав, что тот – учитель танцев.

– В восемьдесят восьмом году вы послали моему дяде извещение о смерти Эрнеста. Разве вы не знали, что Эмиль Легри умер десять лет назад?

Мадемуазель Сорбье невольно вскрикнула.

– Как?! Никто не сообщил нам!

– Странно, если поверить в то, что Эрнест и Эмиль были близкими друзьями и регулярно встречались!

– Да, так и было. Но однажды они поссорились и с тех пор больше не виделись. Мой муж был хороший человек, но очень обидчивый.

– А из-за чего они поссорились?

– Эрнест еще в юности стал атеистом. Но, несмотря на то, что я ревностная католичка, это не помешало мне его полюбить. А в 1875 году с ним произошло мистическое событие, которое произвело на него такое сильное впечатление, что он уверовал в Бога. А ваш дядя...

– Но Эмиль не был атеистом! – заметил Виктор.

– Он называл себя агностиком, и это приводило Эрнеста в негодование. Однажды их ученый спор перерос в ссору, и оба потеряли самообладание. И хотя Эрнест потом переживал из-за этой размолвки, он не был готов к примирению, и поэтому разорвал отношения с Эмилем. Когда у него случился инфаркт, я написала вашему дяде. А не увидев его на похоронах, подумала, что он не простил Эрнеста, и больше не пыталась с ним связаться. Отчего он умер?

– От чахотки. Туберкулеза легких. Я был рядом. Он держался мужественно. И взял с меня слово, что я сохраню его бумаги и гравюры, имеющие отношение к фурьеризму.

Виктор надеялся увидеть на лице мадам Сорбье хоть малейший признак того, что ей что-то известно об ассоциации. Но она и глазом не моргнула. Тогда он продолжил расспросы:

– А что послужило причиной инфаркта месье Сорбье?

– Мы думали, что это очередной сердечный приступ, но все оказалось гораздо серьезнее. Это было ужасно. Наш старший сын, Жан, стал давать уроки танцев вместо отца, чтобы младший имел возможность завершить образование: он учится на юриста. Я верю, что Эрнест – там, где он сейчас, гордится нами. Ах! Если бы вы встретились с ним раньше... Он превосходно танцевал, а в польке никто не мог с ним сравниться! Жан унаследовал талант от

отца. А я аккомпанирую. Зоя, моя невестка, тоже работает с нами. Но мода на танцы меняется, и меня это беспокоит. Вот и теперь, этот новый танец, пришедший к нам из Аргентины, становится все более популярен, несмотря на свою вульгарность. Его называют танго. А уж канкан...

Виктор поднялся: он не испытывая ни малейшего желания обсуждать эту тему, так как отдавал предпочтение классическому балету. Он вспомнил выступление Фифи Ба-Рен, которое имел счастье лицезреть: оно вызывало эмоции, весьма далекие от эстетических.

...Когда Виктор появился в лавке, Кэндзи с облегчением передал ему бразды правления. Нанятый на неполный рабочий день Симеон Дельма уходил после обеда, и Жозефу предстояло самому доставить «Соединение и перевод четырех Евангелий» графа Льва Толстого Саломее де Флавиньоль. Кэндзи с радостью воспользовался возможностью отправиться на улицу Эшель и заказать знакомому трактирщику изысканные блюда, чтобы удивить Джину, которую пригласил на ужин.

Воспользовавшись тем, что Кэндзи пошел поцеловать на прощание Айрис и Дафнэ, Виктор спустился в хранилище и, взяв подшивку газет, стал просматривать некрологи. Его внимание привлекло объявление в черной рамке.

Мадам Бернадетта Перошон и ее сын Эрик выражают признательность всем тем, кто счел своим долгом присутствовать на мессе в соборе Нотр-Дам в субботу 16 ноября, через три недели после того, как Донатьен Вандель покинул этот мир.

– Донатьен Вандель... Донатьен... Он тоже был в списке членов ассоциации «Подранки»! – воскликнул Виктор.

Оставив газету на столе, он бросился наверх.

– Что-то случилось? – всполошилась Эфросинья, которую он едва не сбил с ног.

– Нет, – бросил Виктор на ходу.

– Чего ж тогда так нестись?! – недовольно пробурчала она.

Глава одиннадцатая

Четверг, 21 ноября

Огромная мрачная туча нависла над набережными Сены. Виктор ехал на улицу Сен-Пер на велосипеде. Он почувствовал себя в безопасности, только добравшись наконец до книжного магазина «Эльзевир», где в это пасмурное, уже по-настоящему зимнее утро было тепло. Не успел он спрятать свой велосипед в кладовку, как хлынул ливень.

– Сегодня у нас вряд ли будет много покупателей, – заметил Симеон Дельма.

Кэндзи пробурчал что-то в знак согласия, занятый составлением своего драгоценного каталога.

– Жозеф еще не спускался? – спросил Виктор.

– Нет, – ответил Кэндзи и добавил: – Сегодня ночью всем нам досталось. Воистину, природа что-то не продумала, наделяя человека зубами: зачем младенцу терпеть столько страданий, когда они режутся, если к старости они все равно выпадут.

– Увы, изменить сие нам не дано, – заметил Виктор, направляясь к лестнице.

Он обнаружил Жозефа на кухне. Молодой отец сидел за столом, невидящим взглядом уставившись на чашку горячего кофе и, видимо, забыв о том, что собирался его выпить.

– Взбодритесь, у меня важные новости, – сказал ему Виктор. – Я буду ждать вас в хранилище, приходите туда, как только позавтракаете.

– О чем вы?! – воскликнул тот. – Я сегодня спал едва ли часа три. Нужен домкрат, чтобы поставить меня на ноги. А вы говорите...

– Перестаньте, в вашем возрасте вредно много спать. Жду вас внизу.

– Счастливцев, – проворчал Жозеф, оставшись один. – У него нет детей!

Но любопытство уже разгорелось в нем, поэтому он одним глотком выпил кофе и тихонько, чтобы не разбудить Айрис и малышку, вышел.

– Как, и вы в подвал? – бросил на него подозрительный взгляд Кэндзи.

– Нам с Виктором там есть чем заняться.

Жозеф обошел кипы сложенных на полу книг, за которыми, прислонившись спиной к шкафу, стоял, уткнувшись носом в записную книжку, Виктор.

– Ну, и что за новость вы мне хотели поведать? Неужели гигантский метеорит рухнул прямо на Эйфелеву башню?

– Прежде всего, приношу свои извинения за то, что не отнесся с должным вниманием к хронике происшествий, которую вы мне читали.

– Да что это с вами? Приступ вежливости? – воскликнул Жозеф, но тут же спохватился:

– О какой хронике происшествий вы говорите?

– Про двух мужчин, задохнувшихся в экипажах.

– Ах, этих! И для этого вы вызывали меня сюда? Надо полагать, то, что произошло с этими недотепами, вовсе не несчастный случай?

– Пока нельзя сказать наверняка. Тем не менее, кое-что наводит на размышления...

И Виктор начал обстоятельный рассказ о своем расследовании, начиная с реестровой книги Эмиля Легри и заканчивая визитом к мадам Сорбье, а потом поведал о мессе в память о Донатьене Ванделе.

Жозеф слушал его со все возрастающим любопытством, стараясь этого не показывать.

– Действительно, все это довольно странно. Но при чем тут я?

– Вы не хотите принять участие в расследовании?

Жозеф театральным жестом прижал руки к груди.

– Я теперь отец семейства!

– Не устраивайте спектакль, я не вхожу в число ваших преданных почитателей.

– Я всегда знал, что вы с пренебрежением относитесь к моему творчеству! – обиделся Жозеф.

– Неужели вам не интересно разгадать загадку? – продолжал уговаривать его Виктор. – Строить гипотезы, которые поначалу рушатся, как карточные домики, а потом постепенно обретать уверенность в своей правоте... А какой отличный может получиться сюжет для нового романа...

– Спасибо, сюжет у меня уже есть. Я начал писать новый роман, который вы наверняка проигнорируете, как впрочем, и предыдущие. Он будет называться «Мечь призрака». И речь в нем пойдет о том, как один медиум вызвал духов, а требующий отмщения призрак Алибо материализовался и стал регулярно появляться на улице Висконти, сея среди обывателей страх и ужас. Впрочем, вам это совершенно неинтересно...

– Ошибаетесь. Я восхищаюсь вашим литературным даром, и, так как вы, под влиянием многословной Мельпомены...

– Под чьим влиянием?

– Я имею в виду музу трагедии. Так вот, я знаю – писательский труд нелегок, он требует самодисциплины и уединения, но ведь можно иногда и отвлечься?..

– Допустим, я соглашусь, но какова будет моя роль? Как всегда, второстепенная?

– Бросьте, в последнем расследовании⁵⁸ мы были на равных.

– Да, но лавры, как всегда, достались вам.

– Значит, вы отказываетесь?

Виктор сделал вид, что собирается уходить, но Жозеф схватил его за рукав.

– Какой у нас план действий?

– Сегодня утром мне придется поработать в лавке: один букинист с набережной Конти, которому дал наш адрес Реми де Гурмон, должен доставить партию разрозненных книг, среди которых может попасться что-нибудь стоящее. А вы, если хотите, разузнайте подробности о Деода Брикбеке в обсерватории, это в нескольких минутах ходьбы от Люксембургского сада. Уверен, вы отлично справитесь.

– Тут, наверное, я должен щелкнуть каблуками и ответить: «Рад стараться, мой командир»?

Виктор улыбнулся.

– Как только вы вернетесь, я займусь Максансом Вине и Донатьеном Ванделем, они жили в одном районе.

– Знаете, что мне кажется? Вы спугнули крупную дичь. Тот, кто перевернул вверх дном нашу мансарду и украл список, не стал бы из-за пустяков подвергаться опасности быть застигнутым на месте преступления. Надо расспросить мадам Баллю!

Возвращаясь в помещение лавки, Жозеф споткнулся о Симеона Дельма, разыскивавшего что-то под лестницей, ведущей в подвал, где были в беспорядке навалены сотни брошюр.

– Симеон, что вы ищете?

– Месье Шодре умолял разыскать для него недостающий том политических зарисовок Эжена де Мирекура⁵⁹.

– Оставьте это занятие. Месье Шодре – страшный зануда, а этой книги у нас все равно нет.

---

⁵⁸ См. роман «Талисман из Ла Виллетт». – *Прим. авт.*

⁵⁹ *Эжен де Мирекур* (наст. имя Шарль Жан Баптист Жако; 1812–1880) – французский писатель. – *Прим. перев.*

Марсель Дюшомье с сигаретой в зубах замечтался, представляя себе, как было бы здорово, если бы метла сама собой подмела вокруг статуи астронома Ле Веррье. Что за глупая идея пришла в голову его коллеге – взять да умереть в фиакре! И вот теперь изволь выполнять его обязанности в дополнение к собственным! Когда еще руководство обсерватории займется тем, чтобы нанять второго уборщика... Так что о бале Бюллье⁶⁰ можно забыть. Что ж, остается только «Фоли-Бержер», где он любил поглазеть на симпатичные мордашки и откровенные декольте.

– Извините, что отвлекаю вас от работы, – раздалось у него за спиной. – Я журналист из «Пасс-парту». Что вы можете сказать о некоем Брикбеке Деода?

– К вашим услугам! – воскликнул Марсель Дюшомье, с радостью отставляя в сторону метлу, на которую опирался. Молодой, немного сутулый репортер внушал доверие. Так почему бы не поболтать с ним про зануду Деода вместо того, чтобы выполнять обязанности этого самого Деода?

– Брикбек вечно читал мне нотации. А в день своей смерти долго выговаривал за то, что я отказался дать монетку бродяге, который передал ему письмо. Я не скряга, но не люблю сорить деньгами!

– А что было в том письме?

Марсель Дюшомье покачал головой и ухмыльнулся.

– Не знаю. Может, этот осел наконец подцепил какую-нибудь девицу! Он был закоренелым холостяком, и к тому же урод каких мало, но на вкус и цвет товарищей нет, разве не так?

– А ему часто писали?

Жозеф так прилежно конспектировал его слова, что, прежде чем ответить, уборщик подсказал:

– Я разрешаю вам упомянуть мое имя, меня зовут Марсель Дюшомье. Нет, это было впервые. Деода был настоящий отшельник. Только один раз уезжал на три дня куда-то за город встречаться с друзьями, дело было в августе.

– А куда именно, не знаете?

– Он не говорил, а я не спрашивал. Кто его знает, а вдруг он связался с какими-нибудь франкмасонами... Я не хочу иметь к этому никакого отношения.

– Я хотел бы побывать дома у месье Брикбека, не могли бы вы сообщить его адрес?

– Улица Данфер-Рошро, 83. Вот была бы потеха, если он охмурил какую-нибудь девицу!

– Постыдитесь! – хмуро заметил Жозеф. – Как вам известно, он никого больше не охмурит.

Консьержка дома на улице Данфер-Рошро меланхолично жевала табак.

– Меня в мои годы ничем уже не удивишь. Бывает, что и людей *высокого помета*, которые в особняках живут, прирежет какой-нибудь мерзавец, сумевший пробраться к ним *под покрывалом ночи*. Чего ж удивляться, если скромного служащего уколошили в фиакре? Хотя, конечно, жалко его, слов нет.

Жозеф записывал, исправляя ошибки: *высокого полета, под покровом ночи*.

– Вы считаете, что его убили, или это был несчастный случай?

– Коли не убили, зачем тогда полицейские облазили тут все четыре этажа? Когда я своим ключом открыла его комнату, там все было перевернуто вверх дном! Это точно ограб-

---

⁶⁰ «Клозери де Лиля» – танцевальный зал (сад) в Париже, который посещала главным образом молодежь Латинского квартала. Сначала танцевали только летом. Бюллье открыл там увеселительное заведение, которое работало круглый год. Боборыкин вспоминал о парижских студентах, которые посещали «бал Бюллье», как кратко называли прежнюю «Клозери де Лиля». (Боборыкин. Т. 1. С. 475). – Прим. перев.

ление, и вот что странно: у него ведь не было ни гроша, мебель дешевая, а одежда вся поношенная, как из лавки старьевщика, одним словом, нищета полнейшая.

– К нему приходил кто-нибудь?

– Нет, месье Брикбек был идеальный постоялец, ни собаки не держал, ни женщины у него не было, чистая душа. Никому не доставлял беспокойства.

– Получал ли он письма в последнее время?

– Только одно. Я, когда передавала ему, заметила, что там не было обратного адреса.

Поднявшись на четвертый этаж, Жозеф легко отыскал дверь Деода – она была опечатана. Он раздумывал, к кому первому из соседей обратиться с расспросами, когда одна из дверей открылась, и на пороге появилась седая женщина с блекло-голубыми глазами.

– Вы из полиции?

– Нет, я журналист. Собираю информацию о месье Брикбеке.

За спиной первой возникла вторая дама, ее точная копия. Они в полголоса посовещались и пригласили Жозефа войти.

В крошечной гостиной со стенами, обитыми розовой тканью, почти все пространство занимала арфа. У оттоманки стоял пюпитр с партитурой, между буфетом и шкафом втиснулись три стула, а стены сплошь покрывали множество семейных фотографий вперемежку с акварельными рисунками, изображающими сельские красоты. В примыкающей к гостиной комнатке виднелась кровать с покрывалом в цветочек.

Хозяйки, которые представились Жозефу как сестры Женепи, Прюданс и Клеманс, указали ему на оттоманку.

– Любите ли вы музыку, месье... – задала вопрос Клеманс.

– Пиньо, Жозеф Пиньо. О да, очень.

– А кто ваш любимый композитор? – продолжила перекрестный допрос Прюданс.

Жозеф заметил над буфетом портрет.

– Э-э... Моцарт.

– А Шуберта вы не жалуете? – с сожалением заметила Клеманс.

– Месье Брикбек тоже любил музыку? – Жозеф попытался повернуть разговор в нужное русло.

– Да мы с ним...

– ...Особенно не общались.

– Он неохотно...

– ...Сходил с людьми. Только здравствуйте...

– ...И до свидания.

Если они так и будут изъясняться, я тронусь умом, подумал Жозеф, который уже устал вертеть головой, переводя взгляд с одной сестры на другую.

– Кроме того памятного вечера...

– ...Когда он поехал куда-то после работы...

– ...Мы даже подумали, что его срочно вызвали...

– ...К постели больного родственника...

– ...Но знали, что у него никого нет.

Жозеф решил, что будет вести беседу только с одной из сестер, и выразительно посмотрел на Прюданс. Но у него ничего не вышло.

– Он ведь всегда рано ложился спать.

– Мы подумали, что он под хмельком.

– ...Когда мы слышали шум в его квартире, у меня началось сердцебиение...

– ...А я начала задыхаться. Наша служанка Анаис уже ушла, она бы нам приготовила...

– ...Целебный настой из трав. Мы были уверены, что это месье Деода, что он выпил и поэтому натывается на мебель.

– Но это был вовсе не он, а грабители.

– Так сказали полицейские, они обыскивали его квартиру, а потом...

– ...Задали нам кучу вопросов.

– Беднягу убили! Ах, куда катится этот мир, какие ужасные времена настают, если честных граждан сначала...

– ...Убивают, а потом грабят!

– Напишите про это, а что касается нас...

– ...Мы собираемся попросить...

– ...Поменять нам замки и сделать...

– ...Дополнительные засовы!

Когда Жозеф, пошатываясь, покинул, наконец, сестер Женепи, в голове у него шумело. Полученную информацию он решил проанализировать позднее.

«Будь я бандитом, мог бы десять раз прикончить этих простофиль, которые впускают в дом кого попало. Виктор прав, каждое новое расследование дает материал для романа».

Жозеф прошел по улице Данфер-Рошро до монастырского приюта. К нему бросился газетчик, размахивая свежим номером:

– Специальный выпуск! Два убийства в фиакре! Удушение было заранее спланировано!

Эта новость подтверждала версию Виктора.

«Черт побери, два покойника, а может и три, если считать Донатьена Ванделя! Да, в этом деле пока что все покрыто мраком!» – подумал Жозеф, листая «Пасс-парту».

Уткнувшись носом в газету, он дошел до авеню Обсерватории, которое десять лет назад расширили, чтобы провести Арпажонскую ветку железной дороги. Прежде чем перейти улицу, Жозеф предусмотрительно закрыл «Пасс-парту»: трамвай, запряженный лошадьми, ехал прямо на него.

Виктор трясся в седле велосипеда по неровной мостовой квартала Плезанс. Тут стояли приземистые дома с огородами, похожие на деревенские. На улице Дидо телега молочника, которую тянула старая кобыла в яблоках, преградила ему дорогу. Он добрался до заведения Тиссан, представился книготорговцем, другом месье Вине, и ему посоветовали обратиться к Сиприену Бретешу.

Странная смесь запахов капусты, керосина и мыла витала в пустынном в это время суток коридоре. Виктор уже дошел до поворота, когда его окликнул какой-то долговязый старик.

– Похоже, вы меня ищете. Я спускался, чтобы одолжить у мамы Танше яйцо для штопки, проходите, мои хоромы тут.

Виктор окинул взглядом узкую комнату, где умещались только двуспальная складная металлическая кровать и деревянный сундук. Стены были обклеены иллюстрациями из журналов: сцены на пляже, строящие песочные замки мальчишки в матросских костюмчиках и соломенных шляпах с ленточками и девочки в платьях из органди. Таким, очевидно, была страна Эльдорадо, о которой мечтал обитатель этой комнаты. Войдя, он уселся на кровать. Виктор остался стоять, но хозяин похлопал рукой по ситцевому покрывалу рядом с собой.

– Садитесь, эта койка вполне заменит канапе, на каких сидят гости в высшем обществе. Я нарочно купил большую, ведь на кровати мы проводим добрую половину жизни.

– Неправда, только одну треть.

– Говорите за себя, я дрыхну часов двенадцать, иначе у меня голова потом кружится, а в моем возрасте это может иметь плачевные последствия.

Озадаченный Виктор внимательно разглядывал лицо старика, покрытое густой сеткой морщин.

– Допустим. Как думаете, что случилось с Максансом? В газетах пишут об убийстве.

– Меня допрашивали сегодня утром, и я сказал: «Он был безобиден как голубь, Макс Большое Ухо, грешно убивать таких».

– Откуда это прозвище?

– Макс Большое Ухо? Постойте, а вы сами-то кто такой? – насторожился Сиприен Бретеш.

– Мой дядя Эмиль Легри был другом Максанса.

– А-а, ну да, об этом Эмиле Макс мог говорить без конца. А раз уж вы член его семьи, вот вам моя рука. Я расскажу вам то, о чем никогда не узнает полиция. В тот вечер Макс ушел из дома не один, я не видел его спутника, но слышал, там был кто-то еще.

– Мужчина или женщина?

Сиприен Бретеш только молча надул щеки, что, должно быть, означало, что Виктор требует слишком многого.

– Ладно. Но вы не ответили на мой вопрос. Откуда это прозвище, Макс Большое Ухо?

– Во-первых, Макс обожал Аврелия и вечно цитировал его, а во-вторых – всегда прикидывался, что глуховат⁶¹, если ему не хотелось иметь дело с каким-нибудь занудой.

Сиприен Бретеш порылся в сундуке и вытащил оттуда «Размышления» Марка Аврелия.

– Эта книга принадлежала ему? – спросил Виктор.

– Я успел стянуть ее вчера из его комнаты, пока там не начали делать уборку, и еще взял гравюру – на ней тот тип, что написал книгу. Оттуда выкинули все, кроме мебели, и уже вселился новый жилец, мне его рожа не нравится. А у вас книжная лавка? Вам не нужны журналы? Я подобрал целую пачку на улице Жергови.

– Вы очень любезны, но я продаю только книги.

– Дайте-ка ваш адресок, вдруг мне попадется что-нибудь стоящее. Я бы вам сбавил и этот талмуд, но хочу оставить на память о товарище. Макс Большое Ухо был добрейшей души человек!

Виктор дал старику свою визитную карточку и, поблагодарив, ушел.

Он доехал до авеню д'Орлеан, затем, немного поразмыслив, свернул на авеню дю Мэн, боясь заплутать в районе бульвара Распай, пребывавшего в состоянии вечной стройки. Потом срезал путь по улице Гэте, где уличные торговцы предлагали по сниженной цене контрамарки в кабаре и в театр «Монпарнас», а перед трактирами, украшенными гербами Ренна и Сен-Мало, бретонцы в национальных костюмах продавали столичным кумушкам блины и свой фирменный крем-брюле с черносливом.

Наконец он добрался до дома номер 5 по улице Депар. Спрятав свой велосипед в кладовке, Виктор поднялся по лестнице и позвонил в дверь с табличкой «Вандель-Перошон». Ему открыла импозантная дама с пепельными волосами, в платье из изумрудной тафты, выгодно подчеркивающим грудь и бедра. Упоминание о родстве с Эмилем Легри снова произвело нужный эффект, и хозяйка без малейшего колебания пригласила Виктора в дом. Но, сидя в вольтеровском кресле с фиолетовой обивкой посреди комнаты, вызвавшей в его памяти воспоминания об отце, который обожал лиловые тона, Виктор скоро пожалел о том, что упомянул про дядю, так как это вызвало нескончаемый поток причитаний, которые он тщетно пытался остановить.

– Я совсем одна, понимаете, одна! Как же несправедлива жизнь, я не заслужила такой жестокой судьбы, мой муж умер, брат тоже, сын уехал в Лион работать у какого-то архитек-

⁶¹ Игра слов: по-французски Oreille («ухо») созвучно с именем философа, *Aurèle*. – Прим. перев.

тора и не прислал оттуда еще ни одного письма. Служанка? Лентяйка и воровка! Стащила мои английские тарелки и выключила неделю отпуска под предлогом, что ее мать сломала руку! Да, ваш дядя был славный человек, должностью заместителя начальника вокзала мой брат обязан ему. Но при мысли о том, в каком состоянии вернула мне его в августе эта пиратская шайка, на собрания которой Донатьен постоянно ездил, – несчастный случай, как они утверждали, – во мне закипает гнев, и я...

– Вы говорите об ассоциации «Подранки»? – наконец смог вставить слово Виктор.

– Именно! Когда Донатьена привезли с их последнего собрания, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И после этого ни один из этих жалких субъектов не соблаговолил присутствовать на похоронах! Правда, у меня был адрес только Гюго Мальпера, у которого они как раз и собирались – в бумагах брата мне не удалось разыскать адреса остальных, – но он-то мог известить их! Никто не интересовался здоровьем Донатьена. За два месяца ни одного визита. Ничтожные людишки!

– Не могли бы вы рассказать поподробнее о том, что случилось в августе?

– Подробнее? Они привезли брата сюда и несли какую-то чушь про то, что в лесу Монморанси произошел несчастный случай, в результате которого с Донатьеном все это и произошло. Он лежал тут парализованный, пока из-за крушения поезда ему на голову не обвалился кусок штукатурки. Это его и доконало... Вот вам подробности!

– Скажите, а кто именно доставил его домой из леса Монморанси?

– Гюго Мальпер, этот неотесанный мужлан, два грубияна, которые даже не представились, и с ними еще была женщина, она вела себя приличнее, ее звали Сюзанна Тайи или Фюте... нет, Боске. Кажется, мой брат питал к ней симпатию... Она – дама полусвета, вульгарная особа, такие нравятся мужчинам, ну, вы меня понимаете. Весной Донатьен рассказывал моему сыну Эрику – он очень любил его...

Рыдания прервали ее рассказ. Виктор терпеливо ждал, пока она успокоится, потом не выдержал:

– Итак, месье Вандель рассказал вашему сыну...

Бернадетта шумно всхлипнула.

– ...Что у этой Сюзанны всегда были влиятельные покровители. Последний из них, Амори де Шамплё-Марей, унаследовал кругленькую сумму после смерти отца-сахарозаводчика. Сюзанна потребовала, чтобы любовник построил ей особнячок где-то у площади Звезды. Так вот, Донатьен шутил: «Сюзанна всегда любила сахар, но на этот раз она переборщила!»

– Вы знаете ее новый адрес?

– Нет, только Гюго Мальпера: Домон, замок дю Буа-Жоли.

Бернадетта повысила голос.

– Мой брат вечно приезжал оттуда весь в собачьей шерсти, потому что этот Мальпер коллекционирует собак, как сам Донатьен – миниатюрные модели железных дорог. Брат собрал их целую сотню, точные копии. Это настоящее сокровище, я храню их в банковском сейфе, уверена, они стоят целое состояние! Эти модели поставляли ему – кстати, они тоже состояли в ассоциации «Подранки» – супруги Дюкудуар... нет, Дюкудре, я их как-то видела мельком, женщина болтала о всяких пустяках, пока брат расплачивался с мужчиной. Наверняка, они тоже жулики, как и остальные.

– А чем они занимаются?

– Торгуют игрушками... Ох, как же мне одиноко... Не желаете ли со мной поужинать, дорогой месье? Я приготовила телячью голову под соусом...

Виктору едва удалось вырваться от Бернадетты Перошон. Уже проехав весь бульвар Монпарнас, он пожалел, что не попросил у нее разрешения посмотреть бумаги Донатьена

Ванделя, – в них, возможно, были какие-то сведения о его друзьях. Приходилось довольствоваться тем, что рассказала его чудаковатая сестра.

Размышляя обо всем этом, Виктор не замечал ничего вокруг. И вдруг – сильный удар, лязг железа, резкая боль в правой руке, зажатой между рычагом тормоза и рулем. Очнувшись, Виктор понял, что врезался в медицинский трамвай. Санитар предложил ему помощь, но он отказался, предварительно удостоверившись, что все пальцы целы, и обвязал опухшую руку платком. У велосипеда пострадало переднее колесо, в голове у Виктора звенело. Ему пришлось возвращаться на улицу Фонтен пешком, толкая перед собой многострадальный велосипед и кляня себя за рассеянность. Сейчас Виктору было не до того, чтобы встречаться с Жозефом. Он решил пригласить помощника в кафе «Потерянное время» завтра утром. Они выпьют кофе перед открытием книжной лавки и обменяются добытыми сведениями.

Сейчас Виктору хотелось только одного – чтобы Таша была дома.

Сидя по-турецки под «Клятвой Горациев», Эрик Перошон массировал себе пальцы ног. Что только ни сделаешь, чтобы раздобыть нужные сведения, не вызывая подозрений! Сегодня, к примеру, он был вынужден целый день танцевать лансье⁶², мазурку и шотландский танец в паре с неприятной тощей особой, которая до одури набрызгалась духами с запахом пачули. Это было тяжелое испытание!

Последний лучик света упал на украденную у матери тарелку с золотой каемкой. Он захохотал. Если бы она только видела его в компании этой... как ее имя... ах да, Зоя, невестка мадам Сорбье, аккомпаниаторши, которая стучала по клавишам, не жалея сил!.. Эрик не жалел для Зои улыбок и комплиментов относительно того, как грациозно она показывает ему фигуры танцев. Кружась с ним по устланному ковром паркету, она поведала историю своей жизни: пансионат в Версале, свадьба со старшим сыном Сорбье, несбывшиеся мечты, не оправдавшиеся надежды... Увы, в 1888 году ее свекор умер, оставив их в полной нищете, и Жану пришлось продолжить дело отца, которого называли Полька Пикет.

Когда пришло время оплачивать эти четыре незабываемых часа, Эрик выразил мадам Сорбье свое почтение и королевским жестом протянул две купюры по сто франков, заявив, что его отец задолжал покойному Эрнесту, и теперь он возвращает долг с процентами. Вдова остолбенела, молча глядя на него, а потом вскричала срывающимся голосом:

– Да что же такое происходит?! Вы – уже третий, кому ни с того ни с сего понадобился мой бедный Эрнест! Почему вдруг все стали им интересоваться? Сначала это приглашение в пассаж д'Анфер. Я туда поехала, но никакого месье Грандена там не нашла! Вчера меня посетил племянник месье Легри, теперь вы! Право слово, все будто помешались! Кто ваш отец?

Эрик молча, с достоинством поклонился и поспешил удалиться. Он узнал то, что хотел. Во-первых, Эрнест Сорбье отправился в мир иной, во-вторых, какой-то племянник Эмиля Легри тоже интересуется этим делом. Эрик чувствовал, что запахло жареным, и решил, что осторожность ему не повредит. Никто не должен знать о том, что месье Гранден живет в этой квартире.

Убедившись, что на лестнице никого нет, Эрик снял табличку с двери, выходявшей на лестничную площадку. Затем прошел на кухню, налил в тазик воду из чайника, сел на табурет и, закатав брюки выше колен, с наслаждением опустил натруженные ноги в теплую воду. Переехать на улицу Верней? Нет, только не сегодня, он слишком устал. Он перекусит в молочной лавке мамы Табар, а потом вернется сюда на ночлег. А завтра переберется к Коре – поживет там, пока все не уляжется. Эрик уговаривал себя, что все предусмотрел и

⁶² Лансье – английский бальный танец, напоминающий кадрили. – Прим. перев.

поводов для беспокойства нет – ведь аренду квартиры в пассаже д'Анфер он оформил на вымышленное имя.

Глава двенадцатая

Пятница, 22 ноября

Было восемь часов утра. Небо затянуло, моросил дождь. Симеон Дельма открыл ставни книжной лавки, взял швабру, протер влажной тряпкой полы, а затем расставил стулья вокруг круглого стола у камина. Это была идея месье Мори – он стремился создать в лавке уютную атмосферу библиотеки. На верхней ступени винтовой лестницы показался заспанный Жозеф.

– Доброе утро, месье Пиньо, хорошо спали? – поприветствовал его Симеон Дельма.

– Я бы так не сказал. Скажите, ну, почему мы рождаемся беззубыми? Этой ночью я вставал к малышке Дафнэ три раза. А вот вы, месье Дельма, судя по всему, бодры и полны сил.

– Я всегда так боюсь опоздать, что приезжаю раньше времени. О, кто-то идет!

Снаружи у витрины стоял гостиничный лакей и подавал какие-то знаки. Симеон открыл ему дверь.

– У меня пакет для месье Мори. Надо, чтобы он расписался.

– Давайте мне, – сказал Жозеф.

– Разве вы – месье Мори? Мне сказали, он японец.

– Я его зять.

– Сожалею, месье. Мне велено отдать пакет адресату лично в руки.

– Симеон, будьте добры, позовите патрона, я не в силах, – простонал Жозеф, облокотившись на стойку.

Кэндзи зашнуровывал ботинки, когда в дверь его квартиры постучал Симеон Дельма. Он рассыпался в извинениях по поводу своего вторжения и попросил хозяина спуститься.

Расписавшись в получении и дав посыльному на чай, Кэндзи уселся за письменный стол, под любопытным взглядом зятя вскрыл пакет и, залившись краской, поспешно спустился в подвал.

– Да что это с ним такое?! – вскричал Жозеф. – У меня назначена встреча, мне надо уходить.

Кэндзи пересек хранилище, где возвышались горы книг, и прошел в бывшую лабораторию Виктора, где Жозеф теперь держал личные бумаги и энциклопедии. Укрывшись в этой маленькой комнатке, Кэндзи при свете газовой лампы рассмотрел содержимое пакета: там оказался надушенный конверт и фотоальбом, где Фифи Ба-Рен, под сценическим псевдонимом Фьяметта, представала во всей красе. Возбуждение охватило Кэндзи при виде этой роскошной женщины в легком неглиже. Он вспомнил про Джину и устыдился: нет, он должен хранить верность любимой. Кэндзи отложил альбом и поднял взгляд на старые пожелтевшие фотографии на стене: мадам Пиньо тянет руки к пухлому младенцу... А вот и сам Кэндзи, беседует с букинистом с набережной Малакэ... На другом снимке была изображена незнакомка в ратиновом пальто, пересекавшая Реннскую улицу...

Кэндзи решил распечатать конверт.

Мой дорогой микадо,

Ты – дрянной мальчишка, а ведь когда-то ты называл меня «моя кошечка». Неужели ты забыл свою подругу? С самой премьеры я напрасно ожидала, что ты придешь в театр. Почему ты избегаешь меня? Чем я

провинилась? Приходи. Шлю тебе контрамарку. И не откладывай, спектакль идет только до начала декабря.

Эдокси,
а для своих Фифи Ба-Рен.

Кэндзи перечитал письмо еще раз, задумался на несколько секунд, а потом разорвал послание в мелкие клочки. Но контрамарку не тронул, напротив, сунул в карман. А альбом? Неужели его тоже придется уничтожить? Кэндзи схватил экземпляр «Фигаро», намереваясь завернуть в газету альбом с фотографиями бывшей любовницы. Он машинально пробежал глазами страницу – и увидел два имени, подчеркнутые карандашом. Кэндзи поднес газету к свету и прочитал:

Отопление фиакров становится смертельно опасным. Двое мужчин – Деода Брикбек, служащий парижской обсерватории, и Максанс Вине, рабочий-литейщик, проживающий в заведении Тисран на улице Алезья...

На полях была пометка: «*Проверить*». Кэндзи без труда узнал почерк Виктора с характерной крышечкой над буквой «П». Так. Похоже, внимание Виктора снова привлекло необычное происшествие!

– Когда это случилось? – пробормотал Кэндзи, проверяя дату на газете. – 18 ноября, не так давно. Час от часу не легче. Интересно, Жозеф снова с ним заодно? Значит, оба моих компаньона играют в детективов. Неудивительно, что им не до торговли! Ну, ничего, я наведу здесь порядок!

Спрятав компрометирующий подарок Эдокси под стопкой журналов, Кэндзи поднялся наверх и стал перебирать карточки своего каталога. Но сосредоточиться ему не удавалось – поведение компаньонов возмущало Кэндзи. Он уже жалел, что обнаружил эту проклятую газету.

«Если они снова взялись за свое, прощай покой! Работать мне, очевидно, придется одному! Они просто издеваются надо мной!»

В глубине души Кэндзи прекрасно сознавал, что злится не столько на Жозефа и Виктора, сколько на себя самого – из-за Эдокси Аллар.

«Нет, я не пойду в театр, – подумал он. – И избавлюсь от контрамарки».

Он должен обуздать свои страсти, держать себя в руках.

– Простите, месье, вы хорошо себя чувствуете? – обратился к нему Симеон Дельма.

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Вы покраснели, похоже, у вас жар.

– Нет, со мной все в порядке, просто тут слишком натоплено, – спокойно ответил Кэндзи. – А где Жозеф?

– Уехал.

– Куда?

– Не знаю, месье Мори, он очень торопился. Сказал, что вернется через час. Простите, могу ли я задать вам вопрос?

– Разумеется.

– Как давно существует ваша книжная лавка?

– Ее открыл за четыре года до моего рождения, в 1835 году, месье Эмиль Легри, дядя Виктора.

– А вы действительно родились в Японии?

– Да, в Нагасаки.

– Как бы мне хотелось туда попасть! Япония такая экзотическая страна!

– О, все изменилось, теперь это современная страна.

– Вы давно там бывали?

– Вот уже тридцать семь лет, как я уехал из Японии. В 1878 году мы с месье Виктором занялись книготорговлей. Судьба вертит нами, как ей вздумается... Вы верите в судьбу, Симеон?

– О нет, месье, я верю в свободную волю и считаю, что каждый несет ответственность за свои поступки.

– Вы меня заинтриговали, Симеон. Вот уже три недели, как вы работаете у нас, и я не перестаю удивляться, почему такой умный и образованный человек, как вы, не нашел себе более завидную должность.

– Здесь, среди книг, я в своей стихии. К тому же график удобный – вторая половина дня в полном моем распоряжении, и у меня есть возможность расти, развиваться. Я надеюсь, что когда-нибудь смогу заниматься тем же, чем и вы... Скажите, месье, а правда, что месье Виктор иногда расследует преступления?

– За ним такое водится. Но я не хотел бы продолжать эту тему.

Жозеф устало опустился на скамью в «Потерянном времени», выбрав ту, что поближе к печи, и заказал маленькую чашечку черного кофе и один круассан. Хозяйка заведения, приветливая немолодая женщина, в этот ранний час расставляла на стойке стаканы, готовясь угостить сухим белым вином матросов, грузчиков и других работяг.

Вскоре появился Виктор – с заспанным лицом и взъерошенными волосами. Жозеф встретил шурина угрюмым молчанием. Но потом заметил, что рука у Виктора забинтована, и не удержался от вопроса:

– Что случилось?

– Упал с велосипеда вчера вечером, ничего страшного. Велосипед пострадал больше, чем я. Мне, пожалуйста, то же самое, – сказал Виктор хозяйке, которая принесла заказ Жозефа.

– Что ж, тогда перейдем к делу. Скажите, зачем вы вытащили меня сюда в такую рань? Я с трудом соображаю, дочка плакала всю ночь... Вчера я побеседовал с коллегой Деода Брикбека, с его консьержкой и соседями. Тут есть от чего свихнуться, скажу я вам! Такое впечатление, что психов на свободе больше, чем в специальных учреждениях! Вот что я выяснил: прежде чем отдать концы в фиакре, Деода получил два письма, одно на работе, другое дома. Так что, думаю, вы не ошиблись: это было преднамеренное убийство. Честное слово, вы чуете преступления, как утечку газа!

– Это все?

– А вам мало? – возмутился Жозеф. – Хотя да, я забыл рассказать еще кое-что: каждое лето Деода Брикбек ездил на собрания куда-то в пригород Парижа. И, возможно, его квартиру обокрали – после того как он умер.

Виктор чиркнул спичкой и закурил сигарету.

– Ваш рассказ подтверждает то, что я узнал от Бернадетты Перошон, сестры Донатьена Ванделя. Собрания проходили в Домоне, в замке некоего Гюго Мальпера, и там присутствовали все, кому помогал мой дядя Эмиль, в том числе какая-то содержанка, как выразилась о ней мадам Перошон, Сюзанна Боске. А приятель Максанса Вине, которого я навестил в заведении Тисран, сообщил, что в вечер убийства его сосед покинул дом в сопровождении неизвестного лица.

– Таким образом, у нас намечаются три следа: кокотка, Дюкудре и все тот же господин из Домона, – подытожил Жозеф.

– Еще нам известно, что один из членов ассоциации «Подранки» служит на ферме, где выращивают шампиньоны.

– Нам еще только шампиньонов не хватало! Давайте поскорее составим план действий, мне скоро надо уйти, я должен успеть к открытию магазина. Я займусь супругами Дюкудре. Их магазин будет несложно найти. Но сегодня нам с вами придется оставаться в книжной лавке, у Кэндзи свидание.

– Мне кажется, в первую очередь необходимо заняться Гюго Мальпером. Все трое погибших были у него этим летом, и именно оттуда Донатьен Вандель вернулся парализованным, – пробурчал Виктор, кладя в блюдце несколько монет.

– Что ж, с удовольствием уступлю его вам. Домон – это ведь у черта на куличках!

Увы, Виктору и Жозефу пришлось забыть на время о своем расследовании. Несмотря на проливные дожди, в книжной лавке на улице Сен-Пер в эти дни было полно покупателей, выбирающих книги в подарок на Рождество.

Зульме Тайру поручили следить за цветной капустой. Овощи варились на медленном огне, и девушка почти справилась с задачей: ущерб был минимальный, только одна разбитая чашка и опрокинутая солонка. Но она никак не могла взять в толк: зачем на столе лежит корка хлеба? Зульма отправила ее в рот, мысленно поблагодарив Эфросинью.

– Вы глупы, как индюшка! Этот ломтик поджаренного хлеба надо было положить в готовое блюдо, а вы его слопали! Что стоите столбом, отрежьте еще кусок и обжарьте! Или думаете, я заставлю вас все выплюнуть?

– Слишком поздно, я уже проглотила, – виновато пробормотала Зульма.

Звонок в дверь прервал их перепалку.

– Откройте! – приказала Эфросинья.

На пороге стоял чопорного вида мужчина, поглаживая рукой подбородок.

– Мадемуазель Зульма, – прошептал он, слегка поклонившись.

– Мсье Андре! Какая...

– Зульма, про стирку вы, я вижу, уже забыли!

Девушка растерянно обернулась.

– Ну что за дура! Вам разве неизвестно, что простыни иногда стирают! А потом сходите, купите мне у месье Шодре русский мозольный пластырь.

Расстроенная Зульма бросила отчаянный взгляд на гостя и, взяв корзину с бельем, вышла на лестничную площадку. Проходя мимо Андре Боньоля, она ненароком задела его плечом, и он в смущении отпрянул.

– Ну, что же вы стоите на сквозняке, заходите, погрейтесь, – обратилась к нему Эфросинья, мило улыбаясь.

Поначалу она была настроена к слуге Виктора и Таша, который казался ей весьма заносчивым, довольно враждебно. Но когда он превратился в робкого воздыхателя Зульмы, молчаливо оказывая девушке знаки внимания, Эфросинья сменила гнев на милость. Более того, она решила, что и сама может составить юной служанке конкуренцию в борьбе за сердце Боньоля. А что такого – она на несколько лет моложе него, а ее пышные формы вполне способны привлечь мужское внимание!

Андре Боньоля отважно принял приглашение. Когда-то он служил метрдотелем и в совершенстве владел искусством выражать чувства, не размыкая губ. Не так давно, в знак уважения к Феликсу Фору, избранному 17 января главой государства, Боньоля сбрил бороду и подстриг свои галльские усы, что сделало его еще импозантнее. Единственное, что раздражало в нем Эфросинью, – это привычка употреблять местоимение «мы».

– Мы принесли послание от мадам Легри ее супругу.

Эфросинья притворилась, что не слышит. Вооружившись деревянной ложкой, она с важным видом помешивала в кастрюле. Андре Боньоля подошел ближе и с любопытством заглянул ей через плечо.

– Крестоцветные укрепляют нашу конституцию, – одобрительно заметил он.

Эфросинья осенила себя крестным знамением⁶³.

– Позвольте поинтересоваться, как вы собираетесь ее готовить?

– Кого? – не поняла мадам Пиньо.

– Вашу цветную капусту. Мы знаем превосходный рецепт. Когда капуста сварилась, мы раскладываем ее на блюде, посыпая мелко натертым сыром, толчеными сухарями и растопленным маслом и ставим в печь. Лимонный сок и немного мускатного ореха придадут блюду особую изюминку.

Эфросинья в изумлении уставилась на него. Это была самая длинная речь из всех, какие он когда-либо произносил в ее присутствии.

– А я знаю, как приготовить испанский артишок под соусом бешамель, – жеманно протянула она.

Андре Боньоля смущенно кашлянул.

– Мы счастливы это слышать, но нам надо выполнить поручение, а потом сходить на рынок.

– В таком случае, ступайте, месье Легри в лавке. А потом зайдите, я плесну вам немного мадеры на дорожку. О! Будьте осторожны, смотрите, куда ступаете, эта ветреница Зульма рассыпала соль...

«Я буду ждать тебя в доме номер 33 на улице Фезандри», – повторял про себя Виктор, не выпуская из рук «Письма мессира Роже де Рабютена, графа де Бюсси⁶⁴», изданные в Амстердаме в 1752 году, которые он собирался всучить одному из покупателей, любителю старинных переплетов. Таша так спешила вернуться в дом этого дворянчика, что даже не нашла времени зайти в книжную лавку. Получив из рук Анри Боньоля ее записку, Виктор помрачнел. Таша могла бы воспользоваться телефоном, но предпочла написать ему. Почему?

Покупка состоялась, клиент ожидал, пока ему упакууют книги. В лавку спустился Кэндзи, благоухая лавандой, и окинул хозяйским взором свои владения.

Да уж, немало воды утекло с тех пор, как в 1877 году семнадцатилетний Виктор унаследовал от своего дядюшки Эмиля Легри этот магазин! Дафнэ была тогда еще жива и здорова, и Кэндзи был с ней счастлив. После ее кончины он не в силах был оставаться на Слоан-сквер и принял решение полностью сменить обстановку, уехать, посвятив себя новому делу. Ему пришлось использовать всю силу убеждения, на какую он был способен, дабы уговорить Виктора покинуть Лондон и обосноваться во Франции. Чтобы превратить скромную книжную лавку дяди Эмиля в популярный парижский магазин, понадобилось пять лет поездок из Парижа в Лондон и обратно: надо было составить ассортимент, упорядочить каталоги, ликвидировать товар в книжной лавке на Слоан-сквер, взять кредит в банке, обустроиться на улице Сен-Пер...

Если бы коммерцией занимался только Виктор, подумал Кэндзи, вряд ли бы из этого что-то получилось. Наверное, они все же приняли правильное решение, когда сделали своим компаньоном Жозефа. Он показал себя энергичным и преданным делу, за исключением разве что периодов, когда с головой уходил в сочинение очередного романа. А Симеон Дельма стал для них настоящей находкой: он умел ловко и быстро упаковывать книги, а кроме того, нередко подавал отличные идеи, к примеру, когда предложил поместить в центре одной из двух витрин издания Жюль Верна, Александра Дюма-отца, Поля д'Ивуа или Альфреда Ассолана⁶⁵ в разноцветных обложках и с золотым обрезами. Многие родители в период рожде-

---

⁶³ Слово *crucifères* имеет во французском языке два значения: крестоносцы и крестоцветные. – *Прим. перев.*

⁶⁴ *Бюсси Роже де Рабютен* (1618–1693) – французский военачальник и писатель. – *Прим. перев.*

⁶⁵ *Альфред Ассолан* (1827–1886) – французский романист, автор в числе прочего романа «Приключения капитана Кор-

ственных праздников не могли устоять перед искушением приобрести своим юным отпрыскам книгу популярного писателя.

Кэндзи проверил карманы: портмоне на месте, шелковый носовой платок тоже, хронометр на цепочке приколот булавкой к петлице жилета. Эффектный галстук, завязанный большим бантом, украшал его шею, стрелка на брюках была безупречно ровной, в одной руке он держал перчатки, а в другой трость, увенчанную набалдашником в виде лошадиной головы, на голове красовался цилиндр, а пальто сидело точно по фигуре. Кэндзи спрятав в специальный футляр монокль, модную вещицу, которую взял с собой вместо очков. Он условился отобедать в «Прюнье» с Гастоном Пари⁶⁶ из Французской академии и еще с несколькими эрудитами из Общества книготорговцев, которые иногда приобретали у него редкие издания.

Когда Кэндзи предстал перед компаньонами, они дружно восхитились его элегантным видом и в душе позавидовали тому, что у него есть предлог сбежать с поля боя.

– У вас в карманах звенит, как у уличного торговца. Что вы там носите? – не выдержал Виктор.

Не удостоив его ответа, Кэндзи похвалил Симеона Дельма за идею с обновлением витрины, и тот покраснел от гордости.

Дафнэ спала, и Айрис воспользовалась этим, чтобы записать несколько фраз, пришедших ей на ум, пока она укачивала малышку. Ледибед, божья коровка без пятнышек, предпочла изгнание молчаливому презрению, которым окружили ее собратья насекомые. Пролетев над множеством лугов и полей, она достигла, наконец, волшебной страны, где все было молочно-белым, а других цветов не было вовсе. Божья коровка без сил опустилась на большой камень и заснула. Каково же было ее удивление, когда, проснувшись, она обнаружила, что ее окружила толпа разнообразных букашек, которые хором воскликнули, что никогда не видели таких ярко-красных крыльев, как у нее, и тут же провозгласили Ледибед королевой.

– Дорогая, к столу! Маман приготовила нам филе лиманды⁶⁷ с цветной капустой!

Айрис спрятала под матрас заветную тетрадь со сказками, иллюстрации к которым рисовала Таша, и присоединилась к мужу. Они редко обедали вдвоем, но сегодня Эфросинья ушла к мадам Баллю, к которой заглянул кузен Альфонс со своими друзьями, чтобы сразиться в «желтого гнома». Виктор отказался от обеда, сказав, что ему надо отдать в починку велосипед, поэтому он перекусит дома на скорую руку и к двум часам вернется. Зульма, разделившись со стиркой и сбежав к аптекарю, получила поручение зайти к доктору Рено и пригласить его осмотреть Дафнэ после обеда. Когда служанка вернулась, у нее был такой измученный вид, что Айрис отпустила ее домой.

Ради того, чтобы побыть наедине с мужем, Айрис готова была оставить на время свою божью коровку.

– Помнишь наши первые свидания? Ты никак не решался открыться... – с улыбкой сказала она.

– Решила погрузиться в воспоминания? Можно подумать, что мы – пожилая пара!

– А что? Лет через двадцать у нас будет уже куча внуков!

– Не торопи события! Пока что мы – счастливые родители одной-единственной крикуни.

Жозеф наполнил тарелку жены и коснулся губами ее волос. Потом уселся за стол и начал без аппетита ковырять вилкой в тарелке.

корана» – Прим. авт.

⁶⁶ Гастон Пари – филолог-романист, один из крупнейших фольклористов XIX – начала XX века. – Прим. перев.

⁶⁷ Лиманда – рыба семейства камбаловых; то же, что ершоватка. – Прим. перев.

– Терпеть не могу рыбу... Скажи, а ты не знаешь, где можно купить миниатюрную железную дорогу?

– Хочешь подарить ее Дафнэ на Рождество?

– Нет, я... Мне это нужно для романа, идею которого подсказал Симеон Дельма.

– Призрак Алибо интересуется паровозами?

– Я немного изменил сюжет. Один коллекционер миниатюрных железных дорог, проживающий на улице Висконти, нашел у старьевщика игрушечный паровоз, исторгающий настоящий дым. Однажды вечером огромное страшное облако поднялось над ним и превратилось в отвратительное злобное привидение...

Жозеф промокнул лоб салфеткой.

– Как такое могло прийти тебе в голову?

– Секрет... В этом и заключается мастерство писателя.

– Вернемся к Рождеству: я думаю подарить Дафнэ первую куклу, сейчас в продаже появились говорящие, они кричат «папа» и «мама».

– Отличная мысль, дорогая. И где же нам такую раздобыть?

– В «Лувре».

– Не лучше ли обратиться к частным торговцам, ну, не знаю, к Дюкудре, например?

– А кто это? – спросила Айрис в замешательстве.

– Известные коммерсанты, мадам де Салиньяк за них ручается.

– Где же находится их магазин?

– В том-то и дело, что я забыл. Думал, ты знаешь... Название улицы так и вертится у меня на языке...

– А еще у тебя рыба на подбородке. Я не пойму, ты что-то имеешь против «Лувра»?

– Доверься мне, магазин Дюкудре – это то, что нам нужно. И я придумал, как их разыскать! Нам поможет телефон.

Не успела Айрис сказать и слова, как Жозеф, чмокнув ее на ходу, помчался на первый этаж. Он покрутил ручку телефона и поднес трубку к уху, надеясь услышать на другом конце провода приятный голос, который помог бы решить его проблему. Агрессивный выкрик «алло» чуть не оглушил его.

– Мадемуазель, будьте так любезны! Скажите, можно узнать у вас адрес магазина игрушек?

– Я вам не справочное бюро!

– Ну, пожалуйста, помогите мне! Дело в том, что я собирался закупить крупную партию подарков для сирот. Разве можно оставить ребятишек без рождественских подарков!... Будьте добры, я ведь не прошу невозможного!

– Хорошо, диктуйте имя по буквам.

– Дюкудре. «Д» как Деода, «Ю» как Юрбен, «К» как...

– Есть «Синий карлик», бульвар Капуцинов, 27, «Детский магазин» «Пассаж д'Опера», «Детский рай», улица Риволи, 156. Дюкудре я не вижу... Ах, нет, стойте, нашла, «Лошадка-качалка», бульвар Бомарше, 13.

– Мадемуазель, вы спасли мне жизнь!

Сухой щелчок означал, что на другом конце провода положили трубку. Жозеф ликовал. Сам Шерлок Холмс был бы им доволен.

Эварист Вуазен остановился, чтобы дать отдых затекшей под тяжестью лейки руке. С раннего утра он чистил теплицы, где в удобренной навозом почве выращивали шампиньоны. В прошлом месяце там высадили мицелий. Споровые любили тепло и влажность, поэтому почву поверх навоза посыпали песком, выравнивая его лопатами. В течение месяца грядки регулярно поливали и выпалывали сорняки. Наконец наступил этап, который Эва-

рист любил больше всего – на ровных грядках начали появляться сероватые шарики, которые будут расти до тех пор, пока не придет время их собирать.

В животе у Эвариста забурчало. Он надел куртку, попрощался с коллегами, которые оставались перекусить прямо на рабочем месте, и двинулся к проходу между каменных стен, где время от времени попадались кучи песка. Укрывшись за одной из них, он присел на корточки и нащупал рукой припрятанную литровую бутылку красного вина. Эварист не подозревал, что всем давно известна его слабость. Хлебнув вина и слегка пошатываясь, Эварист прошел по проходу, поднялся по ступенькам и через старый вентиляционный люк, который когда-то использовали для проветривания карьера, где теперь были устроены теплицы с шампиньонами, выбрался наружу.

Свое название городок Карьер-Сен-Дени⁶⁸ получил благодаря тому, что в его окрестностях добывали известняк, гипс и мел, которые использовали при строительстве Парижа. Эварист был местным уроженцем и хотел бы здесь и умереть. Он не жаловался на судьбу, и если бы в свое время не имел неосторожность жениться на сестре своего лучшего друга, был бы вполне счастлив. Эварист не понимал, как прелестная юная Аспазия могла превратиться с годами в сварливую Ксантиппу. У них родилось четверо детей, все как один похожие на мать: лживые и жестокие. Чтобы ужиться со своим семейством, Эваристу приходилось черпать силы в вине.

Он быстро добрался до своего дома, который построил около двадцати лет назад с помощью Эмиля Легри, ссудившего ему кругленькую сумму без процентов. Теперь фасад уже потрескался, угрожая со дня на день обвалиться, а порывами ветра с крыши сдуло почти всю черепицу, и в непогоду она протекала.

Эварист вошел в кухню, где изможденная, преждевременно поседевшая женщина накладывала еду в тарелки, которые ей протянули мальчик и девочка. Два старших сына, один ученик парикмахера, другой – ювелира, обедали на своих рабочих местах.

– Поздновато же ты явился! Да еще и выпивши! – набросилась на мужа мадам Вуазен.

Эварист молча работал ложкой. В картошке не хватало соли и масла, ну, да что ж поделаешь, сойдет и так.

– А ты что же не сядешь? – спросил он жену, которая стояла у плиты и с мрачным видом рассматривала его.

– Вот уже неделю мы вынуждены питаться одной картошкой! С твоей нищенской зарплатой ни сосисочки не можем себе позволить, ни кусочка паштета! Я знаю, куда уходят твои деньги! Какие-то две курицы прислали тебе письмо, держу пари, это потаскухи!

Она развернула скомканный листок бумаги и насмешливо прочитала:

Эварист!

Мы все приглашены на пирушку по случаю освобождения Виржиля из заточения. Заедем за тобой на фиакре. Будь у твоего любимого бистро в эту пятницу в 7 часов вечера. Остальные присоединятся к нам по дороге.

Сюзанна и Ида.

– Зачем ты вскрыла письмо? Оно адресовано мне! Дай его сюда! – возмутился Эварист.

– Значит, твое любимое бистро? Небось, заведение толстяка Луи? Хороший же ты пример подаешь своим детям!

И она кивнула на хохочущих малышей.

– Ты отдашь мне письмо? – повторил Эварист.

---

⁶⁸ Современное название Карьер-сюр-Сен. – Прим. авт.

– Хватит и того, что ты раз в год посещаешь эти сборища в память о своем благодетеле! А вот это, – женщина гневно потрясла листком бумаги перед носом мужа, – уже переходит все границы! Даже и не думай, я не позволю тебе встречаться с потаскухами у твоего любимого Луи! Смотри, что я сделаю с этим письмом!

Она сняла с плиты одну из чугунных конфорок и бросила листок в огонь, прежде чем Эварист успел ей помешать. Он в ярости замахнулся на жену. Аспази с вызовом посмотрела на него, и в ее глазах горела такая ненависть, что он отвернулся и уселся за стол, опустив голову.

– Если хочешь знать, было и второе письмо! Нотариус или кто-то там хотел с тобой встретиться. Его я тоже сожгла!

Эварист вскочил и выбежал вон, чтобы укрыться в домике, служившем уборной. За спиной у него раздавались возмущенные крики:

– Нет, вы только подумайте, два письма за один день! Будто он министр какой-нибудь! Почтальон, должно быть, дар речи потерял от изумления! Попробуй только удрать на свою гулянку!

Эварист поспешил вернуться на работу. Он не знал, что Аспази нашла в кармане его рубашки еще одно письмо из нотариальной конторы, которое не стала ни сжигать, ни выбрасывать, – всем известно, что уведомление от нотариуса пахнет деньгами. Ей было невдомек, что маленькие проказники стянули письмо, и конверт был пуст.

– Проклятая баба! Наступит день, когда я не выдержу и засвечу ей промеж глаз! Денег ей мало! Между прочим, это я приношу их в дом, а ей ни разу и в голову не пришло поблагодарить меня за это! Нет уж, я пойду к Луи к назначенному часу!

– Разговариваешь сам с собой? – спросил один из его коллег.

– Представляешь, жена не пускает меня отпраздновать сегодня вечером выздоровление моего приятеля Виржиля!

– Ты прав, этих баб не грех проучить! На твоём месте я бы прикинулся больным и попросил папашу Бертрана отпустить тебя пораньше – на тот случай, если твоя половина вздумает поджидать тебя у выхода.

Эварист поблагодарил за совет и направился к начальнику.

Глава тринадцатая

Вечер того же дня

Ламартин⁶⁹ точно подметил, что у вещей есть душа и, если можно так выразиться, склонность исчезать в самые неподходящие моменты. Это справедливое высказывание вполне подходило к кружевным перчаткам, которыми Таша хотела дополнить свой наряд, платье из серо-голубого шелка.

– Может, они завалились за комод? – предположила она, обращаясь к Кошке, которая терлась об ее ноги.

Таша знала за собой этот недостаток – она никогда не клала вещи на место, в отличие от Виктора, у которого была маниакальная страсть к порядку. В ее спальне царил настоящий хаос – нижние юбки, шали, непарные чулки, открытые флаконы духов... Прошло немало времени, прежде чем Таша отыскала злополучные перчатки. Она уже собиралась уходить, когда обратила внимание на Кошку, которая гоняла лапой по полу комок мятой бумаги. Таша подняла его, развернула и сразу же узнала почерк мужа.

Жюльен Сорбье, авеню Домесниль, 26. Танцы. Интересно. Следует заняться.

Лишившись игрушки, Кошка требовательно мяукнула. Таша глубоко задумалась. У Виктора появилась другая женщина? Нет не может быть! Она приняла решение не раздумывая. Сэр Реджинальд ждет, но ничего не поделаешь, она должна во всем разобраться. Таша надела свою любимую шляпку, украшенную цветами, и, перекинув плащ через локоть, вышла из дома.

Она взяла фиакр, и вскоре он остановился перед зажиточным домом. Табличка на двери гласила, что здесь обучают танцевать. Таша позвонила, и через несколько минут старая служанка в белом чепце и переднике проводила ее в маленькую гостиную. За стеной на фортепьяно играли мазурку, слышался громкий топот множества ног. Служанка, по-видимому, не решалась прервать занятие, и прошло немало времени, прежде чем звуки фортепьяно стихли.

Шум шагов, скрипнула дверь, и Таша услышала за спиной:

– Чем могу служить, мадам?

Она обернулась, ожидая увидеть воздушное создание, но перед ней стояла немолодая, очень высокая дама.

– Мадам Жюльен Сорбье?

– Она самая.

– Я супруга месье Легри, не знаю, успел ли он связаться с вами...

– Месье Легри? Ваш муж желает брать уроки? Какие именно танцы вы хотели бы изучать? Мне надо свериться с расписанием, – любезно произнесла мадам Сорбье.

– Нет, дело не в этом... Виктор Легри – владелец книжного магазина. Он недавно приходил к вам, по крайней мере, мне так кажется.

– Ах, да, я вспомнила этого господина! Но что всем надо от моего Эрнеста? Вы уже третья, кто им интересуется: сначала ваш супруг, потом этот блондин, должна признаться, очень приятный молодой человек...

---

⁶⁹ Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790–869) – французский поэт-романтик, историк, политический деятель. – Прим. перев.

– Простите! Вы сказали, блондин?

– Вы что, пишете покойнику ради развлечения? Странное у вас чувство юмора, ничего не скажешь!

– Но, мадам, я не понимаю, о чем вы говорите...

– Я получила адресованное Эрнесту письмо от какого-то нотариуса. Ну, и вскрыла его. Он приглашал Эрнеста явиться в пассаж д'Анфер. Адрес просто демонический! Я пошла туда, но никакого Грандена там не обнаружила. Это просто возмутительно! Мадам, я рассказала месье Легри обо всем, что касается разрыва отношений между Эмилем Легри и моим Эрнестом. Прошу вас, не докучайте мне!

И она вышла.

Таша была не на шутку озадачена. Она вспомнила, как недавно застала мужа за разглядыванием какого-то рисунка, который он, судя по всему, извлек из рамки, причем разглядывал он не сам рисунок, а его обратную сторону. Это связано с его дядей Эмилем? Виктор наткнулся на какую-то тайну двадцатилетней давности? Таша поняла, что муж ввязался в очередную авантюру. А тот блондин, о котором упомянула мадам Сорбье, наверняка Жозеф.

Значит, Виктор опять, уже в который раз, соврал ей! Ну уж нет, она больше не даст себя одурачить!

Таша настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила какого-то субъекта, который шел за ней по пятам, пытаясь привлечь ее внимание. Она ускорила шаг и, пройдя чуть вперед, остановила экипаж.

Эварист Вуазен нетерпеливо толкнул дверь, ведущую в его любимый трактир. Луи, хозяин заведения, грузный мужчина с маленькими, глубоко посаженными глазками и лицом, покрытым красными пятнами, вышел ему навстречу, что было необычно – в его заведении завсегдатаи сами подходили к стойке, чтобы заказать себе что-нибудь.

– Ты что, слинял со службы посреди рабочего дня? – пробурчал Луи.

– Да, старик, я сбежал с этой каторги. Две малышки заедут за мной к семи часам, а до тех пор мне надо схорониться, потому как, боюсь, моя благоверная будет прочесывать окрестности. У тебя не найдется для меня укромного уголка? Я бы с удовольствием выпил немного киру⁷⁰ и закусил белым хлебом и кусочком сыра. У меня в брюхе урчит от голода, а жена дрожит над каждой крошкой!

Эварист огляделся, заметил парочку завсегдатаев, склонившихся над своими стаканами, и поморщился:

– Ну, у них и рожи! Нет уж, пожалуй, пить я не буду. Надо сохранить ясную голову!

– Иди за стойку, там есть дверь, она ведет в клетушку, где я держу бочки. Там тебя никто не побеспокоит. А я пока пойду, приготовлю тебе поесть.

В комнатухе стоял терпкий запах прокисшего вина и кошачьей мочи. Но Эварист, сидя на бочке под скудным светом, падающим из фрамуги, не поменялся бы местами с самим королем Пруссии. Когда же Луи принес ему поднос с едой, его радости не было границ.

– Угощайся, тут все свежее. Хлеб я пеку сам, а окорок, сардельки и колбасу делает мой приятель.

Эварист с беспокойством посмотрел на трактирщика.

– У меня сейчас плохо с деньгами, а следующая получка не сильно поправит положение...

– Не переживай, постоянным клиентам я даю кредит.

– Ты славный парень, Луи, с меня причитается.

---

⁷⁰ Кир – смесь белого вина и ликера из черной смородины. – Прим. перев.

Эварист с аппетитом съел все, что ему принесли, и закурил трубку. От сытной еды и непривычного безделья его разморило и стало клонить в сон. В голове бродили приятные воспоминания. Первое относилось к далекому весеннему дню 1874 года, когда Эмиль Легри познакомил его с учением Фурье, за которым видел будущее. Затем память перенесла Эвариста к событиям минувшего лета, когда он вместе с другими членами ассоциации «Подранки» разыскивал в лесу упавший с неба метеорит. Совместные поиски сблизили их, и Эварист впервые почувствовал себя с остальными на равных. Он расхрабрился настолько, что позволил себе пару раз ущипнуть за мягкое место Сюзанну Боске. Она с хихиканьем уворачивалась, но далеко не уходила, давая понять, что вовсе не против его ухаживаний. Жаль, что приятную прогулку пришлось прервать – этому крестину Донатьену Ванделю взбрело в голову зачем-то взлезть на дерево, а потом свалиться оттуда...

Воспоминания Эвариста прервал появившийся на пороге Луи с бутылкой мюскаде⁷¹ в руках.

– Твои девицы запаздывают. Передали с посыльным вот это, чтобы приятнее было коротать ожидание.

– Я предпочел бы этому сиропу красненькое.

– Да брось, мюскаде – неплохое вино, особенно если с желудком проблемы.

Луи откупорил бутылку, и Эварист предложил ему тоже угоститься стаканчиком.

– Нет, я ведь на работе, – отказался тот. – А ты пей, я принесу еще закуски.

Эварист глотнул прямо из бутылки. Вино было странным на вкус, и внутренности ему тут же скрутило. Эварист упал на пол и, тяжело дыша, прислонился спиной к стене. Сердце тоже вело себя странно: то колотилось как бешеное, то билось гулками, глухими ударами. Все поплыло у него перед глазами, тело пронзили новые спазмы. Он распластался на полу.

– Доктора, скорее! – прошептал он еле слышно.

У него начались судороги. Изо рта пошла пена.

Когда Луи с подносом вернулся в комнатуху, мертвые глаза Эвариста смотрели на паука, сидящего в центре паутины, натянутой между двух бочек.

У каждого здания есть свое лицо, а, может, даже и душа, сказал себе Виктор. Вот это, с разукрашенным лепниной фасадом, похоже на напыщенного сноба, а вон то, строгих геометрических форм, напоминает скромного, порядочного гражданина. На эти мысли его навел особняк сэра Реджинальда, втиснувшийся между двумя соседними домами. Его фасад был украшен маскаронами, а над монументальной входной дверью возвышались два атланта, державшие на плечах земной шар, на котором был выбит девиз:

Она вертится впустую, а мы топчемся на месте.

Претенциозно, но не без юмора, вынес Виктор свой вердикт.

Гости толпились в вестибюле, из которого вела наверх величественная лестница. Виктор разглядывал бюсты гетер, расставленные среди цветущих растений, невольно улавливая обрывки разговоров.

– Меня тут все раздражает...

– Вы читали Рёскина⁷²?

– Я вас уверяю, в его оранжерее полно черных ирисов, а еще он коллекционирует нефритовые фигурки животных и живых сиамских кошек.

– Смотрите, вон идет принцесса де Ришелье, что за горделивая осанка!

⁷¹ Мюскаде – легкое белое вино с фруктовым вкусом. – Прим. перев.

⁷² Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт; оказал большое влияние на развитие искусствоведения и эстетики второй половины XIX – начала XX века. – Прим. перев.

– Скажите, неужели Ла Гандара⁷³ действительно развелся?

– Боюсь, что так. Прошлым летом при встрече с одним моим приятелем он дал ему совет: «Никогда не женитесь, друг мой»...

– Говорят, он будет здесь сегодня.

Медленно поднимаясь по мраморным ступеням, Виктор видел немало представителей парижской богемы: Марсель Швоб, близоруко сощутив глубоко посаженные глаза, подавал руку Маргарите Морено. Жан Мореас с сигарой в зубах беседовал с Фелисьеном Ропсом⁷⁴, немолодым человеком с подведенными глазами, в обтягивающей блузе кроваво-красного цвета. Тут были женщины, одетые по-мужски, с галстуками и эполетами, и женоподобные мужчины. Имя Оскара Уайльда было у всех на устах.

Большая часть гостей устремилась через анфиладу комнат к большой гостиной, где на возвышении, окруженном дымящимися курильницами, дама в бархатном платье с вышивкой золотом исполняла произведение Августы Холмс⁷⁵.

– «Эрос, сжался над нами!..»

Виктор протискивался сквозь толпу, и с противоположных концов комнаты до него доносились голоса двух чтецов.

– Это Альбер Самен и Стюарт Мерилл⁷⁶, – сказал кто-то у него за спиной, и, обернувшись, Виктор узнал того, кто говорил про художника Антонио де ла Гандара.

– Виктор!

Перед ним стояла Таша, в серо-голубом платье, которое очень шло к ее рыжим волосам, она выглядела восхитительно. При виде нее горечь, уже несколько дней терзавшая Виктора, мгновенно улетучилась. Но почему жена смотрит на него так насмешливо?

– Привет, дорогой! Ты не слишком сюда торопился!

– Приехал, как только получил твою записку. Не сразу удалось найти экипаж, да и дороги запружены. А мой велосипед в ремонте, ты же знаешь, к тому же я не позволил бы себе приехать на нем в такое место.

– Ты заблуждаешься, этот пафос показной. А большинство присутствующих просто очень эксцентричные люди. Что до сэра Реджинальда... кстати, вот и он, сейчас я вас друг другу представлю.

Хотя большинство мужчин, судя по всему, предпочли нонконформизм и были одеты в классическом стиле, хозяин, тучный господин с красным лицом, был в темном жилете, брюках с шелковыми галунами и короткой курточке, что странно сочеталось с белым галстуком и традиционной складной шляпой-цилиндром, моду на которую недавно ввел во Франции принц Уэльский. Сэр Реджинальд радушно пожимал руки гостям, и когда очередь дошла до Виктора, с такой силой сжал его ладонь, обнажив в улыбке крупные зубы, что тот едва не вскрикнул от боли.

– Так значит, вы и есть счастливый супруг нашей очаровательной плутовки Таша! Она сказала, что вы любитель литературы. Рад это слышать, мы весьма нуждаемся в помощи тех, кто ценит талант и презирает запреты. – Свой монолог хозяин дома произнес без малейшего акцента.

– Что он хотел этим сказать? – шепотом спросил Виктор у Таша, которая увлекла его в библиотеку.

---

⁷³ Антонио де ла Гандара (1861–1917) – французский художник. – Прим. перев.

⁷⁴ Марсель Швоб (1867–1905) – французский писатель-символист и переводчик, писал притчевую фантастическую прозу; Маргарита Морено (1871–1948) – актриса; Жан Мореас (1856–1910) – французский поэт-символист, автор «Манифеста символизма» (1886); Фелисьен Ропс (1833–1898) – бельгийский художник-символист. – Прим. перев.

⁷⁵ Августа Мария Анна Холмс (1847–1903) – французский композитор, ученица Сезара Франка. – Прим. авт.

⁷⁶ Альбер Самен (1858–1900) – французский поэт-символист; Стюарт Мерилл (1863–1915) – французский поэт американского происхождения. – Прим. перев.

– Это намек на Оскара Уайльда, в честь которого и организован прием. Сэр Реджинальд надеется привлечь как можно больше людей на его защиту, чтобы под петицией стояли известные имена. Пойдем, я хочу, чтобы ты взглянул на мою работу, пока сэр Реджинальд не начал свою речь.

Виктор понял, что легко заблудился бы в лабиринте коридоров и никогда не нашел лестницу, ведущую наверх. Таша уверенно вела его вперед. Они миновали шесть комнат, где висели полотна Гюстава Моро, и наконец оказались в той, которую оформляла Таша.

– Этот заказ для меня очень важен. Если три мои последующие аллегории получатся не хуже первой, я, возможно, даже смогу составить конкуренцию Вюйару⁷⁷. В прошлом году он создал одиннадцать великолепных полотен! Александр Натансон повесил их в своей резиденции на авеню дю Буа⁷⁸.

Таша была верна себе, смешав различные стили и жанры, и Виктор в очередной раз восхитился ее талантом. Она изобразила обнаженную нимфу, устремившую томный взор за горизонт, куда, покачиваясь на волнах, уплывал корабль. Это вызывало легкую грусть и выглядело довольно эротично. Виктор попытался обнять жену.

– Эй, руки прочь! – с напускной строгостью воскликнула она, выскользнув из его объятий. – Если хочешь, можешь остаться и переночевать тут вместе со мной.

– Значит, здесь ты спишь?

Виктор разочарованно окинул взглядом небольшой будуар.

– Апартаменты сэра Реджинальда недалеко, – поддразнила его Таша и со смехом добавила: – Милый ты мой простофиля, неужели ты не понял, что женщины его не интересуют? Даже если бы мы остались с ним одни во всем свете, он бы и пальцем ко мне не притронулся. А как твоё расследование, продвигается?

– Какое расследование?

– О, забудь, я пошутила. Пойдем, нам пора!

Они спустились вниз и вошли в овальную гостиную, стены которой были увешаны саблями – старинными и современными. На трибуне, украшенной французским и английским флагами, ораторствовал сэр Реджинальд, сменивший цилиндр на фуражку с козырьком, а орхидею на гвоздику.

– ...Произведения Оскара Уайльда исчезли из магазинов, его имя не появляется на театральных афишах, а лондонское общество разделилось на тех, кто «за», и тех, кто «против». Только представьте себе, умнейшему человеку нашего времени, семьянину, отцу двоих детей маркиз Куинсберри оставил в клубе записку с обвинением в содомии! Разве можно винить блестящего писателя в том, что он подал в суд иск за клевету, защищая свою честь? Разве мог он предполагать, что этот достойный поступок обернется против него самого?!

– Он поступил правильно! – зашумела аудитория.

– Имя Оскара Уайльда смешали с грязью, ему устроили допрос с пристрастием, копаясь в его частной жизни. И это неудивительно: ведь англичане самого Байрона выжили из страны! Наш суд ополчился против Оскара Уайльда, приговорив его к двум годам принудительных работ. Но, я спрашиваю вас, почему личные переживания человека, и не просто человека, а великого художника, должны быть достоянием общественности?

По залу прошел ропот.

– Здесь, во Франции, люди не столь лицемерны. Ваши газеты не приветствовали вынесенный Уайльду приговор. Ни один из французских критиков не назвал «Портрет Дориана Грея» безнравственной книгой, – продолжил свою речь оратор.

---

⁷⁷ Жан Эдуар Вюйар (1868–1940) – французский художник-символист. – Прим. перев.

⁷⁸ Ныне авеню Фош. – Прим. авт.

– Это шедевр, мой друг Малларме объявил об этом во всеуслышание! – выкрикнули из зала.

Виктора кто-то тронул за локоть. Он обернулся и увидел Мориса Ломье.

– Не хотите ли проветриться, дорогой Легри? – предложил тот.

Виктор сделал знак жене, что ненадолго выйдет. Таша недовольно кивнула, погруженная в свои невеселые мысли. Сэр Реджинальд нахваливал власти Франции, но разве не они сослали Дрейфуса, обвинив его в предательстве только потому, что он еврей? Да и ее родители, Джина и Пинхас, всегда готовы к худшему...

– Вы меня знаете, Легри, я предпочитаю дам, но то, что утверждает Лимингтон, который попросил меня написать портрет одного из его близких друзей, некоего Андре Жида, – небезосновательно. Произведения Флобера и Бодлера тоже одно время считали непристойными, но их же не заставляли предстать перед судом! Если заключать под стражу всех, кто ведет себя как Уайльд, тюрьмы будут переполнены, – пробормотал Ломье, указывая Виктору на некоторых гостей. – Видите вон того молодого человека? Это Рейнальдо Ан⁷⁹, очень одаренный пианист. А вон там, за фикусом, прячется Марсель Пруст, Рейнальдо – его любовник. А вон тот верзила с пышными усами – Жан Лорен, он приехал сюда, хотя когда-то отказался пожать руку Уайльду, потому что тот заметил: «Такие люди, как мы с вами, не могут быть друзьями, они могут быть только любовниками».

– Вы удивляете меня, Ломье, не знал, что вы придерживаетесь таких свободных взглядов.

– Дорогой мой, никогда не стоит откапывать топор войны. Кстати, позвольте еще раз выразить вам признательность за ту услугу, что вы мне оказали в прошлом году⁸⁰. Что до Мими, она навсегда предана вам.

– Польщен.

– Жизнь можно охарактеризовать одним словом – неопределенность, – нежно пропела молодая англичанка, обращаясь к Жану Мореа, который подписывал ей свою брошюру.

Виктор и Ломье дружно рассмеялись. Они протискивались сквозь группы людей, болтающих между собой, пока, наконец, не добрались до стола с белой скатертью и столовым серебром. Горы пирожных, фруктов и канапе с сыром и огурцом стремительно уменьшались под набегами гостей. Добыв несколько тарталеток и два бокала шампанского, Виктор и Ломье устроились за одним из круглых столиков.

– А знаете, кажется, пришел мой черед попросить вас об одолжении, – проронил Виктор.

– Слушаю вас, но должен предупредить: я без гроша. Как говорил Александр Дюма-сын: «Когда начинаются займы, кончается дружба».

– Речь идет вовсе не о деньгах, мне нужен адрес. Я ищу Амори де Шамплье-Марейя.

– Сахарного короля? Он куда-то исчез. Скорее всего, с очередной любовницей. Полагаю, одна небезызвестная вам дама могла бы кое-что сообщить по этому поводу, ведь она и сама когда-то встречалась с этим господином. Я говорю о Фифи Ба-Рен, княгине Максимо-вой, которая снова покоряет наши подмостки, на этот раз под именем Фьяметта. И похоже, имеет бешеный успех!

– Это так, – подтвердил сидевший с ними за одним столиком румяный мужчина.

– Виктор Легри – Юг Ребель⁸¹, – представил их друг другу Ломье. – Здравствуйте, Юг.

⁷⁹ Рейнальдо Ан (1874–1947) – французский композитор, пианист, музыкальный критик, дирижер и руководитель оркестра, один из наиболее известных музыкантов «Прекрасной эпохи». – *Прим. перев.*

⁸⁰ См. роман «Талисман из Ла Виллетт». – *Прим. авт.*

⁸¹ Юг Ребель – прозвище французского литератора Жоржа Грассалья де Шофаля (1867–1905). – *Прим. авт.*

– Эта Фьяметта дорогая штука! Надеюсь, мои слова не шокируют вас, дорогая, – с улыбкой повернулся к своей спутнице Ребель, – но я не мог не воспользоваться дарами, которые Господь Бог, если он, конечно, существует, послал мне.

– Вы знаете, где она квартирует? – спросил Виктор.

– В отеле «Континенталь». Жюль Ренар вам только что кивнул, – обращаясь к Ломье, сказал Ребель. – Он говорил, что хочет вас видеть. Вы слышали, театр «Одеон» включил в репертуар его одноактовую комедию «Просьба», Жюль Леметр⁸² написал хвалебную статью в его честь, и Сара Бернар пригласила его к себе.

В этот момент одна девица, подражая Мэй Белфорт⁸³, запела:

Мои брюки как у англикашек,
Такие неудобные,
Пускай они некрасивые, мне плевать,
Ведь на сцене они – то, что надо!

Виктору захотелось побыть одному и подышать воздухом. Он попрощался с Ломье и с трудом отыскал Таша, которая оживленно беседовала с какой-то американкой.

– Познакомься, это Мэри Кассат, два года назад она выставила девяносто восемь картин у Дюран-Рюэля⁸⁴, – пояснила ему Таша. – Мне кажется, тебе не очень здесь понравилось, я не ошиблась?

– Нет, слишком много сплетен и кривлянья, я собираюсь вернуться в магазин, ты со мной?

– Мне бы очень хотелось, но завтра с рассветом надо приступать к работе, мне еще много что предстоит сделать.

– Что ж, тогда увидимся завтра.

Он погладил ее по руке и скрылся в толпе. Какая-то полная дама шепнула ему на ухо:

– Представляете, англичанкам уже мало их знаменитых чаепитий, они теперь еще и курят, это называется «чай с сигаретами», только подумайте!

Выйдя наружу, Виктор тоже закурил. Лязг железа, доносящийся со стороны конюшен, вызвал его любопытство. Он подошел и увидел сэра Реджинальда, на сей раз в клетчатом пиджаке, склонившимся над трехколесной машиной с двумя кожаными сиденьями. Англичанин поднял голову.

– Это трехколесный паровой экипаж Серполле⁸⁵, невежды видят в нем нечто сатанинское. Но должен сказать, месье Легри, на этой машине, на управление которой я получил разрешение, подписанное комиссаром полиции, я легко обгоняю конные экипажи. Придет время, когда даже велосипед уйдет в прошлое. В Париже уже есть Автомобильный Клуб, благодаря маркизу де Диону⁸⁶. Вы нас покидаете?

– Увы, мне нужно работать. Благодарю за прекрасный вечер.

---

⁸² Жюль Франсуа Эли Леметр (1723–1793) – французский критик и писатель. – *Прим. перев.*

⁸³ Мэй Белфорт – ирландская певица, модель Тулуз-Лотрека: он написал пять ее портретов, сделал несколько литографий и к началу выступлений певицы в «Пти казино» создал для нее афишу. – *Прим. перев.*

⁸⁴ Мэри Кассат (1844–1926) – знаменитая американская художница и график, импрессионист; прожила большую часть жизни во Франции, была дружна с Эдгаром Дега; Поль Дюран-Рюэль (1831–1922) – французский коллекционер, связанный с импрессионистами. Одним из первых стал оказывать финансовую поддержку художникам и организовывать персональные выставки. – *Прим. перев.*

⁸⁵ Леон Серполле (1858–1907) – французский изобретатель, создатель паровых котлов, двигателей и автомобилей. – *Прим. перев.*

⁸⁶ Клуб создан в 1895 году. – *Прим. авт.*

Автомобиль произвел на Виктора сильное впечатление. Он бы не отказался приобрести такой.

Бледный свет фонаря падал на кровать сквозь решетчатые ставни. Эрик задумчиво смотрел на спящую Кору. Ранним утром он явился к ней с двумя чемоданами, объяснив свой переезд тем, что поссорился с матерью.

– Я в долгу не останусь, – пообещал он девушке.

Кора встретила его с распростертыми объятиями, воспринимая его нежность к ней как плату за гостеприимство.

«Она всего лишь маленькая шлюха, но заслуживает лучшей доли. Конечно, как у большинства ей подобных, на уме у нее только деньги... Но я и сам, в конечном итоге, немногим лучше, – думал Эрик. – Интересно, в кого я такой... Может, в дядюшку Донатьена?... Что ж, если мне удастся провернуть это дельце, я позабочусь о малышке».

Он ненавидел квартиру на улице Верней – темную, с удушающей атмосферой, и узкие грязные домишки по соседству, в которых обитали по большей части мясники, колбасники и торговцы углем. Ему надоела скрипучая кровать, дешевые побрякушки Кору, ее расчески, щипцы для завивки волос...

Его разбудили истошные крики торговки, расхваливающей салат-латук: «Первосортный товар из Карантана! Налетай, кто желает!» Когда-нибудь он свернет ей шею.

Эрик засунул руку под простыню и погладил грудь Кору. Ничто так не возбуждало его, как пассивность объекта вожделения.

Кора покорно отдалась ему, а когда он откинулся на спину, удовлетворенный, отвернулась и снова уснула. Эрик встал, собираясь уйти по-английски, но его взгляд упал на гору грязной посуды, которую можно было вымыть в раковине в конце коридора, и вдруг, неожиданно для него самого, сердце сжалось от жалости к Коре. Она всячески старалась ему угодить. Вернувшись вчера из «Пивнушки для холостяков», несмотря на усталость, приготовила телячье рагу и, пока он ел, стояла рядом и смотрела на него, готовая удовлетворить любой каприз любовника. Эрик представил себе, что было бы, если бы его мать узнала об этой связи. Бернадетта Перошон была строгих правил, и ее, наверное, хватил бы удар, если бы она увидела сына в квартире проститутки. Он словно наяву услышал ее визгливый голос: «Неблагодарный! А о моей репутации ты подумал? От тебя никогда не будет толку. Один Бог знает, чем это может закончиться!»

Эрик зажег свечу, натянул брюки, вынул из кармана пиджака, висящего на спинке стула, карандаш и записную книжку и начертал:

Бонваль Ида. В провинции, перед рождественскими праздниками должна вернуться в Париж.

Найти во что бы то ни стало новый адрес Сюзанны Боске.

– Эрнест Сорбье с 1888 года вне игры. Значит, их осталось всего семеро, – прошептал он. – Ида Бонваль, Сюзанна Боске, Гюго Мальпер, Рен и Лазар Дюкудре, Виржиль Сернен и Эварист Вуазен. Интересно, как они себя поведут, когда получат от меня очередную записку? Не исключено, что перегрызутся между собой. Плохо только одно: я не единственный, кто идет по следу, и медлить мне нельзя.

Глава четырнадцатая

Суббота, 23 ноября

Издав протяжный гудок, поезд тронулся, оставив Виктора и еще нескольких пассажиров на платформе под проливным дождем. Все бегом бросились к зданию вокзала. Виктор поинтересовался у служащего, как ему попасть в замок Буа-Жоли. Тот снял фуражку и долго чесал в затылке, прежде чем изрек:

– Папаша Граффар.

Виктору пришлось подождать еще некоторое время, пока паренек со станции сбегал предупредить папашу Граффара о том, что его дожидается клиент.

Наконец, потрепанный шарабан⁸⁷, запряженный не менее древней, чем он сам, клячей, остановился у края платформы. Папаша Граффар, совершенно седой, но довольно бодрый старик, выслушал адрес и лениво взмахнул кнутом. Лошадь двинулась, и вскоре Виктор увидел безлюдную, утопавшую в грязи деревеньку. Он порадовался, что захватил с собой зонт, в противном случае, сидя рядом с кучером в открытой повозке, вымок бы до последней нитки.

Чуть меньше чем через полчаса шарабан остановился у незапертых ворот.

– С вас двадцать су, – произнес папаша Граффар, молчавший всю дорогу.

– Я хотел бы нанять вас на целый день, если возможно. Назначьте цену.

После долгого раздумья кучер потребовал сто су. Виктор согласился.

– Подождите меня, я не знаю, сколько времени мне придется там провести, а потом поедем в Сен-Ле-Таверни⁸⁸, где я сяду на обратный поезд.

Он прошел через парк по аллее с фруктовыми деревьями по обеим сторонам. Справа, у невысокой стены, теснились решетчатые вольеры с собаками. Они разноголосым лаем встретили появление чужака. Виктора поразило их количество.

Перспектива путешествия в замок Гюго Мальпера и сама по себе не слишком воодушевляла Виктора, в довершение ко всему у него с самого утра разболелась голова. И неудивительно, ведь ему всю ночь снились кошмары. Тем не менее, в восемь утра он позвонил в лавку и сообщил Жозефу, что отправляется в Домон, попросив придумать что-нибудь, чтобы объяснить его отсутствие Кэндзи. «Телефон – замечательное изобретение, и главное его достоинство в том, что можно оборвать разговор, не слушая возражений собеседника», – подумал Виктор, вешая трубку.

Он подивился на замок, построенный словно по проекту Безумного Шляпника из сказки Льюиса Кэролла, и позвонил в дверь. Ему открыла широкоплечая женщина лет пятидесяти с некрасивым лицом. Но Виктор угадал в ней одну из тех, у кого под неприглядной внешностью скрывается добрая душа. Он назвал себя далеким родственником месье Мальпера, с которым желал бы обсудить семейные дела.

– Добрый день, месье, меня зовут мадам Бонифон. Хозяин уехал на рассвете. Анри запряг двух лошадей в его ландо⁸⁹, и они помчались к знакомому ветеринару, который живет в Медоне. Если бедная Пишетта умрет, это разобьет хозяину сердце!

– Речь идет об одной из собак?

---

⁸⁷ Открытый экипаж с несколькими поперечными сиденьями. – *Прим. перев.*

⁸⁸ Ныне Сен-Лё-ла-Фор; Таверни стала независимым муниципалитетом в 1915 году. – *Прим. авт.*

⁸⁹ Ландо – четырехместная карета с откидывающимся верхом. – *Прим. перев.*

– Любимой! Пишетта принадлежала раньше маленькой дочке бакалейщика, бедную собаку зацепило шальной пулей на охоте. Бакалейщик отдал ее месье Мальперу, которого прозвали у нас Покровителем псов. Теперь Пишетта, конечно, чересчур растолстела, и с годами это только усугубляется, потому что хозяин балует ее сладостями. А вчера вечером ее укусил хорек! Рана глубокая, остается надеяться, что она не воспалится! Месье Мальпер – славный человек, но когда дело касается собак, теряет голову!

– Давно вы у него служите?

– Четыре года. Работы тут полно, а я управляюсь практически одна. У меня всего две руки, так что отдыхать мне некогда. Кормит собак Анри, сын конюха, а я целыми днями готовлю: у нас ведь их три десятка, да и люди тоже есть хотят!

– Гюго упоминал в письмах про нескольких собак, но я не подозревал, что у него целая свора.

– Свора бездельников, скажу я вам! Бездомные бродяги, жертвы судьбы. Да что это я – чешу языком, а вы совсем продрогли. Входите же, погрейтесь у меня на кухне.

Виктор принял приглашение с удовольствием. На плите в котелке булькало какое-то варево из овощей и мяса, и ему не хотелось думать о том, кому именно – двуногим или четвероногим обитателям поместья оно предназначалось. Помешав в котелке поварешкой, мадам Бонефон продолжила, явно радуясь тому, что есть кому ее выслушать:

– Если бы какой-нибудь литератор захотел написать про хозяина, ему было бы чем заполнить страницы. Первую собаку, которую месье Мальпер принял, он назвал Эмилем, и я часто слышу от него это имя. Потом он подобрал тощую легавую и борзую со следами побоев на спине. Как люди жестоки! Тогда хозяин и отвел часть парка под псарню. Чтобы не мучиться, придумывая клички своим питомцам, он давал им имена из книжек.

Мадам Бонефон склонилась над котелком, и Виктор изумился, как ее не стошнило от доносящегося оттуда запаха.

– Но у меня все имена записаны. Каждому году соответствует буква алфавита. В семьдесят третьем у нас появились Аякс и Ариадна, на следующий год Бомарше и Босси, потом Декарт и Даная... Последним к нам попал кокер-спаниель, он слонялся весной по дороге де Фон. Держу пари, вы ни за что не угадаете его кличку!

– Как вы думаете, когда месье Мальпер вернется домой? – отважился спросить Виктор, подавив приступ тошноты.

– Да я и сама хотела бы это знать! Может, сегодня вечером, а может, завтра или через неделю! И все это время, пока нет Анри, кормить собак придется мне... А у вас к нему срочное дело?

– Да, я хотел поговорить с ним про его знакомых.

– Нежеланных гостей?

Мадам Бонефон рывком сняла котелок с плиты и, водрузив на стол, накрыла тряпкой. Виктор, наконец, смог вдохнуть полной грудью.

– Не делайте большие глаза, я уверена, вы поняли, о ком я! Так называет их сам хозяин. Они каждый год приезжают сюда пировать за его счет. А ведь захлопни он дверь перед носом у этих дармоедов, от скольких хлопот это меня бы избавило! Одна надежда, что случившееся нынешним летом, в августе, послужит им хорошим уроком!

– А что тогда произошло? – спросил Виктор, отступая на шаг назад, чтобы пропустить мадам Бонефон, которая намеревалась раскладывать варево в миски.

– Это было той ночью, когда с неба свалился этот камень. Метеор, так, кажется, было написано в газетах. Что до меня, так я считаю, что это мец накликал беду. С тех пор как он поселился в лесу, чего только тут не случалось... Коли встретишь его, он будто пронзает взглядом насквозь! Его давным-давно следовало упрятать за решетку!

Мадам Бонефон откинула тряпку с котелка, и Виктор, опрометью кинувшись к окну, распахнул его.

– Так вот, в августе наш дом был полон народу, – продолжала славная женщина. – Хорошо еще, хозяин догадался нанять дополнительную прислугу. Когда раздался невероятный грохот и с неба упала эта каменюка, гости повскакивали и хотели немедленно идти в лес. Ну да, нашли бы они этот метеор, как же! В темноте-то, в лесу, среди болот! В конечном итоге они успокоились, а я приготовила им корзины для пикника и уложила все, что осталось от ужина.

Виктор испуганно покосился на котелок.

– Они торчали здесь три дня! Пока не случилось несчастье. Правду говорят: не буди лихо! Один из них, я забыла, как его звать, свернул себе шею. Упал с дерева и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Месье Мальпер уложил его в коляску и отвез в Париж, с ними еще трое поехали. А остальных тут же как корова языком слизнула! Ну, и скатертью им дорожка! А больше мне ничего не известно.

– Месье Мальпер не говорил вам, что тот несчастный, его звали Донадьен Вандель, скончался? Это случилось месяц назад.

– Да ну! – всплеснула руками мадам Бонефон. – Нет, я этого не знала.

– Еще двоих, Деода Брикбека и Максанса Вине, тоже недавно не стало: они угорели в фиакрах.

– Боже всемогущий! – вскричала мадам Бонефон, прижав руки к лицу. – Если месье Мальпер чего и знает, он держит это при себе! Да и зачем ему со мной об этом говорить, я всего лишь крестьянка, в Париже-то была один раз в жизни, в восемьдесят девятом, поехала на выставку. Ох, я думала, лишусь рассудка в этой суматохе! Угореть в фиакрах, это же надо... Говорю вам, это все мец! Тут наверняка не обошлось без колдовства!

«Что за фантазия пришла в голову Донатьену Ванделю взобраться на дерево? И кто этот мец, о котором мадам Бонефон столь нелестно отзывалась?» – размышлял Виктор, возвращаясь к шарабану папаши Граффара.

– Вы не знаете, есть тут поблизости какое-нибудь заведение, где можно недорого поесть и выпить местного вина? – спросил он у старика, рассудив, что трактир – идеальное место, чтобы разузнать о пресловутом меце.

Папаша Граффар прикрыл глаза и надолго задумался.

– «Три колоса»! – наконец осенило его, и шарабан покатился по дороге.

Хозяйка заведения, пухленькая южанка с томным взглядом, проворно принесла Виктору недожаренный омлет, ломоть хлеба и бутылку медака⁹⁰.

– Сразу видно, что вы нездешний, месье, у вас хорошие манеры. Не то что у наших пьянчуг, – пропела она.

– Эй, Ирма, не трать время зря! Месье тебе все равно не пара, а если бы мы не таскались в твой кабак, тебе пришлось бы прикрыть лавочку! – прохрипел мужчина с пышными усами и желтой прокуренной бородой.

Эти слова вызвали шумное одобрение завсегдатаев, которые с удовольствием поглядывали на широкие бедра и налитую грудь хозяйки.

– Тише там! – прикрикнула Ирма. – У нас республика! С кем хочу, с тем и разговариваю!

Виктор решил воспользоваться тем, что она выказала ему симпатию.

– Вы отлично готовите омлет. Такого не попробуешь даже в английском кафе.

---

⁹⁰ Медок – сорт вина. – Прим. перев.

– Да что они могут приготовить! – раздался громоподобный голос Желтой Бороды.

– Заткнись, Жюстиньен, или убирайся прочь! – прикрикнула на него Ирма.

Тот притих, и Виктор воспользовался этим, чтобы начать разговор на интересующую его тему:

– По пути сюда я наткнулся на какого-то типа бандитского вида. Кажется, его называют тут мецем.

Тишина воцарилась такая, что слышно было жужжание последней осенней мухи. Наконец Ирма осмелилась сказать:

– Он и правда обладает силой, как злой, так и доброй. Те, кто приходят к нему за помощью с чистой совестью, не бывают разочарованы. А других, кто задумал недоброе, Жеробом Дараньяк видит насквозь и напускает на них порчу.

– Ущипните меня, я, должно быть, сплю! Ирма влюбилась в колдуна! – завопил Желтая Борода.

Не обращая на него внимания, Виктор продолжил расспросы:

– А где он живет?

– В лесу, в хижине недалеко от Охотничьего замка. Но раньше чем через два дня вы его не увидите: сейчас полнолуние, и он готовит свои снадобья где-то в одном ему известном месте. Никому еще не удавалось его там найти.

– А он никак не связан с хозяином замка Буа-Жоли Гюго Мальпером?

– Ну, я бы не удивилась, если между этими сумасбродами есть какая-то связь. Хотя из них двоих собачник – более чокнутый и более одинокий. Я как-то раз столкнулась с ним и его сворой: они шествовали как на параде, он впереди – в мундире, застегнутом на все пуговицы, собаки за ним. Станный он человек, этот Гюго Мальпер, он даже женщинами не интересуется.

– А тебе обидно, да, Ирма? – вставил Желтая Борода.

– Его соседи поначалу были недовольны, но собаки ведь никого не кусают, и в конце концов их оставили в покое. Мне-то кажется, Гюго Мальпер – славный человек, он готов приютить любую псину.

– А лай-то какой у него там стоит! Они заливаются как бешеные, это пугает ребятишек, а щенков я бы вообще всех утопил...

– Все, Жюстиньен, мое терпение лопнуло. Вон отсюда!

Желтая Борода, видимо, привыкший слушаться Ирму, которая в данный момент указывала ему пальцем на дверь, повиновался. К разочарованию хозяйки Виктор тоже ушел, правда, в противоположном направлении. Он захватил с собой почти полную бутылку медака и вручил ее папаше Граффару, восседавшему на козлах. Тот сделал несколько глотков и довольно причмокнул губами. В Сен-Ле они добрались довольно быстро. Дождь прекратился, головная боль у Виктора на свежем воздухе прошла, а главное, он был доволен добытой информацией, хотя понимал, что ему придется нанести еще один визит в Домон, чтобы встретиться с Гюго Мальпером и Жеробом Дараньяком.

Жозеф наводил порядок в хранилище. Он почти не слушал Виктора, возмущенный тем, что шурин отсутствовал почти три дня. Однако, узнав о том, что следующая операция в замке Буа-Жоли поручена ему, Жозеф успокоился. И окончательно повеселел, услышав, что ему предстоит выполнить еще одно задание: посетить магазин Дюкудре.

– Но что мы скажем Кэндзи?

– Что у букиниста Ораса Тансона оказалось много разрозненных томов из собраний сочинений, от которых он охотно избавился бы. А вечером вы разворчитесь, что съездили к клиенту понапрасну, – тут же нашелся Виктор.

Жозеф спешил покинуть площадь Бастилии: Июльская колонна напоминала ему о весьма неприятных событиях, произошедших три года назад⁹¹. Он резко дернул за колокольчик на двери магазина «Лошадка-качалка».

Немолодая полноватая женщина с приятным курносым лицом и ямочками на щеках демонстрировала покупателям говорящую куклу фирмы Жюмо⁹²:

– Под этой пластинкой с дырками у нее на груди находится маленький цилиндрический фонограф. Достаточно потянуть куклу за ручку, чтобы привести в движение часовой механизм. Послушайте.

Звонкий девчоночий голосок выпалил скороговоркой: «Как я рада, мама позволила мне пойти в театр, я иду на спектакль. Ах! Тир-лир-ло, как прекрасен мой шато, тир-лир-ло, в нем я буду королевой, тир-лир-ло!»

Послышались восхищенные восклицания, и Жозеф тоже не смог сдержать улыбки. В этом царстве игрушек он невольно вспомнил свое детство: как в далеком 1879 году шел, держась за руку матери, по Большим бульварам, где каждый год в декабре рядами выстраивались ярмарочные ларьки. Уличные торговцы расхваливали свой товар перед прохожими, желающими приобрести недорогие подарки к Рождеству, размахивая полишинелями⁹³, дудочками и барабанами. Перед прилавком с заводными игрушками Жожо встал как вкопанный. Ему страстно хотелось иметь маленького человечка, толкающего перед собой тележку.

– Сколько? – спросила Эфросинья после короткого раздумья.

– Шесть су, – ответил торговец.

Мать выудила из кошелька все монеты, но двух су не хватало.

– Я уступлю вам, мадам, – смиловился продавец.

Не веря своему счастью, Жожо прижал игрушку к груди. Потом, придя домой, он поставил ее на сундук и до вечера не сводил с нее глаз. После этого им с матерью пришлось питаться яблоками и хлебом, пока в кошельке снова не завелись деньги. Позже Жожо купили лото и маску из папье-маше, но человечек с тележкой навсегда остался его самой любимой игрушкой. Он, наверное, до сих пор валяется где-нибудь в углу сарая на улице Висконти.

Теперь заводные игрушки стали более сложными. Куклы в красивых платьях не только двигали руками и ногами, но и разговаривать умели.

Пройдя мимо петрушек и швейных машинок, стоявших почти как настоящие, Жозеф заинтересовался лошадкой на колесиках, с хвостом из настоящего конского волоса и красным кожаным седлом. Глядя на нее, Жозефу захотелось стать маленьким мальчиком. Увы, в прошлое нельзя вернуться. Он смотрел на игрушки и размышлял, как поступить: купить Дафнэ куклу и игрушечную посуду – или праксиноскоп⁹⁴?

– Вам помочь, месье?

– Какие у вас есть развивающие игрушки?

– Скачущие лошадки, книжки с картинками, головоломки, калейдоскопы, волчки, – произнес продавец, очень бледный мужчина лет пятидесяти.

– Вы месье Дюкудре? Лазар Дюкудре?

---

⁹¹ См. роман «Тайна квартала Анфан-Руж». – *Прим. авт.*

⁹² Всемирно известная французская фирма по производству кукол, основанная в 1843 году Пьером-Франсуа Жюмо. В 1877 году под руководством его сына Эмиля Жюмо создается знаменитая кукла «Vébé Jumeau», которая не раз занимала первые места на всемирных выставках и удостоилась статуса национальной куклы. – *Прим. перев.*

⁹³ *Полишинель* – кукла или вырезанная из картона фигурка с горбом спереди и сзади, в колпаке, изображающая комический персонаж французского кукольного театра или карнавала. – *Прим. перев.*

⁹⁴ *Праксиноскоп* – оптический прибор, запатентованный в 1877 году Эмилем Рейно, – первое устройство, в котором кинематографический принцип смены отдельных кадров уступил место видео- и телевизионному принципу развертки – постепенной частичной замене одного кадра другим. – *Прим. перев.*

Продавец пристально посмотрел на Жозефа.

– Дайте подумать. Может, я человек с полыми костями?

– Что за тарабарщина? – оторопел Жозеф.

Посмеявшись над своей шуткой, продавец, казалось, проснулся.

– Я имею в виду Овидия⁹⁵. Это загадка, молодой человек, а загадки – моя страсть. А ну-ка, ответьте, что это: четыре девушки гонятся друг за другом, но никогда не смогут друг друга поймать?.. Неужели не догадались? Четыре колеса повозки! Ладно, шутки в сторону. Лазар, выйди к нам⁹⁶!

Жозеф растерялся: казалось, у этого человека не все дома.

– Я... э-э-э... меня направил к вам наш общий знакомый, – пробормотал он. – Мы оба коллекционируем миниатюрные модели железных дорог. Его зовут месье Вандель. Он сказал мне, что покупал их у вас.

Лазар Дюкудре вытаращил на него глаза.

– А, старик Донатьен! Как его дела? Бедняга, ему не повезло! Он ведь тяжело болен... Кстати, вот вам еще загадка: в начале и в конце она коротка, а в полдень достигает максимальной длины. Что это? Ну же, я имею в виду тень, а вы...

– Месье Вандель покинул наш бренный мир, – прошептал Жозеф.

Лазар Дюкудре как будто растерялся.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Рен! Иди сюда!

Курносая женщина отложила куклу и приблизилась.

– Здравствуйте, мадам. Да, Донатьен умер. Это случилось в тот самый день, когда произошла катастрофа на вокзале Монпарнас, – уточнил Жозеф. – Мадам Перошон не пустила меня в комнату брата, но я мельком видел тело.

– Господь сжалился над несчастным и послал за ним поезд, который увез его на Небеса, – со скорбным видом произнесла мадам Дюкудре.

– А мы так и не собрались навестить его. Теперь уже поздно, – пробормотал ее муж. – Но нам никто не сообщил о его кончине.

– Это было в газете. – Жозеф показал им вырезку с объявлением в черной рамке.

Мадам Бернадетта Перошон и ее сын Эрик выражают признательность всем тем, кто счел своим долгом присутствовать на мессе в соборе Нотр-Дам в субботу 16 ноября, через три недели после того, как Донатьен Вандель покинул этот мир.

– А знаете, что такое: черный днем и белый ночью? Не догадались?.. Кюре.

– Лазар, прекрати, – шикнула на него супруга. – А что это за газета?

– «Фигаро».

– Мы читаем только «Ле Тамп», – заявила Рен довольно резко, но затем, смягчившись, спросила участливо: – Давно вы с ним знакомы?

– С тех пор как я поселился в доме номер 5 на улице Депар, то есть уже два года, – выпалил Жозеф первое, что пришло в голову.

– Это он рассказал вам про нас?

– Да, дорогая, месье пришел к нам по рекомендации Ванделя, он тоже коллекционирует миниатюрные железные дороги.

– А вы – тоже члены ассоциации «Подранки», не так ли? Месье Вандель мне рассказывал, при каких обстоятельствах она была основана. Вы были с ним рядом, когда произошло это ужасное несчастье?

---

⁹⁵ Каламбур заключается в том, что Овидий по-французски пишется *Ovide* и совпадает по звучанию со словосочетанием *os vides*, что в переводе означает «полые кости». – *Прим. перев.*

⁹⁶ Дюкудре намекает на текст Нового Завета о воскрешении Лазаря. – *Прим. перев.*

– Нет, мы все разбрелись по лесу, прочесывали кусты в надежде отыскать осколки метеорита. Когда мы вернулись в замок месье Мальпера, он уже увез Донатьена в Париж.

– Но зачем он полез на дерево?

– Мы и сами хотели бы это знать, месье...

– Пижо, Жан Пижо. Мадам Перошон рассказывала мне, что среди тех, кто привез ее брата домой, была некая Ида Бонваль.

– Она ошиблась, Ида не поехала с Мальпером. Она вопила, что от волнения портятся голосовые связки, и целый час полоскала горло мелиссовой водой. Итак, месье Пижо, вы хотели приобрести новые модели для своей коллекции? – Рен Дюкудре явно давала понять, что разговор о происшествии в лесу Монморанси окончен.

– Да-да, конечно. А еще... моей дочке чуть больше года, приближаются праздники...

– У меня есть то, что вам нужно!

Хозяйка потащила Жозефа к полке с куклами, но его внимание привлек Ноев ковчег с фигурками персонажей библейского сюжета.

– Вот это мне подойдет.

– Возьмете все?

– Нет, пожалуй, ограничусь медведем, жирафом и слоном.

Рен Дюкудре, раздраженно бросив в кассу две монеты, не дала себе труда даже срезать написанные от руки этикетки и упаковать игрушки. У двери незадачливого покупателя нагнал Лазар и шепнул ему на ухо:

– Шагаешь – впереди лежит, оглянешься – домой бежит. Знаете, что это такое? Улица.

Книжная лавка «Эльзевир» напоминала потревоженный улей. За несколько минут до закрытия в магазин пожаловали графиня Олимпия де Салиньяк, Бланш де Камбрези, Адальберта де Реовиль и Хельга Беккер. Вскоре появилась и Мишлин Баллю, жаждущая последних сплетен.

Виктор, злясь на Жозефа за то, что тот запаздывает, поспешил укрыться в комнатке за магазином, но и туда доносились громкие женские голоса из лавки.

– «Франция, на колени! Скоро ты предстанешь перед Богом. Звони, священный колокол! Внимайте, народы! Франция приносит свою молитву Господу!» Это так трогательно! Я чуть не разрыдалась! – вскричала Олимпия де Салиньяк. – Никогда не забуду эту проповедь. Вы были там, месье Мори?

– Где? – переспросил Кэндзи, не успевший улизнуть.

– На вершине холма Монмартр, конечно! Это был великий день для французских католиков, не так ли, Адальберта?

– Знаменательный день, – охотно согласилась мадам де Бри, и ее лицо исказила мучительная гримаса, следствие пареза.

– Чем же он примечателен? – спросила Хельга Беккер.

– Вы, что с луны свалились? Двадцатое ноября навсегда останется в нашей памяти, в этот благословенный день в крестильную купель окунули Франсуазу-Маргариту из Савойи.

– Не имею чести знать это дитя, – пробурчал Кэндзи.

– Вы что, смеетесь, месье Мори! Франсуаза-Маргарита – это колокол «Савойяр», самый большой во Франции, дар Савойской епархии базилике Сакре-Кер. Он будет ждать окончания строительных работ справа от главных ворот.

– Я была там в воскресенье с моим кузеном Альфонсом, – вставила мадам Баллю. – И не жалею, там просто рай для торговцев. А на улице Шевалье де ла Барр был большой базар! Кузен сказал, что он словно попал в Марракеш. Там продаются и маленькие копии колокола «Савойяр» для вызова прислуги, и гипсовые статуэтки Девы Марии, и картинки с изображениями Жанны д'Арк на коне и во время молитвы, а еще фигурки святых, я купила

себе одну, Святого Антуана. Но больше всего мне понравились всякие мелочи с изображением Сердца Господня, окруженного пламенем: подушечки для булавок, платки, кольца для салфеток, пеналы, пресс-папье, чашки, тарелки...

– Вы пойдете посмотреть колокол? – обратилась к Кэндзи графиня де Салиньяк.

– Должен признаться, дорогая мадам де Салиньяк, я с детства не люблю толпы, она связана для меня с мятежом или революцией... Кстати, в честь кого называли улицу Шевалье де ла Барр? Кажется, этого молодого человека казнили за то, что он не поприветствовал церковную процессию?

– Именно так. Это случилось больше века назад, месье Мори, – кивнула графиня.

Кэндзи взглянул на свой хронометр.

– Милые дамы, прошу прощения, мне надо уйти, сейчас будут укладывать спать мою внучку. Виктор, позаботьтесь о наших очаровательных клиентках.

Виктор неохотно покинул свое убежище и выдавил из себя любезную улыбку.

– О, месье Легри! – обрадовалась его появлению Олимпия де Салиньяк. – Надеюсь, вы сумеете мне помочь! Я ищу новую книгу Поля Деруледа.

– Увы, мадам, боюсь, я ничего не могу для вас сделать, – сухо ответил Виктор.

– Но почему?

– В нашем магазине никогда не было произведений этого автора.

Возмущенная графиня поджала губы и в сопровождении своей свиты гордо направилась к выходу. Мадам Баллю последовала их примеру.

Перед театром на улице Комартен выстроилась очередь. Кэндзи коротал время, стоя под фонарем и проглядывая в газете рубрику «Премьеры».

Нынче у дам в моде худоба и изысканная бледность, они берут за образец женские образы прерафаэлитов и идут по жизни с лилией в руке, устремив взгляд к небу. Не такова мадемуазель Фьяметта. Лиане де Пужи остается только смириться с поражением! Девиз мадемуазель Фьяметты: «Ad aperturam libri – раскрытая книга», и ей нечего скрывать.словно древнеримская богиня, она предлагает нам познать вкус эпикурейских удовольствий и земных радостей. Публика в восторге! Фьяметта дает возможность вкусить запретного плода, не согрешив при этом. Посмотрите спектакль «Невинные забавы инфанты», и вы будете навсегда покорены...

Кэндзи сложил газету и засунул ее в карман пальто. Он вошел в вестибюль театра, оставил в гардеробной трость и цилиндр и невольно улыбнулся, прочитав объявление у входе в зрительный зал:

Дамам в шляпах вход воспрещен

Кэндзи занял место в ложе бенуара и посмотрел на сцену.

Оркестр заиграл медленный вальс, название которого – «Отдайся мне вся без остатка» – не оставляло ни малейшего сомнения относительно содержания спектакля. Судя по всему, многие зрители хорошо знали слова этой песенки, которые подверглись жестокой критике сенатора Рене Беренжера четыре года назад, потому что потихоньку подпевали:

Отдайся мне вся без остатка,
Пусть сердце стучит...
Отдайся мне вся без остатка
И грудь покажи!
Отдайся мне вся без остатка,
Капля за каплей,

Капля за каплей⁹⁷.

Занавес открылся, представив взору зрителя спальню. Кровать, туалетный столик, секретер, кресло, два стула и мольберт с почти законченным портретом удалого усаха в мундире.

Раздался взрыв оваций, и появилась та, кого все ждали. Глубокое декольте открывало грудь, красная юбка обрисовывала бедра. Брюнетка с матовой кожей и темными глазами напоминала женщин с полотен Гойя.

Фифи Ба-Рен в совершенстве владела искусством пробуждать в мужчинах желание, и ей легко удалось покорить зал. Несмотря на титул княгини Максимовой, она не скрывала честолюбивых устремлений и ничуть не стеснялась, выставя свои прелести напоказ. И вот уже пять недель у ее выступлений был полный аншлаг.

Томно опустив ресницы и приоткрыв губы, она принялась расстегивать корсет. Зал будто сошел с ума. Фьяметта кончиками пальцев взялась за юбку и приподняла ее, демонстрируя аппетитные ножки в черных чулках. Потом повернулась к портрету своего «супруга» и протянула к нему руки. Раздался звон кимвалов. Фьяметта приподняла за подол верхнюю юбку, так называемую *скромницу*, под которой была другая: *плутовка*. С рассеянным видом она провела пальцами с длинными, покрашенными ярко-красным лаком ногтями по бедрам и взметнула юбками. Зал затаил дыхание. Чаровница вздохнула и изящно присела за маленький столик. Оркестр играл все тише, а Фьяметта делала вид, что пишет письмо. Дрожащим голосом, подражая Саре Бернар, она произнесла:

– Мой обожаемый супруг! С тех пор как ты уехал на Кубу, в нашем любовном гнездышке стало так тоскливо... Я бесконечно одинока, в одиночестве встаю, в одиночестве ложусь, всю ночь одна в этой огромной, холодной постели...

Фьяметта промокнула глаза и стала покачиваться в сладострастном танце. Верхняя юбка упала на спинку стула. Вторая взлетела вверх, являя взору зрителей третью, и вскоре присоединилась к первой.

– О, мой Педро! – продолжала Фьяметта. – Зачем ты уехал? Тебя влечет война, только одна война! Я знаю, Куба прекрасна, там тепло, но это так далеко! Мне тебя не хватает!

Кэндзи, как и все остальные зрители, на мог оторвать взгляда от ее тяжело вздымающейся груди под тонкой сорочкой. Его охватили воспоминания о том, как когда-то он и эта женщина предавались любовным играм.

В четвертой сцене Фьяметта, измученная страданиями и одиночеством, окончательно избавилась от юбок и корсета. Она предстала перед зрителями с обнаженной грудью и выражением шаловливой невинности на лице, призвала мужа вернуться и скользнула под простыни.

Опустился занавес, зал взорвался аплодисментами. Запахнувшись в шелковый пеньюар, Фьяметта вышла на поклон. Она тщательно продумала все нюансы роли. Будь она слишком холодна или чересчур развязна, ее бы освистали. Встретившись взглядом с бывшей любовницей, Кэндзи прочел в ее глазах: «Я раздевалась для тебя!». Фьяметта скрылась за кулисами.

Кэндзи выходил из зала последним. Он не мог не признать, что Фифи сумела удержаться на тонкой грани приличий. Но нет, он не пойдет к ней в гримерную с поздравлениями.

Чтобы успокоиться, он отправился на улицу Сен-Пер пешком. «Желание без любви все равно что безвкусное блюдо», – уговаривал он себя.

---

⁹⁷ Слова Гастона Хабрекерна (1866–1917), знаменитого французского шансонье конца XIX века, автора т. н. «чувственных песен».». – Прим. авт.

Внезапно им овладело беспокойство. Неосмотрительно было прятать альбом с фотографиями в хранилище. Кто-то из его компаньонов или Симеон Дельма могли на него наткнуться. Надо забрать его оттуда.

Глава пятнадцатая

Вторник, 26 ноября

Гудок поезда становился все громче, свет фар – все ослепительнее. Эрик застонал и проснулся. Он не сразу узнал тесную комнатку в слабом утреннем свете, и только окончательно придя в себя, сообразил, что именно принял во сне за грохот несущегося поезда: это Барда, марокканский торговец брезентом, чье настоящее имя никто не знал, катил свою тележку по мостовой улицы Верней. Рядом с Эриком лежала на животе, свесив руку с кровати, Кора. Она вернулась из «Пивнушки для холостяков» только под утро и упала в постель, даже не раздевшись.

Эрик поднялся, скрипнув пружинами кровати. Решение созрело у него в голове прежде, чем он успел допить большую кружку кофе с молоком и прожевать кусок черствого хлеба. Дергать за ниточки и наблюдать за развитием событий становилось опасно. Ему надоело ждать, пока тот из членов ассоциации «Подранки», кто владеет пресловутым сокровищем, выдаст себя. Послания от имени Эвариста Вуазена он разослал им еще 19-го ноября. Эрик регулярно покупал ежедневные газеты и просматривал хронику происшествий, но ничего не происходило. Терпение никогда не входило в число добродетелей Эрика, и он решил, что пришло время действовать самому. Да, сегодня же днем он поедет в Карьер-Сен-Дени и познакомится с любителем шампиньонов поближе. Разумеется, забывать об осторожности не следует. Пока он не доберется до сокровища, необходимо соблюдать строжайшую конспирацию.

Эрик поставил кружку на стол и обвел взглядом комнату. В воздухе стоял кисловатый запах пота, спящая девушка не вызвала никаких чувств, кроме жалости, занавески на окне выглядели несвежими и мятыми. Эрика вдруг охватило отвращение, он распахнул окно и вдохнул холодный воздух.

– Превосходная скумбрия! Наисвежайшая жирная селедка! – завопила торговка рыбой.

Эрик подавил приступ тошноты, поспешно оделся и бросился вон из комнаты. Сбежав по лестнице, он заперся в уборной в глубине двора.

Сюзанне Боске вовсе не хотелось платить два франка за вход на каток «Северный полюс» на улице Клиши, 18, но ее слова о том, что она всего лишь зрительница и не собирается кататься, не произвели на кассира никакого впечатления.

«Что за странная идея пришла в голову этой дурехе? Почему надо было назначать мне встречу именно на катке? Тут так холодно! Хорошо еще, я надела теплое пальто и шиншилловую шапочку!»

Сюзанна пробиралась сквозь плотную толпу на просторной крытой галерее вокруг катка, устроенной для тех, кто предпочитал любоваться пируэтами на льду и комментировать их.

Каток, длиной в сорок метров и шириной в двадцать, с металлическими перекрытиями, соседствовал с рыночными павильонами Бальтара⁹⁸. Его освещали электрические лампы, здесь была и большая живописная панорама, изображающая арктический пейзаж. С помощью большого калорифера на катке поддерживалась постоянная температура в пятнадцать градусов, но спортсменам, увлеченно исполняющим пируэты, похоже, было даже жарко.

---

⁹⁸ Виктор Бальтар (1805–1874) – французский архитектор, представитель неоклассицизма. Впервые применил металл и стекло для перекрытий зонтичного типа при строительстве павильонов Центрального рынка в Париже. – *Прим. перев.*

Сюзанна легко нашла подругу, ее высокую фигуру в красном платье с черным поясом и в бордовом капоре с вуалеткой было видно издалека. Ида так ловко скользила по льду, что было ясно – она часто тренировалась. Ее изящные движения приковывали восхищенные взгляды окружающих. Сюзанна попыталась привлечь ее внимание, размахивая руками, но не преуспела, и тогда громко крикнула: «Ида! Ида!» Наконец, когда оркестр взял паузу, подруга услышала голос Сюзанны, грациозно подкатилась к бортику, облокотилась на перила и, чуть запыхавшись, стала отвинчивать полозья коньков, прикрепленные к подошвам ботинок. Она убрала их в сумку из белой холстины с кожаными ремешками и присоединилась к Сюзанне, пройдя по короткому мостику.

– Странная ты женщина, Ида! Зачем тебе, певице, эти упражнения на льду? Впрочем, теперь ясно, почему ты пригласила меня именно сюда – это же в двух шагах от твоего дома!

Ида откинула вуалетку, чтобы расцеловаться с подругой, и Сюзанна с удивлением заметила, что та бледна и растеряна.

– Я рассудила, что каток – такое место, где легко затеряться. За тобой не следили?

– Думаешь, я бы это заметила? Да здесь собралось пол-Парижа! Ты что, прервала гастроли?

– Да, сказалась больной. В любом случае, гастроли заканчиваются послезавтра, и моя дублерша только рада возможности лишний раз выступить. Пойдем к раздевалке, там безопаснее.

Они отошли от галереи и попали в коридор с пронумерованными дверями. Ида достала ключ с номером 38 и, бросив завистливый взгляд на наряд подруги, извлекла из шкафчика свой плащ, отделанный лисьим мехом.

– Ты вернулась домой? – спросила Сюзанна.

– Что ты! Я поселилась в Венсенне, у молочной сестры. Кстати, ты не могла бы послать кого-нибудь в мой дом, забрать у консьержки предназначенную мне корреспонденцию?

– Браво, ты все продумала.

– Скажи, что теперь с нами будет?! С тех пор как прочитала о гибели наших, я просто извелась. Все складывалось так хорошо! В Сермезе меня отлично принимали, каждый вечер были аншлаги, публика аплодировала стоя, мне дарили розы, а теперь...

– Хватит причитать, успокойся! Надо просто подождать, пока все не уляжется, – сказала Сюзанна, сжимая ее плечо.

– Не покидай меня, мне так страшно!

– Что ж, раз ты расклеилась, придется мне взять дело в свои руки.

– Тебе легко говорить! – с обидой воскликнула Ида. – Ты можешь спрятаться на Бель-Респиро, и целое войско лакеев встанет на твою защиту, а любовник всегда будет готов тебя утешить!

– Каждому свое, дорогая. Чтобы добиться цели, я себя не щадила. Надеюсь, ты никому ничего не рассказывала?

– Кому я могла бы... – начала было возмущенно Ида.

– Любовнику, например!

– Мужчины для меня ничего не значат!

– Вот и славно. Я провожу тебя до дома, не спорь, я настаиваю. И, как только что-нибудь прояснится, извещу тебя, и мы все обсудим. Думаешь, я не волнуюсь? Ошибаешься! Просто я не сижу, сложа руки, а действую. И делаю вид, что все в порядке! Ну, хватит, улыбнись, поверь, все уладится.

Вдруг Ида остановилась.

– Вот черт! Забыла сдать коньки, я брала их напрокат. Прошу тебя, сделай это вместо меня, я не хочу привлекать к себе внимание.

Сюзанна нехотя взяла у Иды сумку с коньками и потащила подругу к фиакру.

Таша решила на несколько дней оставить особняк сэра Лимингтона. Бельгийский издатель требовал срочно представить иллюстрации. Акварельный рисунок к сказке «Русалочка» Таша оставила на десерт. Ее героиня из последних сил пыталась удержать над бушующими волнами голову принца. Таша так старательно вырисовывала гребешки волн, что ее лоб покрылся испариной. В такие моменты, когда хозяйка напряженно работала, Андре Боньоль старался ее не беспокоить. И все же, деликатно кашлянув, произнес:

– Мы приготовили рагу из птицы с грибами. Разогреть картофельные биточки на гарнир?

– Да, нет, спасибо, – ответила Таша, задумавшись о том, не глуповатый ли у ее русалки вид.

Боньоль исчез, но вместо него на пороге почти сразу же появился Виктор. Вытряхнув содержимое кувшина и перевернув стопку эскизов, он поднял страшный шум. Раздраженная Таша решила прервать работу и пообедать с мужем, что случалось нечасто. В другой раз она обрадовалась бы такой возможности, но сейчас ей не хотелось отрываться от работы. Она обернулась, и ей показалось, что Виктор куда-то торопится.

– Что ты ищешь?

– Перламутровые запонки, которые Айрис подарила мне на свадьбу...

Таша заметила, что он одет элегантнее, чем обычно. Не у Кэндзи ли он позаимствовал этот шелковый жилет, вышитый крошечными маргаритками? А этого яркого галстука она вообще прежде не видела.

– Почему ты думаешь, что они могут быть здесь?

– Потому что, не обижайся, дорогая, порядка у тебя нет.

– Это касается только моих вещей, – парировала Таша. – На твоём месте я посмотрела бы в туалетной комнате.

Виктор пожал плечами и последовал ее совету. Она не ошиблась, пресловутые запонки там и оказались, однако Виктор не сказал Таше ни слова благодарности, сядя за стол, который она накрыла, пока он был занят поисками.

Она обиженно прикусила губу и с грохотом опустила кастрюли на подставки для блюд. Виктор удивленно посмотрел на нее. Жевал он без всякого аппетита.

– Битки чуть теплые.

– Андре заверил меня, что их лучше есть холодными.

– В этом наши с тобой вкусы не совпадают.

– Только в этом?

Виктор растерянно отложил вилку. Он чувствовал, что Таша раздражена. Чем он ее обидел?

– Что с тобой, дорогая?

– Ничего, просто... ты одет с иголочки! И явно не для меня.

– Все очень просто, – соврал не моргнув глазом Виктор. – Я направляюсь в Друо к важному клиенту, у него есть Мольер 1673 года издания в двенадцатую долю листа. Кэндзи мечтает заполучить эту книгу. Я надеюсь перехватить ее, пока владелец не обратился к оценщикам, чтобы выставить ее на аукцион. Затем планирую справиться о здоровье моего дорогого велосипеда. А вот потом хотел бы помочь тебе снять блузку...

Таша немного успокоилась, и кофе они пили, уже весело смеясь.

Сюзанна Боске спрыгнула с подножки омнибуса на углу улицы Бель-Респиро и Елисейских Полей. Встреча с Идой на катке привела ее в смятение, а путешествие в трясущемся омнибусе измучило. Ступив на тротуар, Сюзанна украдкой обернулась, чтобы проверить, тут

ли кабриолет⁹⁹ с темным верхом, запряженный гнедой лошастью, который уже несколько раз попадался ей на глаза. Но увидела лишь сплошной поток экипажей, движущихся по улице со стороны авеню.

«Наверное, у меня уже галлюцинации. Ничего удивительного, эта каланча мне всю душу наизнанку вывернула. Таких идиотов поискать! Во всяком случае, маловероятно, что ей в ближайшее время понадобятся коньки», – подумала Сюзанна, поправляя ремни на сумке Иды.

Погруженная в эти мысли, она вышла на проезжую часть, не посмотрев по сторонам. Конское ржание, стук копыт несущейся галопом лошади, грохот колес по мостовой заставили Сюзанну повернуть голову. Она остолбенела. Кабриолет мчался прямо на нее, еще мгновение, и она окажется под колесами! Сама не понимая, как ей это удалось, женщина ухитрилась резко отскочить в сторону и упасть на тротуар. Это спасло ей жизнь. Разбив колени о мостовую, она приземлилась на четвереньки, опершись рукой о сумку с коньками. Некоторое время оставалась неподвижной, ожидая, пока немного успокоится отчаянно бьющееся сердце, затем попыталась встать. На помощь ей уже бежал консьерж, подметавший у дверей дома напротив.

– Господи, сударыня, еще немного, и от вас не осталось бы и мокрого места! Этот буйно помешанный будто специально выжидал, пока вы окажетесь на мостовой, чтобы пришпорить свою клячу! Ой, да вы ранены, надо позвать доктора!

Сюзанна осторожно поднялась на ноги, ощупала щиколотки и осмотрела свою ладонь – она порезалась острием конька, торчащим из сумки. Ранка была неглубокая, но кровь так и хлестала.

– Нет, врача не надо! Пожалуйста, возьмите у меня из сумочки шелковый платок и перевяжите мне руку, не то я запачкаю платье.

– Боюсь, это уже случилось, – заметил консьерж, показывая на пятна на юбке и сумке. Он перевязал Сюзанне ладонь, бормоча себе под нос:

– В наши дни нигде нельзя чувствовать себя в безопасности! Вы уверены, что можете идти?

– Я живу неподалеку, обо мне позаботятся.

– Может быть, мне все-таки сообщить в полицию? Эти лихачи представляют опасность для общества.

– Ни в коем случае! – заявила Сюзанна, поблагодарила консьержа и поковыляла к особняку Амори Шамплё-Марейя.

Произошедшее говорило, что ей следует быть настороже.

Молодой лакей в ливрее закрыл решетчатые створки и потянул за рычаг. Пока лифт медленно полз вверх, Виктор вспоминал волосы цвета воронова крыла и чувственный рот той, кого он видел мельком в ресторане на Эйфелевой башне шесть лет назад. Эдокси Аллар, этот нежный суккуб¹⁰⁰, тогда служила машинисткой в «Пасс-парту». Интересно, сильно ли изменилась она после своих знаменитых выступлений в «Мулен Руж»?

Горничная провела гостя в гостиничный номер, окна которого выходили на сад Тюильри. Виктор стоял со шляпой в руке перед картиной, изображающей покаяние грешников. Вскоре послышался шелест юбок, и вошла княгиня Эдокси Максимова в туалете из белого муслина, расшитого фестонами розового бархата.

– Милый месье Легри, я так рада вас видеть! Проходите!

---

⁹⁹ Легкий двухколесный экипаж с одним сиденьем и без козел на высоком ходу. – *Прим. перев.*

¹⁰⁰ Суккуб – в средневековых легендах демоница, посещающая ночью молодых мужчин и вызывающая у них сладострастные сны. – *Прим. перев.*

Плетеная мебель в гостиной превосходно сочеталась с атласными обоями в бледно-желтую и сиреневую полосы. Эдокси предложила гостю присесть и указала на кресло, такое низкое, что у Виктора, едва он сел, сразу же заболела спина. Сама Эдокси удобно устроилась напротив, положив ноги на пуф и демонстрируя изящные щиколотки. Ее пышные волосы отливали иссиня-черным блеском.

– Что же привело вас в мое скромное жилище? – спросила она насмешливо.

– Я хотел бы разузнать о господине Амори де Шамплье-Марейе. Мне сказали, что он – один из ваших близких знакомых.

Эдокси сделала вид, что возмущена, но потом передумала и непринужденно расхохоталась.

– Был когда-то, мой дорогой Виктор, был когда-то. Ничто не вечно под луной. А вы, я вижу, привыкли брать быка за рога! Что ж, отвечу вам прямо: в прошлом году я действительно вскружила голову этому франту, который узурпировал дворянский титул в эпоху Консулата¹⁰¹. Все, что в нем есть хорошего, это тугой кошелек, и он растает с деньгами так легко, что грех было этим не воспользоваться. Однако, когда я решила, что, говоря словами Ламартина, «полно мне, пленясь мечтаньями, здесь надеждам доверять»¹⁰², я нашла себе другого. Амори быстро утешился с Сюзанной Боске, куртизанкой, которая с недавних пор называет себя Афродитой д'Анжьен. Со своими пышными формами она могла бы стать отличной моделью для Рубенса. Между нами говоря, эта простолюдинка Амори в матери годится. Но я знаю его вкусы и не удивлена, что он увлекся ею. Он изображает из себя этакое рыцаря печального образа, и все потому, что рос сиротой. Среди его зрелых, мясистых любовниц я была досадным исключением. Но откуда у вас к нему интерес? Только не говорите, что вы положили глаз на Сюзанну!

– Нет, конечно! Просто прошел слух о том, что месье Амори де Шамплье-Марей намерен собрать хорошую библиотеку. Не подскажете, где мне его найти?

– Он вьет любовное гнездышко для своей богини на улице Бель-Респиро. Это настоящий образчик дурного вкуса! А вы меня разочаровали. Неужели вы пришли только по делу? А как поживает наш дорогой Кэндзи? Я давно о нем ничего не слыхала.

– Лучше не бывает, – кратко ответил Виктор.

– О, не смущайтесь. Мне отлично известно о его отношениях с вашей тещей.

Виктор покраснел как рак. Он тоже об этом знал, но предпочитал делать вид, что ему ничего не известно.

– Успокойтесь, милый Виктор, я не держу на нее зла и не считаю соперницей. Ведь мы обе славянки, правда, я – только по мужу. Причем не готова отказаться от нашей прекрасной родины, ведь здесь умеренный климат, и ночи теплые даже зимой. Помните мою Фьяметту? Она тоскует одна в холодной постели. Ах, Париж! Париж! Надеюсь, вы придете на спектакль в театр «Эден»¹⁰³.

– Э-э, да, разумеется... А что об этом думает князь Максимов? – спросил Виктор, стараясь, чтобы вопрос прозвучал непринужденно.

– Федор привык проводить зиму в Санкт-Петербурге. У него там дела... Мой супруг не боится ни вечной мерзлоты, ни сибирской тундры. Я же, как птичка на ветке, до которой легко дотянуться. Что подделаешь, я такая, и этого уже не изменить. Предпочитаю жить в отеле... Зачем мне мраморный дворец, если в нем я зачахну от тоски? А здесь я могу заводить новые связи с интересными мне людьми... интимные связи, – прошептала Эдокси, вставая.

¹⁰¹ *Консулат*, или эпоха консульства – период в истории Франции (1799–1804), когда страной управляли три консула, должность первого консула занимал Наполеон Бонапарт. – *Прим. перев.*

¹⁰² Из элегии Альфонса Ламартина (1790–1869) «Долина» (Пер. П. Межакова). – *Прим. перев.*

¹⁰³ Позднее – театр «Атене». – *Прим. перев.*

Она скользнула за спину Виктору и принялась тихонько массировать ему плечи. – Ваша супруга, прелестная Таша, тоже славянка. Это нас с вами сближает. Свободны ли вы завтра? Мы бы побеседовали о России, я дала бы вам урок географии...

Шляпа, которую Виктор сжимал в руках, давно превратилась в блин.

– Фифи, откровенность делает вам честь. Но, увы, я предпочитаю хранить верность жене.

– Какое ужасное слово! Я еще не встречала мужчины, который не поддался бы искушению. Мой девиз: «Не плюй в колодец...» Что ж, раз уж вы нашли ко мне дорогу, смею верить, в следующий раз не заблудитесь. Я бы показала вам комнату, где вижу сладкие сны... А пока примите от меня этот скромный подарок.

Эдокси протянула Виктору что-то, похожее на книгу, завернутое в бумагу, и он уже собирался развернуть ее, но она остановила его:

– Нет! Наберитесь терпения и откройте это, лежа в постели, когда ваша прелестная супруга будет пребывать в объятиях Морфея.

Виктор с трудом выбрался из кресла и, попрощавшись с хозяйкой, покинул номер.

Не в состоянии побороть любопытство, он остановился посреди холла отеля «Континенталь» и все-таки развернул пакет: там был альбом с фотографиями. Причем такими, что Виктор залился краской.

– Ах, моя милая мадам Баллю, с маленькими детками столько хлопот! После послеобеденного сна моя внучка проснулась вся в испарине. Айрис была в панике, но я уверена, это режутся зубки. Но, вы думаете, они меня слушают? Как бы не так! Ни сын, ни невестка! Жожо помчался к доктору Рено и оставил лавку на меня! – причитала Эфросинья.

– Не волнуйтесь, голубушка, в такой ливень к вам вряд ли кто-нибудь придет. Мне пора идти, надо переглядить кучу сорочек кузена Альфонса, – заявила мадам Баллю, которая на самом деле торопилась к себе, чтобы выпить грога.

– Что действительно необходимо вашему кузену, так это хорошая жена, – успела вставить Эфросинья, прежде чем консьержка скрылась за порогом.

«Ну что за невезение! – сокрушалась она. – Надо же, чтобы именно сегодня Виктор решил отпроситься, а Кэндзи приспичило отправиться в Гренель оценивать чью-то библиотеку! А этот новый служащий, где он? Его никогда не бывает на месте после обеда! Стоило ли нанимать такого бездельника? Все мы должны нести свой крест... – она тяжело вздохнула. – Что ж, если какой-нибудь клиент все-таки явится, мне плевать, пусть сам разбирается!»

И она открыла тетрадь, чтобы записать рецепт, продиктованный Андре Боньодем.

За покрытой инеем витриной показался силуэт. Тощий высокий мужчина с львиной гривой волос толкнул дверь и вошел в лавку. С ним случился приступ кашля, и он прикрыл рот платком. Отхаркавшись, запахнул златанное пальто и облокотился на прилавок.

– Могу я видеть месье Легри?

– Его нет, – выдохнула испуганная Эфросинья.

– Вот незадача! Неужели я зря тащился в такую даль, да еще под проливным дождем! Я продрог до костей!

Посетитель уже собирался плюхнуться на стул рядом с печкой, но Эфросинья встала перед ним, скрестив руки на груди, словно эльзаска перед полчищем тевтонцев.

– Меня зовут Сиприен Бретеш, – представился мужчина. – Месье Легри, должно быть, упоминал обо мне, я приятель Максанса Вине, ну, или Макса Большое Ухо, если вам так больше нравится.

– Какого Макса? – переспросила мадам Пиньо.

– Большое Ухо. Я собирал его вещи и, когда открыл один журнал, который сам когда-то ему принес, нашел между страниц письмо. Вот и подумал, может, оно пригодится вашему мужу.

– Мой муж умер еще в семьдесят третьем году! Он был солдатом национальной гвардии.

– Вот как? Но тот господин, что меня расспрашивал, был из плоти и крови, это точно!

– Месье Легри – сводный брат моей невестки.

Сиприен Бретеш надул щеки, пытаясь переварить эту информацию. А потом вытащил из-за пазухи конверт.

– Я не собираюсь век тут торчать, так что рассчитываю на вас. Передайте месье Легри это письмо и скажите, что неплохо бы меня отблагодарить: в нашем заведении не больно-то хорошо кормят, скажу я вам.

– Да как вы смее попросить!

– Я не милостыню прошу, а плату за услугу! Право слово, у вас нет сердца! Есть еще кто-нибудь в этой лавчонке?

– Убирайтесь вон!

Эфросинья с грозным видом уставилась на непрошеного гостя. Сиприен Бретеш смачно сплюнул и убрался восвояси, пробурчав на прощанье:

– Что б ты сдохла, жирная медуза!

Жозеф, который привел доктора Рено, застал мать белой как мел. Она лепетала что-то одними губами.

– Мама, с тобой все в порядке? – спросил он, но не стал дожидаться ответа. Его гораздо больше волновало самочувствие маленькой Дафнэ.

– Медуза... Он назвал меня жирной медузой... Жалкий червяк! – возмутилась Эфросинья. Она вскрыла конверт и, вынув оттуда листок бумаги, прочитала:

Месье,

Вам необходимо явиться в пассаж д'Анфер, 20 и обратиться к месье Грандену, служащему нотариальной конторы, по делу о наследстве месье Донатьена Ванделя, скончавшегося 22 октября, который назначил вас наследником при выполнении некоторых условий.

Примите уверения...

– Что за галиматья? Да уж, странные знакомые у месье Легри, и странными делами он занимается. Что-то здесь нечисто! О, Иисус-Мария-Иосиф!

– Журналист? Вы из тех, кто пишет статьи, которые потом печатают в газетах? Первый раз в жизни вижу журналиста! – воскликнула служанка, в обязанности которой входило встречать посетителей в доме Амори де Шамплье-Марейя.

– И каково же ваше впечатление? – спросил Виктор.

Девушка смутилась и глупо хихикнула.

– По большому счету вы не больно-то отличаетесь от простых смертных. Мадам примет вас в библиотеке.

Вдоль свежевыкрашенных стен стояли застекленные стеллажи, но полки их были пусты, если не считать нескольких томов «Литтре»¹⁰⁴. Виктор окинул взглядом кабинетный рояль с вертящимся табуретом, у ножки которого валялась на полу сумка из белой холстины в красный горошек, картину на стене, изображающую псовую охоту, две пальмы в горшках. У переносного камина, в котором не горел огонь, стояло канапе, и на нем восседала жен-

---

¹⁰⁴ Обиходное название знаменитого «Словаря французского языка», названного по имени его составителя, филолога и философа *Эмиля Литтре* (1801–1881). – *Прим. перев.*

щина в платье оливкового цвета с рюшами. На ней было столько украшений, что она напоминала рождественскую елку. Эдокси Аллар вовсе не преувеличивала, Сюзанна Боске действительно могла бы стать моделью Рубенса.

– Мадемуазель Афродита д'Анжьен, я полагаю? – сказал Виктор.

Он склонил голову, чтобы поцеловать хозяйке руку, и заметил, что из подола ее платья выдеран клочок.

Польщенная тем, что журналист назвал ее Афродитой д'Анжьен, Сюзанна одарила его улыбкой и, похлопав рукой по канапе, пригласила присесть.

– Спасибо, я предпочитаю стоять, недавно упал с лошади, повредил колено... Я вас не задержу. Я веду светскую хронику. Княгиня Максимова, близкая знакомая моего друга Гюго Мальпера, дала мне ваш адрес...

– Гюго обхаживает княгиню? Не может быть! – удивленно воскликнула Сюзанна, вмиг забыв про светские манеры. – Максимова... Максимова... – задумчиво повторила она, нахмурив брови. – Не та ли это распутница, что каждый вечер выставляет напоказ свои прелести? Фья... Фья...

– Вы правы, ее сценический псевдоним Фьяметта, и она выступает на сцене театра «Эден», – подтвердил Виктор, с трудом сдерживая смех.

«Значит, Амори дал этой женщине свой адрес? Он продолжает с ней встречаться?! Но как этому медведю Гюго Мальперу удалось добиться ее расположения?» – вертелось в голове у Сюзанны.

– Княгиня о вас очень высокого мнения, – добавил Виктор, чувствуя, что хозяйка недовольна. – Она говорила о вас только в превосходной степени.

Сюзанна Боске поднялась и направилась к пианино. И тут заметила сумку под табуретом. Как она могла забыть ее здесь! Когда час назад она проковыляла в туалетную комнату, чтобы промыть рану на ладони, бросила сумку на пол и с тех пор о ней не вспоминала. Сюзанна наклонилась, надеясь незаметно для гостя поднять сумку, но Виктор ее опередил. То, что он сначала принял за горошек на ткани, при ближайшем рассмотрении больше напоминало пятна крови. Два острых лезвия торчали из открытой сумки. Сюзанна Боске резким движением рванула за ремни.

– Прислуга совершенно отбилась от рук! Хлоя! – рявкнула она.

Прибежала горничная.

– Спрячьте это в шкаф, и поживей!

Сюзанна взяла себя в руки и одарила Виктора обольстительной улыбкой.

– Что же говорила обо мне княгиня?

– Что вы очаровательная женщина, и что месье де Шамплье-Марейю очень повезло. Я полностью разделяю ее мнение и собираюсь написать об этом в моей колонке светской хроники. Я упомяну там и про Гюго Мальпера. Ведь он столь же эксцентричен, как и богат... Я слышал, он возглавляет ассоциацию, членом которой вы являетесь?

– Ну, ассоциация – это громко сказано, – возразила Сюзанна с кислым видом. – Так случилось, что судьба когда-то свела вместе совершенно разных людей. Я встречаюсь с ними только раз в году, в Домоне, и каждый раз, чтобы туда поехать, мне приходится делать над собой усилие. Я общаюсь только с Гюго и певицей Идой Бонваль, остальные – люди не моего круга. Прошу вас, месье.

Она повела гостя в будуар, где камеристка уже поставила на круглый столик кофейный сервиз и тарелочку с пирожными.

– Не понимаю англичан с их дурацкой традицией пить чай. Разрешите угостить вас кофе? Или, может, желаете шоколаду?

– Предпочел бы кофе.

– Таргалетки с клубникой?

– Откроюсь вам, я слежу за фигурой, – сказал Виктор, заметивший еще один круглый столик на одной ножке, на котором лежали газеты.

Его взгляд упал на иллюстрированное приложение к «Пти Журналь», открытое на странице с фотографией: старик с синюшным лицом, открытым ртом и закрытыми глазами лежит на полу фиакра.

– Следите за фигурой? Вы шутите! – воскликнула Сюзанна в изумлении.

– Если есть проблемы с коленями, набирать вес запрещено, так мне сказал доктор.

– Да что вы их слушаете, этих докторов! Надо наслаждаться жизнью!

– Позвольте, я за вами поухаживаю.

Сюзанна согласилась. Виктор наклонил кофейник над чашкой и, сделав вид, что рука у него дрогнула, пролил кофе на скатерть. Раздосадованная хозяйка отскочила, боясь испачкаться.

– Простите, я так неловок.

– Ничего страшного, я позову служанку, – сказала она, стараясь быть любезной.

Едва она вышла, как Виктор подошел к столику с газетами и выудил из стопки «Фигаро». В глаза ему сразу бросился заголовок, напечатанный жирным шрифтом:

ДВЕ СТРАННЫЕ СМЕРТИ В ФИАКРЕ

Из газеты выпал листок бумаги. Виктор поднял его, но не успел рассмотреть, так как Сюзанна уже возвращалась в сопровождении служанки с чистой скатертью в руках. Виктор быстро спрятал листок в карман. Когда последствия досадного инцидента были устранены, хозяйка обратила внимание гостя на копию псише мадемуазель Марс.

– Я настаиваю, чтобы вы рассказали о нем своим читателям. Не забудьте упомянуть, что это редкий экземпляр. Как называется ваше издание?

– «Газетт де Франс», главный редактор Фернан Ксо¹⁰⁵. Я пишу под псевдонимом Господин во фраке.

– Это издание появилась недавно?

– Три года назад. У нас печатались такие знаменитости, как Эмиль Золя, Франсуа Коппе, Октав Мирбо, Анри Бек, Морис Баррес, Леон Доде, Эдмон Ростан¹⁰⁶.

Сюзанна вздохнула.

– Мы, женщины, не интересуемся политикой. Лично я никогда не читаю новости, только модные журналы, ведь блистать в обществе – тяжкий труд! Мне нравится «Семья», дорогой Господин во фраке. Теперь вы, наверное, думаете, что у Афродиты д'Анжьен мечты простой домохозяйки.

– Вовсе нет. Кофе у вас превосходный, но мне пора возвращаться в редакцию. Кстати, эта певица, Ида Бонваль... Раз уж она ваша знакомая, я хотел бы взять у нее интервью. Где она живет?

– Улица Клиши, 24. Но она уже несколько недель на гастролях, в настоящее время выступает в казино Сермез-ле-Бен, потом отправится на юг Франции, а затем ее голосом будет наслаждаться Италия. Милая Ида, как мне ее не хватает! Увы, она далеко, и я не смогу услышать, как она поет...

Виктор подошел к хозяйке, чтобы поцеловать на прощание руку, и от его внимания не укрылось, что она по привычке хотела протянуть ему правую, но, спохватившись, снова подала левую.

---

¹⁰⁵ Фернан Ксо (1852–1899) – французский журналист. – Прим. перев.

¹⁰⁶ Франсуа Коппе (1842–1908) – французский поэт, драматург и прозаик, представитель парнасской школы, с 1884 года – член Французской академии; Октав Мирбо (1848–1917) – французский писатель, романист, драматург и публицист, член Академии Гонкуров; Анри Бек (1837–1899) – французский драматург; Морис Баррес (1862–1923) – французский писатель, член Французской академии с 1906. – Прим. перев.

– Дорогой Господин во фраке, если мне вдруг случайно удастся связаться с мадемуазель Бонваль, где я смогу вас найти?

Ее вопрос застал Виктора врасплох. Он на секунду задумался, а потом выпалил:

– У меня частный кабинет на улице Фонтен, 36, там есть телефон, при моей профессии это необходимо. Но, прошу вас, пусть это останется между нами.

Оказавшись на Елисейских Полях, Виктор вспомнил о листке бумаги, который стащил у Сюзанны Боске. Это была газетная вырезка, и, шагая к месту стоянки экипажей, он ощутил небывалый подъем сил: визит на улицу Бель-Респиро дал расследованию неожиданный поворот.

Успокоившись относительно здоровья малышки Дафнэ, у которой был всего лишь легкий насморк, Жозеф воспользовался передышкой, чтобы пополнить свою коллекцию газетных вырезок теми, что имели отношение к текущему расследованию. Он оставил их на прилавке, ожидая, пока клей высохнет, и взялся за перо. Ударившись локтем о спинку стула, Жозеф высказал немало лестного в адрес количества мебели в лавке. К счастью, ни Кэндзи, ни Эфросинья этого не слышали.

– Ну у вас и манеры! – воскликнул Виктор, неслышно входя в лавку.

Жозеф подпрыгнул от неожиданности.

– Я собирался закрываться и хоть немного прибраться, но тот, кто расставил тут столько мебели, явно желает моей смерти!

– Кстати о смерти, у меня важные новости, – сообщил Виктор и вполголоса пересказал компаньону беседы с Эдокси и Сюзанной.

– Да уж, вы времени даром не теряете! – восхитился Жозеф. – Но что, если об этом узнает Таша?

– Этого нельзя допустить. А вот самое интересное, – Виктор достал газетную вырезку из будуара Сюзанны.

– Боже, да это же упоминание о мессе в память о заместителе начальника вокзала! – воскликнул Жозеф.

– Еще подозрительнее то, что мадемуазель Афродита д'Анжьен пыталась скрыть от меня запачканную кровью сумку, из которой торчали какие-то острые металлические предметы. Ее юбка была порвана, и она прятала правую руку, которая, я полагаю, была ранена. Когда же я заговорил о певице, эта дама заверила меня в том, что мы нескоро сможем ее увидеть.

– Вы полагаете, она могла избавиться от Иды Бонваль?

– К тому же мадемуазель Афродита утверждала, что читает исключительно женские издания, хотя по меньшей мере две из газет, лежащих у нее на столике, говорят об обратном. А эта вырезка доказывает, что о смерти Донатьена Ванделя ей тоже известно.

– Если так, члены ассоциации «Подранки» в опасности, – еле слышно проговорил Жозеф. – Супруги Дюкудре, Гюго Мальпер, Виржиль Сернен, Эварист... Да, совсем забыл рассказать вам, я обзвонил все организации, занимающиеся выращиванием шампиньонов в Париже и его окрестностях, и выяснил, что Эварист Вуазен работает в Карьер-Сен-Дени. Я нанесу ему визит завтра, при условии, что у меня будут развязаны руки.

– Об этом не волнуйтесь, утром я буду в лавке, да и Симеон Дельма тоже. Сам я во второй половине дня собираюсь отправиться на улицу Клиши, 24, это адрес Иды Бонваль.

– А Гюго Мальпер?

– Терпение, друг мой, расследование – это, конечно, важно, но у нас есть и другие обязанности. Нам надо принять меры предосторожности, чтобы не привлечь внимание Кэндзи и Айрис. Что касается Таша, то мне кажется, она о чем-то догадывается. Я пойду, обещал

вернуться домой пораньше. Если Таша спросит, сегодня я вел переговоры с библиофилом с улицы Друо.

– Договорились.

И Жозеф записал в свой блокнот последние новости:

Эдокси Аллар сообщила, где можно найти Сюзанну Боске: у Амори де Шамплье-Марейя, улица Бель-Респиро. Мадемуазель Боске врет, не краснея, ей известно о смерти Донатьена Ванделя.

– Жозеф, закрывайся скорее, пора за стол!

Услышав голос Айрис, Жозеф оставил все как есть и поспешил наверх.

Виржиль Сернен старался думать о чем-нибудь приятном. О Рен Дюкудре, например. Что, если позвонить ей? Нет, не получится, телефон есть только в кабинете доктора Гарро. Он проворчал что-то себе под нос, сел на койке и почесал подбородок. Потом надел халат, на цыпочках прокрался мимо храпящих соседей по палате и выбрался в коридор.

Там Виржиль столкнулся с медсестрой Симоной.

– Месье Сернен, почему вы не спите? Немедленно ложитесь в постель! – потребовала она.

Больной шлепнул ее по задку и прошел в туалет. Сидя на унитазе, он перечитал записку, доставленную накануне курьером.

Дорогой Виржиль,

Твое лечение приближается к концу, не пора ли бежать из темницы?

θ Завтра в одиннадцать мы собираемся в «Миротон де Терн». θ Очень на тебя рассчитываем. Мы приготовили тебе сюрприз...

Твои друзья из ассоциации «Подранки».

Через полчаса он уже шел через сад. Ночь была холодной, но ясной, на небе выпали звезды. Шагая по безмолвным улицам Нейи, Виржиль наслаждался обретенной свободой. Пусть доктор Гарро катится к черту со своей шафранно-опийной настойкой! Прогулка пошла Виржилю на пользу, почки его не беспокоили. Добравшись до улицы Понселе, он почувствовал прилив сил. Неужели он наконец окажется в своем уютном гнездышке, обретенном благодаря доброте покойного Эмиля Легри...

Ресторан был пуст. Виржиль вошел и, на ощупь найдя выключатель, зажег свет. В помещении было чисто, но он заметил вдоль плинтусов хлопья пыли. Горе толстой Мариетте, если она не убирала как следует подвал! Виржиль бросился к аквариумам, чиркая спичкой и зажигая по пути газовые фонари. Увиденное заставило его впасть в оцепенение: аквариумы были пусты, а столы, на которых они стояли, и пол вокруг усыпаны осколками стекла.

– Нет... Нет... Господи, только не это... Где же вы, мои милые малютки?

Услышав шорох, Виржиль обернулся и увидел ящерицу, которая ползла по каменному полу. Он опустился на колени. Как спасти ее, не покалечив? Надо подсунуть под лапки бумагу. Виржиль нащупал в кармане полученную записку. Он уже собирался развернуть ее, когда легкий шелест заставил его выпрямиться. Звук шел из корзины, стоящей на сервировочном столике. Виржиль осторожно приподнял крышку и вскрикнул, еще не осознавая того, что произошло. Жгучая боль пронзила его руку. Он нагнулся и увидел змею. Это не один из его любимых ужей, у этой змеи были зубы!

Страх парализовал его. Виржиль приник губами к крошечной ранке. Главное не поддаваться панике. Он схватил полотенце и повязал на предплечье повыше ранки, с помощью вилки скрутил его и затянул так крепко, как только мог.

– Гадюка! Это гадюка... Надо сделать надрез...

Виржиль схватил острый нож для мяса, надрезал кожу там, куда вонзились зубы змеи, снова поднес руку к губам, отсосал кровь и выплюнул ее. Надо сесть. Успокоить бешено бьющееся сердце. Он почувствовал слабость, упал в старое кресло и ослабил жгут. Осмотрел опухшую руку, и глаза его наполнились слезами. Приступ тошноты заставил его сложиться пополам, и он, казалось, различил на обоях темный силуэт в желтых пятнах. Саламандра? Виржиль впал в оцепенение. Разум затуманивался, гигантская тень уже достигла потолка. Корзина поднялась над его головой. Дверь приоткрылась, Виржиля Сернена обдало сквозняком, и все вокруг погрузилось в темноту.

Он был один в глубине колодца, он задыхался. Внезапно его отбросило в туннель, в конце которого он увидел яркий белый свет.

Глава шестнадцатая

Среда, 27 ноября

Симеон Дельма был очень доволен собой. За время службы в книжной лавке «Эльзе-вир» этот пакет, перевязанный тонкой бечевкой, удался ему лучше всего, и если бы Жозеф был сейчас здесь, то не преминул бы его похвалить. Но месье Пиньо отбыл куда-то рано утром, и сегодня его насвистывание и веселые замечания не смогут оживить по-зимнему холодную атмосферу книжной лавки.

Кэндзи Мори не сиделось на месте: он устраивался то у печки, то возле светильников Ауэра. Виктор наблюдал краем глаза за двумя клиентами, внимательно изучавшими трактаты на средневековой латыни. Он отчаянно замерз, несмотря на то, что надел теплую шерстяную фуфайку.

Дверь распахнулась, и в магазин влетел порыв ледяного ветра. Разъяренная Эфросинья стояла на пороге, размахивая конвертом.

– Да закройте же дверь! Вы что, хотите, чтобы мы все тут окоченели! – воскликнул Кэндзи.

– Вы намекаете, что я медуза, да?! – оскорбилась мадам Пиньо.

– Причем здесь Медуза Горгона? Я просто прошу вас беречь тепло, которое мы с таким трудом поддерживаем.

Эфросинья с такой силой захлопнула за собой дверь, что стекла в витринах задрожали, а колокольчик неистово зазвонил. Наступила тишина, какая обычно бывает перед бурей.

Симеон Дельма укрылся в комнатке за магазином, прихватив с собой пакет, предназначенный для мадам де Салиньяк. Любители латыни, которых отвлекла перебранка, снова погрузились в изучение трудов Святого Августина и Фомы Кемпийского¹⁰⁷. Кэндзи вернулся к своему каталогу.

Виктору пришлось в одиночестве противостоять мадам Пиньо. Его самоотверженность ее только раззадорила. Бессвязный поток слов полился с ее губ. Все, что копилось в ней со вчерашнего дня, вырвалось наружу, и, кроме оскорбивших ее слов о медузе, там фигурировали какие-то большие уши Макса, а некто длинный как жердь смеялся и харкал на кладбище.

Виктор несколько минут терпеливо слушал это, потом прервал Эфросинью, королевским жестом указав на винтовую лестницу.

– Я слушаю вас вот уже пять минут, – ровным тоном произнес он, – но вы не в состоянии связно изложить, что произошло. Сделайте глубокий вдох и расскажите все по порядку, четко выговаривая каждое слово.

Кто-то за спиной Виктора прыснул со смеху. Он не поверил своим ушам. Неужели это Кэндзи?

Воскликнув «Ах, нелегко мой крест!», Эфросинья постаралась собраться с мыслями. Кэндзи взлетел по лестнице подобно дикой белке, покупатели испарились.

– Вчера какой-то тип, похожий на вестгота¹⁰⁸, – сказала уже гораздо спокойнее мадам Пиньо, – вручил мне для вас это письмо. Он нес какую-то чушь: якобы он приятель некоего

---

¹⁰⁷ *Фома Кемпийский* (Томас Хемеркен; 1378/1380–1471) – средневековый голландский теолог. – *Прим. перев.*

¹⁰⁸ *Вестготы* – германское племя, представлявшее собой одну из двух главных ветвей племенного союза готов; считаются одними из предков современных испанцев и португальцев. – *Прим. перев.*

Макса Большое Ухо, а конверт он нашел в журнале «Смех»¹⁰⁹. Я ему не поверила, так он сравнил меня с медузой и пожелал мне поскорей отдать концы. Ночью у меня было учащенное сердцебиение, – проворчала она, протягивая Виктору конверт.

Виктор постарался изобразить раскаяние.

– Мне очень жаль, что он так непочтительно обошелся с вами, – прошептал он.

– Не надо делать вид, что вы мне сочувствуете, я вижу вас насквозь!

Изображая всем своим видом оскорбленное достоинство, Эфросинья удалилась.

Убедившись в том, что Симеон Дельма по-прежнему скрывается в комнатке за магазином, Виктор ознакомился с содержанием письма. В нем Максансу Вине предлагали явиться к помощнику нотариуса Грандену по делу о наследстве, в которое адресат может вступить при выполнении некоторых условий. Что бы это значило? Адрес нотариальной конторы: пассаж д'Анфер, 20, удивил Виктора больше всего, он никогда не слышал о таком.

«Значит, нотариальная контора мэтра Грандена. Что ж, мы с Жозефом просто обязаны посетить ее», – подумал он.

– Кэндзи! Я сбегая в табачный киоск! – крикнул он, решив не дожидаться Жозефа.

Он немного успокоился, только когда добрался до бульвара Сен-Жермен.

Кэндзи вернулся в лавку, чтобы взять бразды правления в свои руки. Его удивило отсутствие Симеона Дельма, но заметив, что рядом за бюстом Мольера горит красная лампа, он понял, что служащий спустился в хранилище. Кэндзи испугался, что тот случайно наткнется на альбом с фотографиями Фьяметты, и отправился туда же. Симеон вышел ему навстречу из бывшей лаборатории Виктора.

– Чем вы там занимаетесь?

– Искал в энциклопедии информацию о Медузе Горгоне. Меня заинтересовали ваши слова, сказанные мадам Пиньо. Оказывается, у Медузы было две сестры, Эвриала и Стено.

– Признаться, никогда о них не слышал. Интересно, не от имени ли Стено произошло слово «стенография»?

– Нет, месье Мори, об этом там не написано.

Кэндзи дождался, пока Симеон уйдет, схватил компрометирующий альбом, спрятал его поглубже во внутренний карман сюртука и поднялся наверх.

Книги, недавно приобретенные им у вышедшего в отставку профессора Сорбонны, были уже распакованы и сложены аккуратной стопкой. Кэндзи с удовольствием подержал в руках великолепное издание Расина на тонком пергаменте в переплете из красного сафьяна и направился к своему письменному столу. На прилавке среди бумаг лежал черный молескин¹¹⁰. Кэндзи без труда узнал его – он принадлежал Жозефу, который клеивал туда газетные вырезки о необычных происшествиях, снабжая пометками. Молескин был открыт, и Кэндзи, не сдержав любопытства, заглянул в него. Он увидел две газетные вырезки, в первой из которых говорилось об смертях в фиакре, причем имена погибших подчеркнуты, а на полях рукой Виктора написано: «*Проверить... Когда? Где?*». Кэндзи взглянул на дату и понял, что эту газету он сам принес в лавку в тот день, когда получил подарок от Эдокси. Вторая вырезка содержала объявление о заупокойной мессе. Там тоже была пометка, на этот раз сделанная детским подчерком Жозефа: «*Эдокси Аллар сообщила, где можно найти Сюзанну Боске: у Амори де Шамплье-Марейя, улица Бель-Респиро. Мадемуазель Боске врет, не краснея, ей известно о смерти Донатьена Ванделя*».

---

¹⁰⁹ Еженедельное юмористическое издание, которое выходило в Париже с 1984 года. – Прим. перев.

¹¹⁰ Молескин – торговая марка итальянской компании «*Modo&Modo*», производящей канцелярские товары, преимущественно записные книжки. Классический молескин представляет собой черную тетрадь в твердом переплете, запирающуюся на эластичную ленту, с закладкой. – Прим. перев.

Кэндзи нахмурился. Жозеф встречался с княгиней Максимовой?! И тут он понял: его компаньоны снова взяли за старое! Эдокси Аллар и Сюзанна Боске интересуют их только в связи с очередным расследованием! Но кто такой Донатьен Вандель?..

«Что ж, хорошо, что я в курсе, – подумал Кэндзи. – Когда птичка кошку не боится, кошке легче ее сцапать».

Жозеф с трудом выбрался из переполненного вагона пригородного поезда и зашагал по талому грязному снегу. Он вообразил себя путешественником, исследователем сибирской тундры, и это помогло ему перенести тяготы изнурительного блуждания сначала по деревне Уй, а затем по Карьер-Сен-Дени. Идея отправиться сюда быстро утратила свою привлекательность, тем более, что утомленному путнику не встретились по пути ни прохожие, способные указать ему дорогу, ни омнибус, ни фиакр. Жозеф сделал вывод, что лучше жить в Центральной Азии, чем в отдаленном пригороде Парижа. От путевода не было толку, и он пожалел, что не прихватил с собой компас. Наконец, какая-то крестьянка указала ему верное направление. Совершенно измученный, он свернул к видневшейся невдалеке четырехугольной деревянной башне.

– Неужели там выращивают шампиньоны? – удивленно пробормотал он.

Подойдя к башне, он увидел что-то вроде вентиляционного люка, заглянул в него и обнаружил ведущие вниз ступеньки. Похоже, ему, подобно Эдуарду Альфреду Мартелю¹¹¹, предстоит путешествие в недра земли. Он осенил себя крестным знамением, чтобы придать храбрости, сев на край люка, нащупал ногами ступеньки и стал осторожно спускаться.

– Я кролик из «Алисы», я горный гном, я Гамельнский крысолов¹¹²... – бормотал Жозеф себе под нос.

Наконец, он почувствовал под ногами твердую почву. Бледноватый свет керосиновых ламп освещал длинный тоннель. Жозеф продвигался вперед, стараясь не вдыхать влажный воздух, насыщенный резким запахом грибов. Вскоре тоннель расширился, и вдалеке стали видны движущиеся тени. Убедившись, что попал не в логово дракона, а на плантацию шампиньонов, Жозеф некоторое время наблюдал за работниками, наполнявшими корзины, пока один из них не окликнул его:

– Что вы здесь вынюхиваете?

– Я хотел бы поговорить с Эваристом Вуазеном, у меня к нему срочное дело.

– Вы слышали, «он хотел бы»?! Что ж, приятель, тогда бегите напрямик в морг, Эварист уже пять дней как там!

– Он умер?! – выдохнул Жозеф, испуганно глядя на собеседника, молодого парня в рубахе с закатанными рукавами.

– Мертвее некуда! – спокойно ответил тот.

– Это был несчастный случай?

– Если это несчастный случай, значит, толстяк Луи подал ему жавелеву воду¹¹³ вместо обычного пойла. Он и нашел труп Эвариста в пятницу вечером. Теперь толстяк Луи за решеткой.

Жозеф взбирался вверх по ступенькам с такой скоростью, словно за ним гнались по пятам. Теперь его целью был полицейский участок.

---

¹¹¹ Эдуард Альфред Мартель (1859–1938) – французский ученый, географ, картограф, основоположник спелеологии. – Прим. перев.

¹¹² Гамельнский крысолов – персонаж средневековой немецкой легенды: музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увел за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно. – Прим. перев.

¹¹³ Жавелева вода – раствор хлорноватисто-натриевой или калиевой соли в воде; приготовлена впервые на заводе в городке Жавель близ Парижа в 1792 году. Применялась для отбеливания тканей и выведения пятен. – Прим. перев.

Комиссар разгадывал ребус в местной газете. Неохотно прервавшись, он выслушал Жозефа и уставился на него, задумчиво теребя бороду.

– Неужели газетчикам больше не о чем писать? Смертью от отравления сейчас никого не удивишь. Как бы там ни было, вы опоздали, один из ваших коллег тут уже побывал. Право слово, вы, репортеры, чуете трупы за версту!

– Я работаю на «Пасс-парту». А тот репортер какое издание представлял?

– Он беседовал не со мной, а с Гутье.

– Может, и мне обратиться к этому вашему сотруднику?

– Его сейчас нет на месте: он ловит одного карманника.

– Возможно, тот человек обманул вас и на самом деле он вовсе не газетчик?

– А почему я знаю, что вы говорите правду?

Жозеф с оскорбленным видом предъявил удостоверение, которое ему выдал по его просьбе Изидор Гувье, хроникер «Пасс-парту».

– Ладно уж, – проворчал комиссар, вновь принимаясь за свою бороду, – скажу вам, что знаю, лишь бы вы оставили меня в покое. В пятницу 22 ноября около девяти часов вечера Луи Фортен, трактирщик из Карьер-Сен-Дени, прибежал в участок и в ужасе сообщил нам, что один из его клиентов отдал концы прямо в заведении. Я взял с собой двоих людей и прибыл туда. При виде жуткой гримасы, исказившей лицо покойного, я сразу заподозрил отравление. Тут возможны два варианта: либо самоубийство, либо убийство. Тело увезли на вскрытие, а бутылку с вином отправили на анализ. Результат уже известен, там был стрихнин. Луи Фортен на допросе нес сущий вздор: якобы Эварист Вуазен должен был встретиться с какими-то двумя женщинами, и это они передали ему бутылку москаде.

Комиссар громко расхохотался.

– Никогда не поверю, что трактирщик возьмет у кого-то бутылку вина, у него ведь есть свое. Луи утверждает, что те две девицы прислали ее Эваристу в качестве извинения за свое опоздание. Покопавшись в прошлом Фортена, мы обнаружили, что его уже задерживали за побои и членовредительство. Так что следствие склоняется в пользу версии убийства. К тому же, мадам Вуазен утверждает, что у ее супруга не было причин покончить с собой.

– Она живет здесь же, в Карьер-Сен-Дени?

– Вы что, собираетесь взять у нее интервью? – вскричал комиссар.

– Наши читатели должны знать все подробности.

– Не нравится мне это, но лучше я сам вам скажу, чем вы начнете расспрашивать всех подряд. Так вот, мадам Вуазен проживает на улице де Ла Грю. Что касается Фортена, то если он виновен, то ему не отвертеться. Дело ведь передали Аристиду Лекашеру.

– Инспектору Лекашеру?

– Да, его привлекли к расследованию вчера, когда версия самоубийства отпала, – неохотно признался комиссар. – А вы что, с ним знакомы?

– Только понаслышке.

– Поговаривают, что он получил должность благодаря своим связям, – буркнул комиссар.

«Мама, наверное, сказала бы, что эта лачуга до сих пор не развалилась только благодаря вмешательству Святого Духа», – подумал Жозеф, найдя по указанному комиссаром адресу странное сооружение из обломков кирпича, кое-как замазанных цементом, и кусков листового железа.

В дверном проеме появилась чумазая девчушка.

– Мели, кто там? – послышался визгливый женский голос.

– Какой-то месье, – ответила девочка.

На кухне пахло аппетитно. Мальчик, такой же грязный, как его сестра, не сводил глаз со сковороды, в которой что-то стряпала его мать, худая, изможденная, рано постаревшая женщина. Мальчик и женщина враждебно уставились на Жозефа. Паренек показал ему язык, а его мать отвернулась и продолжила свое занятие. Вскоре первый блин шлепнулся на тарелку.

– Кто вы такой, полицейский? Или еще один писака?

– Значит, журналист к вам уже приходил?

– Да, вчера днем, и задал мне кучу вопросов.

– А как он выглядел?

– Вы что думаете, я его разглядывала... Стервятники, вот кто вы есть! Оставьте нас в покое, моего Эвариста больше нет. Что будет с нами, со мной, с детьми, теперь, когда этот лентяй оставил нас? – Она налила новую порцию теста в сковороду и добавила: – Вы, что ли, будете нас кормить? Где же тогда ваша корзина с продуктами?

Дети захихикали, но, дождавшись второго блина, тут же забыли про гостя. Через несколько секунд их тарелки были пусты.

– Счастье еще, что соседи принесли нам яиц, муки и масла. На помощь старших детей я не могу рассчитывать!

Жозеф достал из кармана монету и положил ее на стол.

– Ух ты! Пять франков! – ахнула девчушка и протянула к ней руку, но мать опередила ее.

– Ваш муж часто посещал заведение Луи Фортена? – спросил Жозеф.

– Была б его воля, он бы там и ночевал! Да только Эварист был трусоват и ходил у меня по струнке! Если бы я в пятницу не прочитала то письмо...

– Какое письмо? – спросил Жозеф, вытаскивая из кармана еще две монеты по одному франку.

Мадам Вуазен ответила с неохотой:

– Я его сожгла. – Она прикусила губу. – Не хотела, чтобы муж встречался с этими потаскушками...

– Идой и Сюзанной, Сюзанной и Идой, – затараторили наперебой ребяташки.

– А ну, замолчите! – приказала им мать.

– Письмо было подписано этими именами? Поймите, мадам, это очень важно! Ведь в тюрьму посадили человека, который, возможно, невиновен!

– Вы о Луи? Да пропади он пропадом, этот жирный боров. Вечно прикрывал Эвариста, когда тот шлялся по бабам! Как бы там ни было, никаких доказательств нет, говорю же, письмо я сожгла!

Мадам Вуазен с вызовом смотрела на Жозефа.

– А другое оставила! – выкрикнул ее сын.

– Заткнешься ты, в конце концов, или нет?! – рявкнула она и взмахнула рукой, собираясь залепить мальчишке пощечину.

– А что, было еще и второе письмо? – Жозеф выгреб из кармана целую горсть мелочи и высыпал ее на стол.

Мадам Вуазен посмотрела на деньги и заорала на детей:

– Чтоб духу вашего здесь не было!

Оставшись с женщиной наедине, Жозеф заявил:

– Имейте в виду, у меня не осталось ни су. Либо вы скажете мне правду, либо я вернусь в участок и сообщу, что вы скрываете важную для следствия информацию.

– Что вы меня пугаете? Если мой рассказ напечатают в газете, результат будет такой же!

– Не беспокойтесь, я подам все так, что вы не будете замешаны в этом деле. У нас, у журналистов, есть свои источники информации...

Мадам Вуазен нахмурилась, сунула руку в карман фартука и извлекла оттуда мятый конверт.

– Вот это письмо. Я ведь не круглая идиотка, понимаю, что извещение от нотариуса надо сохранить.

– От нотариуса?

Жозеф в волнении заглянул в конверт: он был пуст.

– Вот паршивцы, они стащили письмо! – воскликнула женщина. – Ну, я им задам!

– Может, вы запомнили имя и адрес нотариуса? – не скрывая разочарования, спросил Жозеф.

Она пожала плечами.

– Да разве все упомнишь? Там было много всяких слов, я не стала вникать. Думала, вот Эварист вернется...

Она, казалось, только сейчас осознала, что муж не вернется никогда. Но это вызвало у нее не печаль, а озлобленность.

– Говорю же: это вылетело у меня из головы! Я, что, не ясно выразилась? Что вам еще от меня надо?! Явились сюда без приглашения и теперь требуете, чтобы я изливала вам душу?! А ну, убирайтесь!

Жозеф отошел от дома на несколько метров, когда услышал свист. Он обернулся и увидел детишек Вуазена, стоящих в тени крытого гумна. Он подошел к ним.

– Дайте нам монетки, получите письмо! – сказал мальчик.

– А ты, похоже, не пропадешь, малец!

Жозеф пошарил в карманах и понял, что денег у него осталось только на обратную дорогу. Он поразмыслил минуту и решил расстаться с подарком отца – перочинным ножиком с роговой ручкой.

– Это – или ничего, – поставил он ультиматум.

Дети вполголоса посоветовались.

– Идет, – сказал мальчик.

Обмен произошел в мгновение ока, и Жозеф вдруг понял, что пожертвовал памятью об отце ради мятого клочка бумаги.

«Маленькие негодники! – пробормотал он. – Да здесь только обрывок! И все же это, возможно, даст нам недостающее звено в цепочке. Интересно, соизволит ли дорогой Виктор оценить мою жертву?»

От письма сохранилась лишь часть:

Месье,

Вам необходимо явиться в пассаж д'Анфер, 20 и обратиться к месье

Грандену...

– Вы молодец, Жозеф! Жаль, конечно, что мы не можем прочитать письмо полностью, но теперь я точно знаю, мы на верном пути, – прошептал Виктор, когда Жозеф вручил ему свой трофей в подвале книжного магазина.

Жозеф чуть не задохнулся от возмущения:

– Ах, вот как! Вы меня просто используете, а вся слава достанется вам! Да я при вас, как в штрафной роте! – И он запел:

В штрафной роте мы маршируем,
И нельзя отставать;
Когда разводящий кричит: «Чётче шаг!»,

Надо маршировать...¹¹⁴

– Ничего подобного, мы ведем расследование на равных.

– Я продрог до костей, может быть, теперь слягу или даже умру, а вы будете почивать на лаврах! Имейте в виду, в случае моей смерти вам придется взять на себя заботу о моих жене и дочери!

– Уймись, Жозеф, у меня нет времени петь вам дифирамбы. Повторяю еще раз: мы действуем сообща. И, благодаря вам, расследование продвигается. Ведь мне передали послание, предназначенное Максансу Вине, и это тоже приглашение в пассаж д'Анфер к служащему нотариальной конторы Грандену.

– Вот как?! Значит, всех их связывает какое-то наследство! Я должен немедленно это записать. – Жозеф похлопал себя по карманам и побледнел. – Мой блокнот! Я потерял его! Это катастрофа!

– Когда вы в последний раз держали его в руках?

– Не помню... Ах да, вчера вечером! Меня позвала Айрис, и я... Вот черт, я забыл его на прилавке! Только бы он был там...

Он со всех ног бросился наверх, в лавку. Кэндзи сидел за своим столом, Симеон Дельма расставлял на полках тома «Человеческой комедии». Жозеф с непринужденным видом скользнул за прилавок, и из его груди вырвался вздох облегчения – драгоценный черный молескин лежал под стопкой бумаг. Он поспешно сунул его в карман, не заметив насмешливого взгляда Кэндзи.

Солнце, казалось, решило все же навестить в столицу, чтобы доказать парижанам, что не оставляет их своим вниманием. Виктор слез с велосипеда. После ремонта тот был, конечно, уже не так хорош, как прежде, и по улице Клиши Виктору пришлось идти пешком, толкая велосипед перед собой.

На тротуаре перед домом номер 24 толпились люди. Виктор прислонил велосипед к стене, присел на корточки, делая вид, что проверяет, как работают педали, и прислушался.

– Ох, уж эти артисты! Это настоящее бедствие для приличного дома! – воскликнула невысокая женщина в вязаной шали. – Ходят туда-сюда, пачкают лестницу, а ведь на улице постоянно идет дождь! Заявляются после полуночи, а ты им дверь открывай! К примеру, прошлой ночью этот писака с пятого этажа, ты помнишь его, Зефирен?

– Конечно, – подтвердил усатый мужчина в зеленоватой кепке. – Они вечно не дают нам спать, мы с Титиной просто валимся с ног от усталости! Да-а, скажу я вам! Раньше это был приличный дом, но потом большинство наших жильцов переехали в более престижные кварталы, и тут поселились всякие голодранцы!

– Это точно! – горячо поддержал его сторож из парка, бывший вояка с пустым рукавом куртки, приколотым к плечу английской булавкой. – Мы вынуждены жить рядом со шлюхами и бездельниками! У них есть обе руки, но они ни черта не делают! А вот я, месье Плюше, по-прежнему служу родине, хотя пострадал, исполняя свой гражданский долг!

– Ну да, месье Жоблен, почти все поступили так же.

– Ну да, кроме тех, кто ни в армии служить не хочет, ни работать! Мой отец умер, месье Плюше, в сорок три года. Нас у него было пятеро, и без лишней скромности скажу, все выросли порядочными людьми. Теперь такого не бывает...

– Вы правы, месье Жоблен, – согласилась пожилая женщина, дергая таксу за поводок. – Нынче в газетах твердят, что Франции нужны дети. Увы, у меня их нет, зато есть мой Фенуйяр, с ним мне не так одиноко.

---

¹¹⁴ Песня Аристиды Бриана, писателя, актера, шансонье, 1891 год. – *Прим. авт.*

– У вас славный пес, – заметил месье Жоблен. – А вот и наша Амеде! Привет, ты принесла мою пенсию?

– Привет честной компании. Нет, Жоблен, я не принесла тебе пенсию, зато у меня есть письмо для вас, мадам Альфонзина.

Мадам Плюше поспешно распечатала конверт, воскликнула «О!», и ее лицо озарила улыбка.

– Это от мадемуазель Иды, она не забыла про нас, Зефирен.

– Фенуйяр, прекрати, глупая собака, ты же удавишься! – закричала пожилая женщина. – Можно мне тоже посмотреть, мадам Плюше?

Обе с восторгом разглядывали программку казино в Сермез-ле-Бен.

– «Мадам Альфонзине Плюше и ее супругу месье Зефирену Плюше на память о гастролях “Ла Маскотт”. С наилучшими пожеланиями», – прочитала вслух счастливая консьержка. – Как это приятно – получить от такой известной певицы подарок! Я вклею эту программку в наш семейный альбом, ладно, Зефирен? Мы обожаем оперетту. А вы, месье Жоблен, любите музыку?

– Только военную!

Виктор решил, что пора вмешаться:

– Добрый вечер, дамы и господа, – сказал он, приблизившись, и посмотрел на мужчину: – Если не ошибаюсь, вы здешний дворник?

Зефирен Плюше окинул его недоверчивым взглядом.

– Ошибаетесь, месье, я – консьерж.

– Прошу меня извинить.

– Ваши извинения приняты. Но впредь не путайте, это разные должности: я отвечаю в этом доме за все. Чем вам помочь?

– Я хотел бы послать букет цветов мадемуазель Иде Бонваль. Она ведь здесь проживает?

– Ее сейчас нет, она на гастролях, за ее квартирой присматривает мадам Плюше.

– А вы не знаете, когда она вернется?

– Вы знакомы с ней лично? – насторожилась Альфонзина Плюше.

– Я имел удовольствие наслаждаться ее пением в салоне у графини де Салиньяк и хотел бы выразить свое восхищение.

– Это очень любезно с вашей стороны, но насчет цветов вам лучше повременить, не то, боюсь, они успеют завянуть. Мадемуазель Бонваль вернется не раньше Рождества.

– Бесконечно вам признателен, мадам. Вам повезло, вы ведь имеете счастье часто видеть такую знаменитость.

Заметив, что Альфонзина Плюше зарделась от удовольствия, Виктор продолжил атаку:

– Полагаю, мадемуазель Бонваль получает много писем от поклонников...

– О, да. Но она дама приличная и не требует, чтобы мы приносили их ей, сама спускается за почтой. Вчера от нее приезжал посыльный, чтобы забрать корреспонденцию. Я все отдала, ведь он показал мне записку, написанную ее рукой. Она собирается пожить за городом у какой-то знатной дамы. Будет там репетировать перед выступлением в Елисейском дворце, а в январе следующего года мадемуазель Бонваль, по слухам, даст сольный концерт в присутствии президента Феликса Форы и его супруги.

– А знатная дама, у которой она поселилась, случайно, не Афродита д’Анжён, у нее есть поместье недалеко от Домона? – спросил Виктор с деланным равнодушием.

– Альфонзина, ты слишком много болтаешь, – заметил Зефирен Плюше. – Месье, мы не обсуждаем с незнакомыми людьми своих жильцов. Все, что мы можем вам сказать, это что в настоящее время мадемуазель Бонваль находится в Сермез-ле-Бен. Мое почтение.

Виктор приподнял шляпу и снова оседлал велосипед. Миновав дом номер 18, он поехал вдоль длинного здания, на котором висела огромная вывеска:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Катание на коньках на настоящем льду

Виктор вздрогнул. В голове вертелась какая-то мысль: «Катание на коньках на настоящем льду»! Его осенило: полозья! Он видел полозья коньков в заляпанной кровью сумке, которая валялась на полу в квартире Сюзанны Боске! Сердце у него бешено заколотилось. Он должен быть уверен. Виктор развернулся и поехал в обратную сторону. На тротуаре возле дома номер 24 уже никого не было, за исключением пожилой женщины с таксой.

– Мадам! Простите, еще один маленький вопрос. Вы знакомы с мадемуазель Бонваль?

– Мы живем с ней на одной лестничной клетке.

– Вы не знаете, бывает ли она на катке «Северный полюс»?

– О да, она часто проводит там время. Настоящая королева льда. Фенуйяр, будь умницей, пописай! – обратилась она к собаке, которая обнюхивала фонарный столб. – Меня это всегда удивляло, ведь ей надо беречь свой голос. А зачем вам...

Но Виктор был уже далеко.

Он ехал, энергично нажимая на педали, по направлению к улице Прованс и тщетно пытался сложить вместе детали мозаики. Пока что ясно было только одно: члены ассоциации «Подранки» один за другим отправлялись на тот свет, и, если не поторопиться с решением этой загадки, скоро их останется не больше, чем пальцев одной руки.

Глава семнадцатая

Четверг, 28 ноября

В этот поздний (или ранний) час – в зависимости от того, гуляли ли вы всю ночь или мучились бессонницей, – в город полновластной хозяйкой вошла зима. Виктор осторожно брел по тротуарам, еще сухим накануне днем, а теперь покрытым первым снегом. На пересечении улиц Нотр-Дам-де-Лоретт и Ларошфуко одинокий фонарь высвечивал лунный ореол перед канализационным люком.

Ночь – пора темных делишек и лихих людей. Но ни одна тень не потревожила Виктора, ничто не могло поколебать его блаженного состояния. Проснувшись среди ночи, Таша закричала и прижалась к нему. Они с таким пылом занимались любовью, что были сами поражены неистовству своей страсти. Запыхавшаяся, растрепанная, раскрасневшаяся Таша сказала:

– Я хочу есть.

Кладовая оказалась пуста, и Виктор принес себя в жертву. Вот почему в четыре часа утра он шел по направлению улицы де Шатоден, где находилась круглосуточная булочная Рикье. Он издалека почувствовал аппетитный запах свежей выпечки и с благодарностью подумал о тех, кто не покладая рук месил тесто, прерываясь только для того, чтобы промочить горло глотком дешевого красного вина.

Он вошел в лавку, где на прилавке аккуратными горками лежали белые булочки, багеты и продолговатые хлебцы, посыпанные сахарной пудрой.

Кроме него, покупателей не было, и к нему тут же бросились две потаскухи. Он не обращал на них внимания, дожидаясь, пока хозяйка булочной положит для него в пакет несколько румяных круассанов.

– О! У меня не будет сдачи! – воскликнула она при виде купюры, которую он ей протянул. – Нитуш, сбегай, разменяй деньги в аптеке на Монмартре!

Пухленькая девушка с круглым, в ямочках, лицом вытерла руки о передник и схватила купюру. Ожидая, пока она вернется, Виктор присел за столик в углу и огляделся. Вокруг сидели, попивая ликер, уличные проститутки, уставшие мерить шагами тротуар. Водрузив корзину со свежим хлебом на голову, юный подмастерье уже готов был тронуться в путь. Бродячая собака вертелась у дверей. Маленькая оборванка прошла между столиками с висящим на лямке лотком, предлагая духи с резким запахом пачули и крошечные кусочки туалетного мыла. Нищий, получив от хозяйки несколько сухих горбушек, запустил лапу в глубокий вырез на груди потаскушки и получил звонкую оплеуху. Внимание Виктора привлек разговор двух старьевщиков.

– Только представь, ты приходишь в ресторан, усаживаешься, делаешь заказ. Тебе приносят тарелку, а в ней – скорпион, или ящерица, или еще какой гад!

– У меня нет денег на рестораны!

– Мишу, я же сказал: представь. В любом случае, ничего удивительного, что того типа укусила змея.

– Виржилъ Сернен уже ни на что не пожалуется.

– Простите, месье, о ком вы говорите? – поинтересовался Виктор.

Старьевщики недоверчиво покосились на него, пытаясь угадать, не полицейский ли это в штатском. И все же один ответил:

– О трактирщике с улицы Понселе, которого укусила змея. Неудивительно, ведь он держал у себя всяких ядовитых гадов. Это было во вчерашней вечерней газете. – И он протянул ее Виктору.

Владелец ресторана «Миротон де Терн», хорошо известного любителям местной кухни, месье Виржилль Сернен, находился на лечении в клинике доктора Гарро. Вечером 26 ноября он вернулся в свой ресторан. Его безжизненное тело обнаружила одна из официанток, мадемуазель Маринетта Гассанди. Если верить врачам, осмотревшим тело...

Виктору пришлось вернуть газету старьевщику, так как пришла Нитуш, разменявшая деньги, и хозяйка булочной уже отсчитывала ему сдачу. Настроение у Виктора испортилось. Неужели еще один член ассоциации «Подранки» покинул мир живых?..

Эрик зажег лампу, схватил вчерашнюю газету и еще раз перечитал заметку о загадочной смерти Виржиля Сернена. Похоже, он, Эрик, разворошил настоящий муравейник! Возможно, ему самому теперь тоже грозит опасность... Кора ушла к какому-то клиенту. В комнатухе было душно, и Эрик приоткрыл окно. Послышались мерные тяжелые шаги: полицейские совершали утренний обход вверенной им территории.

Эрик снова улегся на кровать, положив под голову скомканную подушку. Уже пять часов утра, но уснуть ему, похоже, сегодня больше не удастся. Впервые в жизни он оказался в самом центре трагических событий. Это пьянило его и в то же время пугало. Кто совершил все эти убийства? Один из тех двоих, кто приходил к нему в пассаж д'Анфер? Или любой другой из членов ассоциации, кто хотел единолично владеть сокровищем? Эрик мысленно перечислил тех, кто все еще был в игре: Гюго Мальпер, Рен и Лазар Дюкудре, Ида Бонваль, Сюзанна Боске. Две последние вызывали наибольшие подозрения: Эрик узнал от детей вдовы Вуазен, что письмо, в котором их отцу назначили встречу в трактире, где бедняга и умер, было от Иды и Сюзанны.

Сокровище! В его ценности теперь не было сомнений, поскольку тот или та, кто желал завладеть им, совершал все новые тщательно продуманные убийства.

Улица Верней просыпалась. Повозки молочников катили по мостовой, громяхая жестяными канистрами. Торговцы выставляли столики с товаром на тротуар.

«Спать. Ночи, проведенные без сна, похожи на преддверие ада. Спать. Ни о чем не думать...», – уговаривал себя Эрик. Увы, все усилия были напрасны. Он понимал, что рискует не выбраться из этой переделки живым, а потому должен разоблачить убийцу, пока тот не добрался до него самого. Сейчас его цель – Ида Бонваль и Сюзанна Боске.

«Все началось в Домоне. Книготорговец, блондин, проклятые проныры!.. Все, расслабься, ни о чем не думай, спи».

Пылкие ласки любимого не успокоили Таша – она все еще была под властью ночного кошмара. Когда вернулся Виктор с круассанами, они выпили кофе, снова легли в постель и уснули. Рассвет застал их готовыми к новым любовным баталиям.

Потом Таша, закрывшись в туалетной комнате, расчесала и завязала лентой свои пышные рыжие волосы. И вдруг страшный сон снова встал у нее перед глазами: Виктор идет ей навстречу через поле, вдруг налетает песчаный вихрь и погребает его под собой. Таша бросается к мужу, разгребает песок обеими руками, но никак не может добраться до него. Она проснулась вся в поту, вцепившись в Виктора, словно утопающий в спасательный плот.

Звон посуды рассеял наваждение. За стеной, на кухне Виктор споласкивал чашки, из которых они пили кофе. Таша припудрила синяки под глазами.

Виктор прошел через лабораторию и, стараясь ступать неслышно, направился в спальню, где недавно установил второй телефонный аппарат из палисандрового дерева, прикрыв его к стене. Его надежды оправдались, трубку взял Жозеф.

– Придумайте какой-нибудь предлог и немедленно бегите за газетой. Виржиле Сернен – очередная жертва, – проговорил он вполголоса. – Как и Деода Брикбек, и Максанс Вине, и Эварист Вуазен. Я одеваюсь и еду в ресторан на улице Понселе, затем приду в лавку.

Виктор закончил разговор. Он был так раздражен несообразительностью компаньона, что не обратил внимания на легкий скрип половиц у себя за спиной.

Таша тихо прикрыла дверь. На упаковке от туалетного мыла торопливо записала четыре имени, упомянутые Виктором. Медлить больше нельзя, пора бить тревогу. Но к кому обратиться? К Айрис? Нет, не стоит ее волновать, ей хватает забот с маленькой Дафнэ. Остается только один человек. Да, но как с ним связаться, не привлекая внимания? Если трубку снимет Симеон Дельма, еще полбеда, но если это будет Жозеф, он тут же узнает голос Таша. Она решила прибегнуть к старому проверенному способу: попросить Андре Боньоля отнести Кэндзи записку.

Едва Виктор выехал на бульвар Клиши, как выяснилось, что обод колеса погнулся. Виктор выругался, наградив торговца велосипедами, который занимался и их починкой, нелестными эпитетами, и продолжил путь.

Фасад ресторана «Миротон де Терн» был обит деревянными панелями, выкрашенными в бледно-зеленый и лимонно-желтый цвет. Виктор ожидал, что тут все оцеплено полицией, но ошибся. Он потянул за ручку двери и оказался в большом помещении с длинными столами. Высокая, грузная женщина с кудрявыми волосами мыла полы. Виктор кашлянул. Она подняла голову и мрачно посмотрела на него.

– Закрыто. Я забыла задвинуть засов после ухода инспектора. Вы тоже из полиции или просто посетитель?

– Я был близко знаком с беднягой Виржилем. Известие о его кончине меня потрясло. Надо же, чтобы человек, который так любил рептилий, погиб от укуса змеи!

Женщина кивнула.

– Да, он любил этих тварей. Да только его питомцы были не ядовитые. Уж мне-то это хорошо известно, я их кормила.

– Сразу видно, что вы добрый человек, животные всегда это чувствуют, – заметил Виктор, надеясь завоевать ее расположение.

Ему это удалось: женщина окинула его изучающим взглядом, отставила швабру и, вытерев руки о передник, протянула ему руку.

– Меня зовут Маринетта Гассанди. Я работаю тут уже семь лет, хозяин мне доверял. Не представляю, что будет со всеми нами теперь, когда его больше нет... Боже, я никак не могу привыкнуть к этой мысли! Ведь здесь, кроме меня, служили еще две официантки, два повара и кассирша. А что делать с питомцами хозяина, теми, что выжили? Две ящерицы и саламандра подошли.

– Может, его друзья возьмут их к себе?

– Ха! Какие друзья? Те, что писали ему дурацкие письма?!

– Эти письма у вас?

Женщина насторожилась и снова внимательно посмотрела на Виктора. Он понял, что придется прибегнуть к испытанному средству.

– Мое имя – Жозеф Пиньо, я служу в книжной лавке. Поверьте, я умею хранить тайны – это знают и мои хозяева, и наши клиенты.

Маринетта пригладила руками свою пышную шевелюру.

– Я нашла три письма: одно – под стулом и два – в карманах месье Виржиля. Это ведь я его обнаружила – это было ужасное зрелище! Так вот, я их припрятала, потому что подумала, что они от его любовниц. У хозяина их было две, Мелани и Ивонна, и они вечно из-за него ссорились. Затем я известила полицию. Но, хотя инспектор Лекашу... Лекашьян... не помню точно его имя, раз десять задавал мне одни и те же вопросы – по-моему, он слишком высокого о себе мнения! – я не сказала ему о письмах ни слова.

Виктор порылся в своем портфеле и извлек оттуда розовый конверт, подарок Рафаэль де Гувелин, мысленно похвалив себя за то, что не выбросил его.

– Вот билет в ложу бенуара театра де ля Републик на спектакль «Приключения Томаса Плюмпата», пьесу Гастона Маро в пяти актах и двенадцати сценах. Я предлагаю вам его в обмен на эти письма!

Маринетта Гассанди замороженно смотрела на конверт. Ей очень хотелось пойти в театр, но она сомневалась, что может ради этого раскрыть чужую тайну. И все же обмен состоялся: розовый конверт за два листка бумаги.

– Только никому не говорите про письма, – прошептала Маринетта. – Их вообще надо было сжечь. Я рада, что избавилась от них, теперь полицейским до них ни за что не добраться! Уйдут отсюда не солоно хлебавши! А вам я доверяю, месье. – И она кокетливо улыбнулась Виктору. – А где находится ваша книжная лавка?

– На улице Барбе-де-Жуи, 22.

Виктор распрощался с Маринеттой Гассанди, оседлал свой многострадальный велосипед и покатил к авеню де Терн.

Увидев Андре Боньоля, как всегда чопорного и подтянутого, Эфросинья воздала хвалу небу. Хорошо, что он явился в тот момент, когда Зульму Тайру отправили в магазин забрать заказанные Айрис обновки.

– Мы принесли письмо для месье Кэндзи Мори, – важно объявил бывший метрдотель.

– Спускайтесь в магазин, месье Мори там, а потом приходите на кухню, я переписала для вас несколько рецептов, думаю, они вам пригодятся.

– Благодарю вас, я непременно вернусь.

Уходя, Андре Боньоля не удержался от того, чтобы поискать взглядом даму своего сердца.

– А нашей дорогой Зульмы здесь нет! – с притворным сожалением заметила Эфросинья, перехватив его взгляд.

– Мы выразим ей наше почтение в следующий раз, – важно заявил Андре Боньоля и удалился.

Мадам Пиньо подумала о том, что вполне могла бы составить конкуренцию этой бестолковой Зульме. Единственное, что ее смущало, это королевское «мы» Андре Боньоля. А что если поцеловать его в щеку? Нет, она никогда не позволит себе такую вольность. Покойный месье Пиньо был совсем другим. Ему хватило глотка чего-то горячительного в кафе на набережной Вольтера, чтобы объясниться в любви юной Эфросинье Курлак. Так стоит ли ей вообще прикладывать какие-то усилия, чтобы завоевать сердце чопорного Андре Боньоля? Может ли быть такое, чтобы за его внешней невозмутимостью скрывался мужчина, способный воскликнуть в решающий момент: «Эфросинья, я люблю вас! Согласны ли вы выйти за меня замуж?». ... Потому что, если это прозвучит как: «Мы вас любим! Согласны ли вы выйти за нас замуж?», придется признать, что она против многомужества.

Когда Андре Боньоля вошел в лавку, Кэндзи радовался удачному завершению сделки: ему только что удалось продать одному состоятельному коллекционеру пять томов «Декамерона» Боккаччо, изданных в 1757 году. Он передал клиента в руки Жозефа, который сидел

за кассой, и велел Симеону упаковать книги. Взяв из рук Андре Боньоля записку Таша, Кэндзи внимательно прочитал ее. При этом на его лице не дрогнул ни единый мускул.

– Пришла моя очередь отлучиться, – сказал он своим помощникам. – Это личное дело, я постараюсь вернуться через час. Спасибо вам, Андре.

Кэндзи поднялся к себе, чтобы переодеться, а Андре Боньоля направился к Эфросинье на кухню.

– Вот, как и обещала, я переписала для вас несколько особых рецептов, например, курица с устрицами и морской скат с грибами: надо сварить шампиньоны в приправленной уксусом воде, нарезать чеснок и лук, посолить, обжарить в масле, и только потом добавить их к скату.

– Мы... мы не любим этих... хрящевых рыб, которых надо засовывать в кипяток, – пробормотал Андре Боньоля.

– Я разделяю ваше мнение. Как говорит отец моей невестки: «Когда рыбка поймана, негоже снова совать ее в воду». Но если бы у вас была сноха, которая не ест мяса, вам бы тоже пришлось готовить морепродукты! Да что я такое говорю, ведь чтобы иметь сноху, нужен сын, а чтобы иметь сына, нужна жена, – проворковала Эфросинья, придвигаясь к своей жертве почти вплотную.

Андре Боньоля схватил рецепты и попятился, как краб, к выходу.

– Мы бесконечно благодарны вам за этот бесценный дар, – произнес он.

– Но я еще не все вам рассказала! Есть еще пикша в соусе из сливочного масла, морские петушки¹¹⁵ со шпинатом, рисовый суп с миндальным молоком... Эй, куда же вы!

Увы, Андре Боньоля уже и след простыл.

«Вот так всегда! – расстроилась Эфросинья. – Вы из кожи вон лезете, чтобы соблазнить мужчину, а он бежит от вас как от чумной!»

Заинтригованный запиской Таша, Кэндзи дошел по улице Жакоб до дома номер 47 и остановился у главного входа в больницу «Шарите». Почему Таша захотела безотлагательно переговорить с ним? Ее возмущает безнравственное поведение матери? Или, может, она задумала бросить Виктора?

Он сразу заметил знакомую шляпку с маргаритками на копне ослепительно рыжих волос. Молодая женщина была одета в короткую серую шерстяную накидку и бархатную юбку цвета слоновой кости. При всей скромности своего наряда, Таша выглядела среди больных, гуляющих в саду, королевой среди придворных. Поцеловав ей руку, Кэндзи шепнул на ухо:

– Подумать только, а ведь когда Виктор ухаживал за вами, я был против!

– А я всегда жалела, что вы не мой отец, несмотря на то, что наши взгляды во многом расходятся. Впрочем, мое желание в некотором роде исполнилось.

Таша лукаво улыбнулась.

– Что вы имеете в виду? – смутился Кэндзи.

– Ну как же, ведь выйдя замуж за вашего приемного сына, я стала почти что вашей дочерью. Вот почему ваш портрет висит на почетном месте у меня в мастерской.

Кэндзи вздохнул с облегчением – ему на мгновение показалось, что Таша имеет в виду его роман с ее матерью Джиной – и поздоровался с сидящим неподалеку молодым человеком. Тот читал книгу «От Мазаса до Иерусалима» Зо д'Акса, и Кэндзи узнал в нем своего попутеля.

– А я, в свою очередь, никогда не устану любоваться вашим пейзажем, изображающим парижские крыши на рассвете, который висит напротив моей кровати, – ответил он.

---

¹¹⁵ *Морской петушок (vongole)* – тип одного из самых маленьких моллюсков, живущих в раковине. – Прим. перев.

– Спасибо, но я позвала вас не для того, чтобы обмениваться комплиментами. Дело серьезное: Виктор снова ввязался в расследование, и я очень за него беспокоюсь. Сегодня утром он звонил Жозефу и сказал, что убит некий Виржилль Сернен. И назвал еще троих убитых, я записала их имена.

Таша сунула свекру в руки упаковку от мыла.

– Деода Брикбек, Максанс Вине, Эварист Вуазен, – прочитал Кэндзи.

Он тотчас вспомнил про газету «Фигаро» с пометками, забытую Виктором в бывшей фотолаборатории. Два имени были подчеркнуты карандашом: Деода Брикбек, служащий обсерватории, и Максанс Вине, рабочий-литейщик. Эти двое погибли от удушья в фиакрах. Был еще блокнот Жозефа, в котором упоминались Эдокси Аллар, Сюзанна Боске и двое мужчин: Амори де Шамплье-Марей и Донатьен Вандель. Кэндзи поделился этой информацией с невесткой.

– Нет никаких сомнений: они снова взялись за старое! – удрученно воскликнула Таша и тихо добавила: – Возможно, Виктору необходима время от времени подобная встряска, обыденность наводит на него скуку...

– Но ведь ему есть чем заняться: книжная лавка, фотография... – возразил Кэндзи. – И вы, у него есть вы.

Таша покраснела, тронутая его словами.

– Увы, сталкиваясь с какой-то тайной, он не в силах устоять. Скажите, что мы с вами можем предпринять?

Кэндзи пригладил рукой прядь седеющих волос. Он чувствовал, что стареет, хотя никогда в этом не признался бы. Ему все труднее противостоять энергии сына и зятя. Невозможность изменила ему, и он воскликнул:

– Трагедия на площади Бастилии ничему его не научила! Если бы не никелевый хронометр, револьверная пуля пронзила бы его грудь!¹¹⁶ – Вот видите! Виктор снова готов ходить по лезвию бритвы, не беспокоясь о том, что при этом чувствуем мы с вами! И Жозефа за собой тянет. Этому необходимо положить конец, но я не знаю как...

– Для начала договоримся о том, что будем делиться любой имеющей отношение к делу информацией. Но если Виктору и Жозефу приспичит куда-то уйти, я не смогу их остановить!

– Как нельзя остановить ветер, – согласилась Таша.

Они скрепили свой союз рукопожатием, которое немного смутило их обоих.

Предчувствия не обманули Кэндзи. В тот же день оба его компаньона исчезли из магазина: Жозеф сослался на какую-то экспертизу, Виктор – на встречу с фотографом Альбертом Лонде¹¹⁷.

Они сели в фиакр, который привез их на улицу Кампань-Премьер, где они зашли на ферму, торгующую яйцами, маслом и сыром, и выпили по стакану теплого молока, глядя на кур, копавшихся в овечьем помете.

– У нас есть три письма, – сказал Виктор. – Под первым стоит подпись «*Твои друзья из ассоциации "Подранки"*», и в нем Виржилю Сернену обещают большой сюрприз, под которым, вероятно, подразумевалась ядовитая змея. Почерк, которым написаны два других письма, совпадает. Одно – в точности такое же, какое получил Максанс Вине, – это приглашение к мэтру Грандену в пассаж д'Анфер по поводу завещания Донатьена Ванделя. Дру-

---

¹¹⁶ См. роман «Тайна квартала Анфан-Руж». – Прим. авт.

¹¹⁷ Лонде Альберт (1858–1917) – французский исследователь, медик. В 1878 году в больнице Сальпетриер использовал способ хронофотографии душевнобольных для изучения протекания заболевания. Также применял сконструированный им аппарат для изучения баллистики. Фотографии Лонде воспринимаются теперь и как художественные произведения. – Прим. перев.

гое, подписанное Эваристом Вуазеном, предостерегает об опасности со стороны кого-то из членов ассоциации, который, по всей вероятности, сводит с остальными счеты.

– Вы провернули эту операцию блестяще, дорогой компаньон! – воскликнул Жозеф. – Меня радует, что благодаря Маринетте инспектор Лекашер остался с носом. Но кто строит все эти козни, по-прежнему непонятно. Зачем понадобилось подделывать почерк нотариуса?

Виктор нахмурился:

– Начнем с того, что выясним, существует ли нотариус вообще.

Пассаж д'Анфер, несмотря на зловещее название, выглядел тихим и мирным. На антресольном этаже дома номер 20 была только одна закрытая дверь. Компаньоны долго стучали, но никто им так и не открыл. Наблюдательный Виктор заметил на деревянной стене сбоку от двери следы от гвоздей, свидетельство того, что там была прикреплена табличка. На третьем этаже здания действительно располагалась нотариальная контора, однако на медной дощечке возле двери значилось другое имя: «Мэтр Турнефор». Клерк с напыженными волосами сообщил им, что никакой Гранден в их конторе, где он сам имеет честь служить вот уже пять лет, не числится.

– Встречали ли вы когда-нибудь своего соседа с антресольного этажа?

– Их двое, и, судя по сходству, они – родные братья.

– Их фамилия Гранден?

– Как зовут этих молодых людей, мне неизвестно.

– Значит, они молоды?

– Я бы сказал, им где-то между двадцатью и сорока годами.

– Весьма точное определение, – буркнул Жозеф.

– Это приличные, любезные люди. Я живу на первом этаже, и шаги над головой меня немало раздражают, но эти соседи никогда не доставляют беспокойства. А вот их предшественник, преподаватель колледжа, имел отвратительную привычку ходить взад-вперед по комнате, декламируя басни Лафонтена. Я был вынужден месяцами слушать их, испытывая «страх перед вторым башмаком»...

– Каким башмаком? – удивился Жозеф.

Клерк с сочувствием посмотрел на него.

– Это выражение означает, что вы напряженно ожидаете, что вот-вот раздастся грохот, как если бы на пол внезапно свалился тяжелый башмак и сейчас упадет второй. А с такими соседями, как братья Гранден, раз уж вы утверждаете, что их так зовут, я сплю спокойно.

– Не могли бы вы описать их внешность? – попросил Виктор.

– Один блондин, второй рыжий. Рыжий выходит из дома рано утром, мне случалось сталкиваться с ним и обмениваться приветствиями. Блондин возвращается поздно вечером, и мы с ним тоже вежливо здороваемся. Чем они занимаются, мне неизвестно. Это все. Прощайте, господа.

Виктор и Жозефом стояли на лестничной площадке озадаченные.

– Полный провал, – разочарованно произнес, наконец, Жозеф.

Глава восемнадцатая

Пятница, 29 ноября

В пятницу утром солнце, видимо, решило вовсе не вставать над Парижем. Но если улица Сен-Пер выглядела мрачно, то ярко освещенные витрины книжной лавки «Эльзевир» не только согревали своим видом сердца прохожих, но и дарили тепло тем, кто заходил внутрь.

Юбка-брюки фрейлейн Беккер открывала полные икры в туго зашнурованных ботинках, а ее уже начинавшие сесть волосы, заплетенные в косу и закрученные в пучок под шляпкой с перьями, придавали ей вид состарившейся девочки. Она ворвалась в магазин, держа в руке длинный предмет цилиндрической формы, так стремительно, что чуть не сбила с ног писателя Реми де Гурмона, мужчину со следами оспы на лице и с пенсне на крупном носу.

– Гутен таг, месье Мори, приветствую вас, господа! – провозгласила фрейлейн Беккер, обращаясь к Виктору, Жозефу, Симеону и трем посетителям. – Посмотрите на эту афишу, не правда ли, она прекрасна? Я сорвала ее со стены дома, расположенного по соседству от моего, на улице Нотр-Дам-де-Лоретт...

Она развернула рекламу, изображавшую пару фигуристов в «Ледовом дворце» на Елисейских Полях. Кэндзи порывлся в своем столе и извлек оттуда какой-то листок.

– Возьмите для вашей коллекции. Мне прислали это на прошлой неделе из Лондона, это вырезка из «The Illustrated Sporting and Dramatic News», сомневаюсь, что у вас есть такой экземпляр.

Фрейлейн Беккер с благоговением рассматривала рисунок, изображающий Папу Римского в митре. Он сидел на престоле, украшенном страусиными перьями, и держал в правой руке чашку, на которой было написано «Боврил». Напротив него на подставке из резного дерева стояла огромная шахматная ладья, освещенная тремя свечами, на которой тоже было выгравировано «Боврил».

– Очень оригинально! Хотя я предпочитаю рекламные листовки, восхваляющие достоинства велосипедов, – заключила фрейлейн Беккер.

– А что такое «боврил»? – поинтересовался один из покупателей, одетый весь в черное.

– Экстракт из говядины для приготовления бульона, – ответил Кэндзи.

– Но это же безнравственно! – возмутился покупатель. – Англичане – настоящие безбожники! Я считаю это диффамацией по отношению к католикам и вынужден буду сообщить об этом моим коллегам из газеты «Ла Кру»¹¹⁸. Использовать папу, чтобы рекламировать бульон! Причем говяжий! Позор!

Хлопнув дверью, он выбежал из магазина, а Кэндзи многозначительно повертел пальцем у виска. Виктор, который при упоминании о «Ледовом дворце» крепко задумался, сделал знак Жозефу следовать за ним в комнатку за магазином.

– Итак, у нас есть полозья коньков и запачканная кровью сумка, которые я заметил у Сюзанны Боске, а Ида Бонваль, между тем, бесследно исчезла.

– Исчезла? Но вы же говорили, что она за городом, репетирует в гостях у какой-то знатной дамы, и что 26 ноября присылала за своей почтой!

---

¹¹⁸ Название газеты «La Croix» переводится с французского как «Крест». Видимо, речь идет о каком-то религиозном издании. – Прим. перев.

– Разве у нас есть доказательства того, что именно она прислала посыльного? Это мог сделать и убийца. Например, Сюзанна Боске.

– Но какой у нее мотив? Она как-то связана со лже-нотариусами братьями Гранден? И где бы она спрятала тело? Тоже под пианино, что ли? – Жозеф подумал минуту и вдруг выпалил: – А вдруг Ида Бонваль хочет, чтобы ее считали погибшей, чтобы удобнее было... убивать самой!

– Такое тоже не исключено. Вернемся к исходному пункту: из десяти человек, бывших в добром здравии в августе, в живых осталось пятеро – если считать, что Ида уцелела. Двое, выдающие себя за нотариусов, играют в этой истории ключевую роль. Необходимо как можно скорее связаться с оставшимися в живых членами ассоциации и предупредить их о грозящей им опасности!

– Но нас с вами тоже только двое, не разорваться же нам! В магазин игрушек я больше не пойду: хозяин несет околесицу, а его жена ведет себя так, словно вот-вот меня укусит! К тому же Айрис считает безобразными этих зверушек, которых я купил там для Дафнэ!

Жозеф выудил из кармана деревянные фигурки медведя, жирафа и слона. Виктор взял их в руки и улыбнулся:

– Я покупаю их у вас. Подарю мадам Баллю на Рождество, – сказал он, протягивая Жозефу купюру.

– Да вы что, с ума сошли?! Эти уродцы столько не стоят! – смутился тот.

Но Виктор уже думал о другом.

– Кэндзи не появится тут до понедельника, а значит, одному из нас придется приглядывать за магазином. Выбирайте: Гюго Мальпер или работа.

– Ладно уж, поеду в Домон... – нехотя пробормотал Жозеф и мрачно вздохнул: – Еще одно богом забытое место!

– Вы же всегда мечтали о дальних странствиях! – усмехнулся Виктор, похлопывая его по плечу.

Кэндзи наблюдал, как Симеон Дельма демонстрирует двум постоянным клиентам редкие издания. Увиденное его удовлетворило. Он дождался, пока нагруженная корзинами с овощами Эфросинья, тяжело ступая, поднялась по лестнице, подошел к шуртку, который Виктор повесил на спинку стула, и сунул руку в карман. Украдкой взглянув на свою добычу – три мятых конверта, Кэндзи поспешно сунул их под свои лежащие на прилавке перчатки и стал небрежно перелистывать купленную Жозефом «Пасс-парту». Заметив, что Симеон Дельма направляется в его сторону, Кэндзи взял газету и вернулся за свой стол. Почему Виктора заинтересовала смерть Виржилия Сернена? Есть ли связь между этим любителем рептилий и еще тремя персонажами, чьи имена записала Таша?..

Один из клиентов, месье Шаламель, обратился к Кэндзи за помощью, и тот, скомкав газету, засунул ее между бюстом Мольера и напольными часами аккуратно в тот момент, когда хмурый Жозеф снова появился в лавке. Он явно искал свою газету.

– Месье Мори, вы не брали мою «Пасс-парту»?

– Конечно, нет. Я предпочитаю «Ле Тамп» или «Фигаро».

– Не понимаю, куда она могла подеваться?

– Ваша матушка только что была здесь, а вы знаете, зачем ей нужны газеты.

Перед глазами Жозефа сразу возник крюк в домике в дальней части двора, на который Эфросинья прикрепляла куски бумаги.

– Это катастрофа! Я как раз собирался изучить...

– Биржевые котировки, я полагаю? – насмешливо вставил Кэндзи.

– Не теряйте время, вы купите газету на вокзале, – прошептал Виктор на ухо Жозефу, подталкивая его к выходу.

– Зимой сыскная горячка обостряется, – пробормотал Кэндзи, и месье Шаламель от неожиданности уронил книгу Бероальда де Вервиля¹¹⁹.

Чем ближе подходил Жозеф к замку Буа-Жоли, тем громче слышался лай собак. Он заметил человека с рукой на перевязи, вероятно, садовника, в окружении огромной своры псов, один страшней другого. Закрученные вверх усы, всклокоченная борода и огромные сапоги придавали мужчине сходство с колдуном из народных сказок. Напуганный Жозеф уже был готов дожидаться, пока этот странный персонаж со своими псами куда-нибудь уйдет, но потом нашел в себе силы крикнуть:

– Милейший, я хотел бы переговорить с Гюго Мальпером!

Бородач распрямился и шикнул на собак.

– Это я, месье.

Жозеф шел к нему медленно, готовый удрать в любую минуту. Однако животные вели себя смирно, за исключением упитанной самки с туго перевязанной бинтами задней лапой.

– Спокойно, Пишетта. Она недавно чуть было не погибла от укуса хорька, с тех пор стала беспокойной, – объяснил гостю Гюго Мальпер.

– А вы? – спросил Жозеф, держась поодаль.

– Что вы имеете в виду?

– Что у вас с рукой, тоже хорек укусил?

Гюго Мальпер насторожился:

– Кто вы такой, месье? Что вам тут надо?

– Меня зовут Жозеф Пиньо, я журналист из «Пасс-парту». Я приехал сюда специально, чтобы предупредить вас об опасности... Возможно, вас хотят убить.

– Спасибо за предупреждение, – мрачно усмехнулся Мальпер. – Да только оно немного запоздало, меня на днях пытались зарезать.

Жозеф остолбенел.

– Вы видели нападавшего?

– Я успел заметить только тень. Скажите, месье журналист, а откуда вам известно, что меня хотят убить?

– Вы состоите в ассоциации «Подранки»?

– Да.

– Вы в курсе, что за последнее время убиты несколько ее членов?

Гюго Мальпер в таком изумлении уставился на Жозефа, что тот подумал: либо этот человек искусный притворщик, либо он действительно ничего не знал.

Мальпер загнал своих псов в вольеры и вернулся к гостю. Жозеф решил играть ва-банк:

– Мне кажется, вы меня не поняли, месье Мальпер. Максанс Вине и Деода Брикбек убиты, не так ли?

– Вздор! Я в курсе, как они погибли, это был несчастный случай.

– С обоими?

– Всего лишь досадное совпадение. Вы, журналисты, вечно делаете из мухи слона...

Но кого еще вы имели в виду?

– Виржиль Сернен скончался от укуса ядовитой змеи, Эварист Вуазен отравился вином.

Гюго Мальпер смотрел на Жозефа в растерянности.

– Видимо, мне следовало серьезнее отнестись к предостережению Эвариста... Но кто принимает во внимание слова пьянчужки?.. – прошептал он потрясенно.

– А он вас о чем-то предупреждал? – оживился Жозеф.

---

¹¹⁹ Франсуа Бероальд де Вервиль (1556–1626) – французский писатель конца XVI – начала XVII века. – Прим. перев.

– Я получил от него письмо. Он сообщил, что его вызывает нотариус по поводу какого-то завещания. И что-то о том, что один из нас сводит счеты...

– Это письмо мог написать кто угодно. Вы его сохранили?

– Выбросил.

– А ваша рука, как это произошло?

– Я повез Пишетту к доктору Бутейю в Медон. Он отличный ветеринар. Пока он занимался собакой, я пошел перекусить. Собирался дождь, и я решил дождаться фуникулера. Я был один на станции, когда почувствовал острую боль в плече и инстинктивно подался вперед. Я понял, что получил удар ножом, только когда увидел кровь у себя на куртке. Должно быть, тот, кто напал на меня, подкрался и, сделав свое черное дело, удрал. Я думал, это грабитель.

– Вам повезло.

– Да, не уклонись я, лезвие вошло бы прямо между лопаток. Я вернулся к доктору Бутейю, и он оказал мне первую помощь.

– Вы заявили в полицию?

– На кого?

– У вас есть враги?

– Вероятно, как у всех. Да взять хотя бы старого хрыча, полковника в отставке, моего соседа. Он ненавидит моих собак, но чтобы решиться убить меня...

Гюго Мальпер прошел к скамейке и тяжело опустился на нее. Пишетта улеглась у его ног. Жозеф был разочарован – он-то надеялся, что его пригласят в дом выпить чашечку горячего шоколада. Запахнув полы пальто, он пригляделся к лицу хозяина поместья. Тот явно пребывал в замешательстве.

– Боже мой, значит, осталось пятеро – это если считать вместе со мной, – и один из нас, возможно...

– Мсье Мальпер, вы получали приглашение явиться в пассаж д'Анфер?

– Нет.

– Вам знаком мэтр Гранден?

– Нет. Вы что, меня подозреваете? Что ж, дело ваше. – Мальпер глубоко вздохнул и понизил голос: – Что вы хотите узнать?

Жозеф почувствовал, что его пульс участился.

– Как возникла ваша ассоциация? – спросил он.

Гюго Мальпер смотрел ему прямо в глаза, на шее у него пульсировала вена.

– Вам нужна сенсация, мсье журналист? Тогда вы будете разочарованы, эта история скучна и банальна, она никого не заинтересует. Извольте: когда-то я преподавал философию, рассказывал студентам о трудах Аристотеля, Спинозы, Гегеля... Сам я больше всего любил Софокла, потому что его учение касается каждого из нас. Когда я повстречал Эмиля Легри, он был владельцем книжной лавки на улице Сен-Пер, должно быть, это был 1869 год. Я был молод, он произвел на меня сильное впечатление: это был неординарный человек. Эмиль вел почти монашеский образ жизни. Я никогда не забуду его лицо в ореоле седых волос, неизменный красный жилет... Мы прониклись друг к другу симпатией. Эмиль был горячим приверженцем учения утопистов. Он рассказал мне о Шарле Фурье и изложил его теорию об обществе, в котором будет царить полная гармония: упразднение института семьи в пользу всеобщего братства, победа над бедностью, жалование, выплачиваемое гражданам не по их заслугам, но в зависимости от желания каждого. Мне захотелось разобраться в этом, и я стал его учеником. Это был благороднейший человек. Когда умер мой отец, я унаследовал его поместье и состояние и решил оставить преподавание и полностью посвятить себя фуриеизму вместе с Эмилем. В конце 1876 года мы основали ассоциацию «Подранки». Первое общее собрание проходило в книжном магазине «Эльзевир». Присутствовало шесть чело-

век. Я помню, что Эмиль записал на форзаце реестровой книги имена и адреса всех членов ассоциации, включая тех, кто отсутствовал. Мне кажется, вы замерзли.

– Нет-нет...

– Может, выпьем чего-нибудь горячительного? А потом мой конюх отвезет вас на станцию.

Жозеф настолько окоченел, что был не в состоянии вымолвить ни звука. Гюго Мальпер с иронией посмотрел на него.

– Не бойтесь, молодой человек, у меня нет намерений брать вас в заложники.

Жозеф неохотно поднялся.

Они рано поужинали и предались любовным утехам.

В девять вечера Джина проснулась и посмотрела на лежащего рядом Кэндзи. Она была благодарна своей самой одаренной ученице, Маргарите Равийон, пригласившей ее на свадьбу, которая должна была состояться в воскресенье в церкви Сен-Рош. Из-за этого свидание с Кэндзи пришлось перенести на день раньше. Джина взяла свой пеньюар и собрала разбросанную на ковре одежду. Она собиралась повесить пиджак Кэндзи на спинку вольтеровского кресла, когда из кармана выпал какой-то предмет. Джина хотела положить его на место, но ее внимание привлекла обложка с надписью: «Невинные забавы инфанты».

Джина почувствовала, что заливается краской, разглядывая фотографии обнаженной молодой женщины: это была прелестная княгиня Максимова, чье лицо часто появлялось на театральных афишах. У Джины закружилась голова. Она взяла себя в руки и положила альбом на место, в карман пиджака. Потом бросила взгляд на Кэндзи, который безмятежно спал, свесив руку с кровати.

Джина вышла и стала мерить шагами гостиную, пораженная только что сделанным открытием. Как могла она быть столь наивной? Ей казалось, что Кэндзи не такой, как другие мужчины!

«Идиотка! Какая же ты идиотка, – повторяла она про себя. – Разве может хоть один мужчина устоять перед хорошенькой внешностью. Права пословица: “Сердце человека и дно океана – вот две самые глубокие бездны”. Надо быть реалисткой, не наступать второй раз на те же грабли, нельзя зависеть от мужских капризов. Я очень люблю его, но не стану строить далеко идущие планы: свиданий пару раз в неделю вполне достаточно. – Джина остановилась перед зеркалом: едва заметные морщинки в уголках глаз, серебристые нити в волосах, да и талия уже не такая тонкая, как раньше... – Время берет свое. А ты ведешь себя, как наивная девочка!»

Опустились сумерки. Джина бросила полено в очаг. Сухое дерево затрещало, взметнулся сноп искр.

Запахнувшись в широкое синее кимоно, в комнату вошел Кэндзи и уселся в кресло, положив ногу на ногу. Он смотрел на Джину, склонив голову на бок.

– Который час? – спросил он.

– Начало десятого.

– Перестань метаться, как тигр в клетке. Что с тобой?

– Ничего.

Кэндзи нахмурился. Джина улыбнулась ему.

– Хорошо, я скажу тебе...

Она взяла его за руки и притянула к себе:

– Выслушай меня, не перебивая. Я уезжаю в Краков. Рахиль, моя младшая дочь, скоро должна родить, я нужна ей.

– Когда ты вернешься?

– В следующем году.

– Что?!

– Сейчас уже конец ноября, дурачок. Я приеду в начале весны.

– Что я буду делать без тебя?

– Ах ты, старый хитрец! Думаю, ты найдешь, чем заняться, и потом, у тебя же магазин...

– Я люблю тебя, – прошептал он ей на ухо и нежно прижал к себе.

У Джинны перехватило дыхание. Он просунул руку под пеньюар. Она развязала пояс кимоно.

Потом они долго лежали, обнявшись.

– Пойдем, перекусим, – сказал он.

– Позволь мне, милая, это слишком тяжело для тебя.

– Брось, Лазар, каждый занимается своим делом, как всегда! Ты же не на белоручке какой женился!

И, закусив губу, Рен Дюкудре потащила к примыкающей к магазину кладовой небольшую двухколесную тележку, на которую ее муж сложил ящики с товаром.

– У нее постоянно болит поясница из-за того, что она таскает всякие тяжести, но она не желает это признавать, – объяснил месье Дюкудре вознице фургона, который заканчивал разгрузку.

– Радуйтесь, что у вас такая крепкая жена, моя-то – кожа да кости! Подпишите здесь, – сказал тот, ткнув пальцем в накладную, а потом взобрался на козлы и стегнул кнутом двух замученных кляч, которые, тяжело ступая, поплелись к площади Бастилии. Он злился, что попадет домой в Банеле не раньше десяти вечера, но ему оставалось только браниться. – Боже правый, еле плетутся, как будто мы свинец возим!

Этот славный человек был не так уж далек от истины. Действительно, в большей части коробок, что он выгрузил на тротуар, были оловянные солдатики. Лазар заказал их в таком количестве, потому что в период рождественских праздников солдатиков хорошо разбирали. Красивые куклы тоже пользовались спросом у покупателей, как и блеющие барашки, говорящие кролики и прочая ерунда.

Лазар Дюкудре появился на свет в 1843 году в семье школьного учителя. Закончив школу, он отказался продолжать учебу и устроился служащим в секретариате столичной мэрии. На балу, недалеко от Марна, он познакомился с Рен Дроссе, чьи родители были людьми состоятельными, они держали гостиницу. По их мнению, дочь засиделась в девках, поэтому свадьбу сыграли быстро. Лазар собирался завербоваться в зуавы¹²⁰, но Рен настояла на том, чтобы они открыли в центре столицы магазин игрушек. Супруги сняли квартиру на улице Крозатье, и вскоре у них родился сын. Лазар был счастлив. Но в 1868 году случилась трагедия. 12 сентября, эта дата огненными буквами впечаталась в сердце Лазара, его сын Арно выбежал на мостовую за укатившимся обручем и погиб под колесами экипажа.

На кладбище Пер-Лашез супруги Дюкудре познакомились с пожилым эксцентричным человеком, Эмилем Легри, который принес букет роз на могилу известного сочинителя песен Беранже. Он посочувствовал Рен и Лазару и вскоре сделал им интересное предложение. Эмиль был знаком с владельцем лавки на бульваре Бомарше, с прилегающим складом и квартирой на антресольном этаже, который собирался продать все это и уехать в провинцию. Эмиль Легри одолжил супругам Дюкудре сумму, необходимую для обустройства будущей «Лошадки-качалки». Годы шли, магазин процветал, но Лазар замкнулся в себе, сердце

---

¹²⁰ *Зуав* – военнослужащий легкой пехоты во французских колониальных войсках, части которой формировались, главным образом, из жителей Северной Африки, а также добровольцев-французов. Зуавы участвовали в различных войнах Франции в XIX–XX веках. – *Прим. перев.*

его очерствело. Работа не грела ему душу, а чужие малыши, наполнявшие магазин своим смехом, делали его горе только острее. Однако свои страдания Лазар прятал за напускным добродушием, и о его загадках среди покупателей ходили легенды.

– Он невидим, но сгибает нас к земле, – сказал он жене, которая вернулась с пустой тележкой, чтобы забрать очередную партию товара.

– Ты уже загадывал мне эту загадку! Стареешь, что ли? Настольные игры и заводные игрушки привезли?

– Нет, их доставят завтра вместе с бильбоке¹²¹, арбалетами, качелями и игрушечной мебелью.

Они закончили перевозить ящики на склад, все стены которого занимали стеллажи. Лазар прислонил к ним лестницу и, взвалив ящик с товаром на плечо, полез наверх, чтобы положить его на полку.

Упершись руками в бока, Рен насмешливо наблюдала за мужем.

– Может, мой позвоночник и не в порядке, зато руки у меня растут, откуда надо, чего не скажешь о тебе. Нам надо поменяться местами.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал Лазар, поднимая ящик с этикеткой «Гусары».

Несмотря на полноту, Рен была проворнее мужа. Когда он спустился за очередным ящиком, она, опередив его, ловко взобралась по ступенькам, прижимая к груди коробку с куклами. Освободившись от своей ноши, она почувствовала, как скрипнули ее шейные позвонки.

«В один прекрасный день мы загнемся, либо он, либо я. Давно пора нанять подручного!» – думала мадам Дюкудре, спускаясь вниз.

– Прошу тебя, милая, передохни хотя бы пять минут, – сказал Лазар.

Поскольку каждый новый подъем давался ему все труднее, он взял сразу три коробки.

– Кукол и плюшевых игрушек оставь мне, ты совсем запыхался, – приказала Рен.

– Если ты настаиваешь, я подчинюсь, но лестницу надо передвинуть влево, на этих полках уже нет места.

Лазар удостоверился, что лестница стоит крепко, и предупредил жену, что пойдет за лампой, так как на улице темнело и света из окон уже не хватало, чтобы осветить просторное помещение.

Рен схватила большую коробку с погремушками и арлекинами. Она поднялась на верхнюю перекладину лестницы и попыталась впихнуть ее между коробками с кеглями, но не смогла дотянуться. Лестница покачнулась, Рен едва успела ухватиться за полку. Хорошо, что Лазар этого не видел, иначе на нее бы обрушился целый поток нравоучений. Подняв голову, Рен увидела свободную полку, положила туда коробку и уже собиралась спуститься, как весь товар со стеллажа посыпался ей на голову. Она не успела ни уклониться, ни даже закричать. И вдруг, как при землетрясении, рухнул и сам стеллаж, погребая несчастную женщину под обломками железа, фарфора и дерева.

– Рен!!

Лазар попытался разгрести завал. Наконец, он увидел ее лицо с округлившимися от ужаса глазами и глубокими порезами на щеках.

– Дорогая, я сейчас тебя вытащу, только скажи хоть что-нибудь, – умолял он.

Но через мгновение взгляд Рен Дюкудре остановился. В уголках ее губ образовался и медленно лопнул кровавый пузырь. Лазар поднялся на ноги. Холодный пот струился у него по спине, пелена застилала глаза. Силы оставили его, и он осел на пол рядом с помятым заводным медведем, который упорно бил в медные тарелки.

---

¹²¹ Бильбоке – игрушка, состоящая из шарика и деревянной чашечки на стержне, в которую ловят шарик, подбрасывая его. – Прим. перев.

Глава девятнадцатая

Суббота, 30 ноября

Сквозь щели в ставнях серый свет рождающегося утра проникал в комнату, и постепенно вырисовывались очертания мебели. Дафнэ возилась в своей кровати и время от времени пронзительно кричала, напоминая родителям о том, что проголодалась. А потом замолкала, словно прислушиваясь к храпу Жозефа, и двигала ножками и ручками в такт этой «музыке».

Айрис подошла к кровати, взяла малышку на руки и перенесла в свою постель, положив между собой и мужем. Дафнэ тут же успокоилась и уснула. Айрис с нежностью прижала дочку к груди. Это был один из тех сладостных моментов материнства, когда все твои мысли и чувства сосредоточены на крошечном, бесконечно родном существе. Накануне Айрис закончила сказку. Полюбив хромого скарабея Леми Жука, превращавшегося в прекрасного принца, как только он раскрывал крылья, божья коровка без пятнышек улетела с ним вместе. Они решили посетить разноцветную страну, где хотели избавиться от воспоминаний. Айрис уже представила себе акварели Таша, которые украсят будущую книжку, и заранее радовалась, предвкушая, как будет читать ее дочери.

Дафнэ проснулась и снова пронзительно закричала. Айрис очнулась от грез, бесшумно поднялась и, взяв на руки, стала укачивать малышку, вполголоса проговаривая детскую считалочку. Но Дафнэ продолжала недовольно кричать. Пришлось отправиться с ней на кухню.

Выйдя из ватерклозета, который по примеру Кэндзи установил у себя дома, Виктор уже не смог заснуть. Он тихо, на цыпочках, выбрался из спальни, не побеспокоив жену и не задев Кошку, которая свернулась калачиком на стеганом одеяле. Держа одежду в руках, он пошел одеваться у печки в мастерской. Согревшись черным кофе со свежим хлебом, Виктор стал мерить шагами комнату – тревожные мысли не давали ему покоя.

Расследование с каждым днем казалось все более сложным. Что им с Жозефом удалось выяснить? Множество противоречивых фактов, связанных с людьми из списка, составленного Эмилем Легри. Чем вызвана череда смертей, про которые даже неясно, были ли они все убийствами? Мотив по-прежнему непонятен. И еще эти письма...

Виктор покопался в карманах, вытащил оттуда сначала деревянных зверушек, а затем три письма, которые отдала ему Маринетта Гассанди. Он читал и перечитывал их снова и снова, пока у него не заболела голова. Внезапно его осенила догадка. Решение здесь, прямо у него перед глазами, все так просто, что казалось глупым. В крайнем возбуждении, сам себе не веря, Виктор снова подошел к столу. Нет, невозможно, в этом нет никакого смысла...

Он засунул письма в карман сюртука, оставив деревянные фигурки на столе. «Дело сдвинулось с мертвой точки!», – подумал он, выходя на улицу Фонтен.

Рестораны и кафе еще не открылись. Виктор медленно шел по улице, и перед его мысленным взором мелькали картинки. Он миновал витрины с апельсинами, потом с фарфоровой посудой, с абажурами, с корсетами, но ничего не замечал. Погрузившись в свои мысли, он даже чуть не сшиб какую-то женщину. Ворча, она отскочила в сторону и перекрестилась при виде проезжающего катафалка.

Пройдя через площадь Пигаль, Виктор свернул на улицу Дюпери и остановился перед газетным киоском. Юный разносчик газет в фуражке набекрень, прижимая к груди кипу свежих газет, кричал что есть сил:

– Несчастный случай произошел вчера вечером недалеко от площади Бастилии! Женщина мертва, ее муж чудом спасся! Наверное, его спасло имя: если вас зовут Лазарем, вы вернетесь и с того света! Гигантская ваза из яшмы, подарок Франции от русского царя, прибыла в Париж, побывав проездом в Гавре!

Виктор купил у него свежий выпуск «Пасс-парту», почти полностью посвященный аресту Артона¹²² в Лондоне. Тем не менее, заметка о гибели Рен Дюкудре, которую придало одним из стеллажей на складе ее собственного магазина игрушек, была размещена на первой полосе.

Пораженный этой новостью, Виктор поспешил домой. По синеватому отблеску керосиновой лампы, падавшему в прихожую, он понял, что Таша уже встала, тихонько вошел и тут же услышал недовольный голос:

– Мадам, я уверяю вас, он вышел!

Таша в кофте, накинутой поверх ночной рубашки, держала в руке слуховую трубку столь нелюбимого ею телефона. Завидев мужа, она поспешно протянула ему трубку.

– Алло? Доброе утро, да, это я, не мог уснуть и вышел подышать... Сегодня?.. Прочтите мне это еще раз, пожалуйста. Право же, я думаю, вам следует принять предложение. Постарайтесь прибыть в Домон ровно в полдень, я тоже буду там, обещаю. До встречи, мадам.

Виктор повесил трубку, ощущая на себе подозрительный взгляд жены.

– Значит, теперь ты «Господин во фраке»? Браво! Пожалуй, настала моя очередь ревновать! Телефонный звонок от женщины в полвосьмого утра! И ты договариваешься с ней о свидании. Где оно будет?

– Ты же слышала, в Домоне, – ответил Виктор. – Это всего лишь клиентка, дорогая. Ей нужна помощь эксперта.

– Расскажи это кому-нибудь другому! Тогда почему она называла тебя «Господином во фраке»? Она что, не в своем уме?

Виктор засмеялся и попытался обнять жену, но она отстранилась, и он притворился, что обижен.

– Мне нечего добавить помимо того, что я сказал этой...

– Сюзанне Боске.

– Это дама полусвета, она хочет избавиться от библиотеки бывшего любовника.

– А что ты делал на улице в такой ранний час?

– Выпил чашечку кофе и собирался снова лечь спать, но поскольку ты так неласкова со мной, я исчезаю.

Прежде чем Таша успела возразить, он вышел во двор. До открытия магазина связываться с Жозефом бесполезно. Виктор отправился в кафе «Прогресс», чтобы позвонить компаньону оттуда.

– Сюзанна Боске... Сюзанна Боске, – бормотала Таша, рассеянно поглаживая Кошку. – Вспомнила! Кэндзи говорил мне о ней! Ее имя... как же он сказал... Оно было записано в блокноте Жозефа рядом с именем Эдокси Аллар!

Вопреки своему предубеждению против телефона, она сняла трубку. Кэндзи установил в своей квартире телефонный аппарат с персональным номером, и у нее была возможность попросить тестя проследить за Жозефом, с которым, Таша была в этом уверена, не замедлит связаться Виктор.

---

¹²² Леопольд Аарон, известный как Эмиль Артон, французский бизнесмен, замешанный в скандале, связанном со строительством Панамского канала. – *Прим. авт.*

Трясаясь в фиакре по дороге в Венсенн, Сюзанна Боске вертела в руках телеграмму, которую принесли на рассвете в ее особняк на улице Бель-Респиро. Не совершила ли она ошибку, связавшись с этим журналистом, Господином во фраке? Она ведь ничего о нем не знает. Но она не могла положиться на Амори, этот бесхарактерный человек вряд ли помог бы ей, он годился только на то, чтобы оплачивать счета!

– Я поступила правильно, – прошептала она. – Как бы там ни было, я уже еду, и Ида тоже, пора с этим покончить!

Час спустя Ида Бонваль, которую она практически силком вытащила из дома, уселась в экипаж. При виде нее Сюзанна с трудом сдержала улыбку.

«Хороша, нечего сказать! Шляпка надета криво, на платье не все пуговицы застегнуты! Да уж, она мне тоже не помощница! Но все равно должна присутствовать, в конце концов, мы с ней – одни из главных действующих лиц в этой пьесе! Не стоит говорить, что я вскрыла адресованную ей корреспонденцию. Это была отличная идея – отправить посыльного к консьержке на улицу Клиши. Хорошо, что то письмо я увидела первой, эта дуреха наверняка ударилась бы в панику. *“Будьте начеку. Возможно, один из нас сводит счеты”*. Неужели это действительно написал Эварист? Вряд ли, он же настоящая деревенщина, да и вообще уже сыграл в ящик».

– Мне кажется, мы поступаем опрометчиво, отправляясь к Гюго, – дрожащим голосом произнесла Ида. – А вдруг он и есть убийца?

– Думаешь, там нас ждет засада? Я и это предусмотрела, дорогая, – ответила Сюзанна, выхватывая из сумочки и направляя на Иду миниатюрный револьвер с перламутровой рукояткой.

Ида вздрогнула, а потом удивленно присвистнула:

– Неужели ты считаешь, что такого, как Гюго, можно напугать этой игрушкой! Да он справится с нами одной левой!

– Ошибаешься, это вполне серьезное оружие. А стрелять я умею, меня научил один из бывших любовников, он был полицейским осведомителем и многих отправил за решетку!

Ида отпрянула к дверце фиакра. Неужели та, кому она с детства привыкла доверять, способна спустить курок? Она зажмурила глаза, вверяя свою душу Богу.

– Ты что, решила вздремнуть? Самое время! – с иронией заметила Сюзанна.

Ида сделала над собой усилие и взглянула на подругу. Слава богу, револьвера у той в руках уже не было.

– Я плохо спала, кошмары замучили, – жалобно произнесла Ида.

– Если мы сегодня не покончим со этой историей, вся наша жизнь превратится в кошмар! Я долго размышляла, зачем Гюго понадобилось назначать нам встречу, и поняла: либо он знает разгадку, либо сам совершил все эти преступления и теперь хочет убить нас.

– Не говори так! – испуганно вскричала Ида. – Ведь когда-то Гюго ухлестывал за тобой.

– Да уж, у нашего Апорта были шаловливые ручонки. Но теперь он расточает ласки только своим псам.

– А как же я? Обо мне-то он не упоминал... Что это значит? Что я вне игры или что он невиновен?

– Ты же неуловима, как порыв ветра: взяла, да и улетела в провинцию распевать песенки. «Беглянка из Венсенна» – отличное название для дешевого романа! Осталось только узнать, вычислил тебя преступник или нет.

– Или преступница, – прошептала Ида.

– Ты имеешь в виду Рен Дюкудре? С трудом представляю ее в этой роли. Постой-ка... или ты подозреваешь меня?!

– А почему бы и нет, – промямлила Ида дрожащим голосом.

– Потому что, между нами говоря, ты вовсе не такая простушка, какой стараешься казаться...

Приблизившись к Северному вокзалу, экипаж замедлил ход. Сюзанна взглянула на вокзальные часы.

– Пойдем, посмотрим расписание. Я обещала этому журналисту, что мы будем у Гюго в полдень.

– Какому журналисту? – воскликнула Ида.

– Расскажу, когда будем в поезде, и ты убедишься в чистоте моих намерений. Где это видано, чтобы женщина, отправляясь совершать очередное убийство, сообщала репортеру имена своих будущих жертв и место преступления?

Ида молча пробиралась сквозь толпу пассажиров. Почему вместо того, чтобы сбежать, она покорно тащится за Сюзанной через весь зал ожидания? Потому что иначе никогда не перестанет трястись от страха. Развязка неотвратима.

Внезапно до слуха женщин долетел звонкий голос мальчишки – разносчика газет:

– Необычная смерть! Читайте в «Пасс-парту»! Хозяйку магазина игрушек убили оловянные солдатики!

Жозеф что-то напевал себе под нос, когда в лавке появился мертвенно-бледный Симеон Дельма с мокрым зонтом в руке, и в тот же самый момент зазвонил телефон. Кэндзи схватил трубку прежде, чем Жожо успел подбежать к аппарату.

– Виктор? Рад вас слышать. Что, простите? Говорите громче, помехи на линии. Вы сегодня не почтите нас своим присутствием? Это печально. Хотите переговорить с Жозефом? Спешу передать ему трубку, в противном случае он вырвет ее у меня вместе с рукой.

– Алло, Виктор? Говорите громче! В Домоне, в полдень?.. Рен Дюкудре? Нет! Серьезно? Уже бегу! Да, в одиннадцать, на Северном вокзале, возле пригородных касс.

– Вижу, вы нас тоже покидаете? – поинтересовался Кэндзи.

Жозеф пустился в долгие и путаные объяснения о какой-то экспертизе в богом забытом захолустье.

Кэндзи собрался с мыслями. Успеет ли он поменять сиреневый галстук на темно-красную бабочку, пока Жозеф прощается с Айрис? Он решил, что да, и как только зять поднялся по лестнице, направился следом, крикнув на ходу Симеону:

– Я тоже ухожу, мне надо в аптеку.

Симеон Дельма провел пальцами по волосам, попытался пригладить бакенбарды и с унылым видом раскрыл книгу заказов.

– Поезжайте следом за тем экипажем, но будьте осторожны, нас не должны заметить, – распорядился Кэндзи.

Возница поправил форменную фуражку с белым верхом и слегка поморщился, решив, что ему снова попался муж-рогоносец.

Устраиваясь на сиденье в фиакре, Кэндзи подумал, что поездка будет не из приятных. Шел дождь. За окном слышались грохот экипажей и ругань кучеров, следящих за тем, чтобы их лошади не поскользнулись на деревянных мостовых. Казалось, большинство жителей решило покинуть Париж. Кэндзи спрашивал себя, удастся ли ему провести своих компаньонов и проскользнуть в вагон незамеченным. А когда он доберется до Домона, о существовании которого еще несколько часов назад даже не подозревал, сумеет ли противостоять возможному нападению? Он так спешил, что успел прихватить с собой только любимую трость с нефритовым набалдашником. С ее помощью можно отбиться от хулигана... Конечно, Кэндзи владел приемами японской борьбы, но возраст давал о себе знать, к тому же из-за сырой погоды у него разыгрался ревматизм.

На вокзале он почти сразу увидел Виктора и Жозефа: они беседовали о чем-то с начальником поезда. Кэндзи машинально прикрыл лицо газетой, а потом потихоньку двинулся к кассам. Купив билет, он, продолжая делать вид, что увлеченно читает на ходу, уверенным шагом направился к платформе.

Кто из них привлекательнее, та, что постарше, в платье из ярко-фиолетового плюша, украшенного перьями и пайетками, словно у танцовщицы из кабаре? Или вторая, длинная как жердь, которая испуганно таращит глаза, будто опасаясь, что кто-то посягнет на ее добродетель? Ни та, ни другая. Гюго Мальпер предпочитал всем этим безмозглым курицам своих четвероногих питомцев. Он уже жалел, что пригласил Сюзанну. Если бы он знал, что она притащит с собой Иду, ни за что не отправил бы ей послание, а там уж будь, что будет. В любом случае, они обе обречены, и толстуха и тощая, причем сами в этом виноваты. Сколько же подобных им никчемных существ населяет планету... Тот, кто избавит свет от этих двух дур, окажет человечеству неоценимую услугу.

Сюзанне неудобно было сидеть на жесткой лавке у длинного стола. «Ну что за деревенщина! – мысленно возмущалась она. – Ему даже не пришло в голову предложить нам выпить, к тому же тут так холодно, что мы скоро окоченеем!»

– О чем вы нам хотели столь срочно сообщить? Это имеет отношение к смерти Рен?

Гюго уставился на нее, продемонстрировав редкую выдержку.

– Рен? Она убита?

– Это выглядит как несчастный случай, в газетах пишут, что на нее рухнул стеллаж, на котором они с Лазаром хранили товар.

– А Лазар?

– Он не пострадал. Но согласитесь, в этом году наша ассоциация потеряла слишком многих членов!

– Точнее и не скажешь. Кстати говоря, меня на прошлой неделе тоже пытались убить. Боюсь, что и вы в опасности. Поэтому разоблачить злодея для нас – вопрос жизни и смерти, – сказал Гюго.

– Как это мило с вашей стороны – беспокоиться о нашей судьбе! Но, если я правильно умею считать, из нас уцелело только трое, за исключением Лазара, и все трое находятся в этой комнате. Значит, один из нас – преступник. Так как это не Ида и не ваша покорная слуга...

– Вы смеете обвинять меня?! Меня, которого чуть не зарезали!

– Жаль, что вы спаслись. Если бы погибли, то были бы вне подозрений.

Гюго в ярости вскочил и сделал шаг по направлению к женщинам. Ида взвизгнула: «Боже мой!», а Сюзанна выхватила револьвер и направила на хозяина поместья. Он застыл на месте.

– Вы прогадали! Посчитали нас круглыми идиотками, да, жалкий женоненавистник?! Заманили сюда, в глушь, и рассчитывали покончить с нами, а потом бросить наши трупы на съедение вашим волкодавам? Раз, и готово!

– Хотелось бы услышать, какие мотивы побудили меня совершить все эти злодеяния, – спокойно произнес Гюго Мальпер.

– Черт побери! – выкрикнула Сюзанна. – Сначала вы организовали убийства Деода и Макса. Затем отравили Эвариста и подбросили Виржилю ядовитую змею. Донатьен и Рен – жертвы несчастного случая?! Как бы не так! Это вы все подстроили! Лазар уцелел чудом. Что до нас, вам с нами так просто не совладать! Забавная получилась мизансцена! Вы здесь – всего лишь актеришка на второстепенных ролях, который пытается доказать, что способен сыграть главную роль – убийцы!

– Вы не ответили на вопрос: так каковы мои мотивы?

– Вы презираете нас, вы нас ненавидите, вам осточертело принимать нас каждый год! А этим летом в довершение всего еще и Донатьен покалечился, охотясь за метеоритами! Эта капля переполнила чашу вашего терпения, и вы решили укокошить нас всех до единого.

– Какой бред!

– Ничего удивительного, вы ведь – чокнутый!

Гюго Мальпер схватил лежавший на лавке хлыст. Сюзанна и Ида проворно отскочили подальше.

– Чертова стерва! Подумать только, было время, когда вы мне нравились! Да это вы – убийца, глупая старая курица! А что до этой дивы, широко известной в узких кругах, то она – всего лишь пешка в ваших руках!

– Я – убийца?! Интересно, что же толкнуло на преступление меня? – вскричала Сюзанна дрожащим от обиды голосом.

– Страстное желание взобраться повыше по социальной лестнице! Да, даже до этой дыры доходят светские сплетни, моя дорогая. Вы подцепили богатого наследника сахарного короля. А ваши старые знакомые могли поведать ему о ваших былых проказах! Узнав, сколько у вас было любовников, Амори де Шамплье-Марей вас наверняка бы бросил. И вы решили уничтожить всех членов нашей ассоциации, это очевидно. Еще несколько минут назад я подозревал другого человека, но вы сами подтвердили, что виновны. А вы, Ида, поберегитесь, как только она пустит мне пулю в лоб, придет ваш черед!

Ида была в растерянности, она не знала, к какому лагерю примкнуть. Сюзанна снова подняла револьвер, держа палец на курке. Гюго Мальпер вертел в руках хлыст, готовый защищаться.

– Хозяин! Они вынудили меня открыть дверь! – услышали они крик мадам Бонефон.

Чья-то сильная рука схватила Сюзанну за руку, и револьвер упал на пол.

– Господин во фраке обещал, что прибудет ровно в полдень, – прошептал ей на ухо Виктор.

Жозеф тем временем прыгнул на спину Гюго. Тот отчаянно отбивался, пытаясь сбросить неожиданного противника, но Жозеф словно прилип к нему.

Ида и мадам Бонефон пронзительно завизжали.

– Выходите все, быстро! Дом сейчас взлетит на воздух! – раздался неожиданно мужской голос.

Все кинулись к выходу и, толкаясь, выбежали на тенистую аллею. Взрывом их бросило на землю. Когда они поднялись на ноги, перед ними предстало ужасное зрелище: часть стены, отделяющей библиотеку от столовой, превратилась в груды почерневших кирпичей.

– Смотрите! – закричал Жозеф.

Они увидели троих мужчин, бегущих под проливным дождем по направлению к решетчатому забору с узкой дверцей. Собаки залились разноголосым лаем, и через мгновение двое мужчин появились снова, с трудом волоча за собой третьего. Когда они приблизились, Жозеф воскликнул:

– Кэндзи схватил месье Дюкудре. И... Симеон?! Что вы здесь делаете? И почему вы напали на Лазара?

– Значит, я не ошибся. Вот только действовал недостаточно быстро, – признал Виктор с горечью.

– Это ваш единственный промах, – заметил Кэндзи.

– Я тоже догадывался, но эти дамочки сбили меня с толку, – пробормотал Гюго.

– Кто-нибудь объяснит мне, наконец, что все это значит?! – взвизгнула Сюзанна.

Мадам Бонефон вздохнула и сделала всем знак следовать за ней. Она с облегчением увидела, что кухня не пострадала, и повела туда нестройную процессию.

Глава двадцатая

Тот же день

Виктор старался держаться подальше от плиты, хотя на ней в данный момент, к счастью, ничего не варилось. Мадам Бонефон окинула всех взглядом и заявила:

– Садитесь, а я вызову полицию.

– Не торопитесь, сначала нам надо кое-что прояснить. Лучше приготовьте нам горячего шоколада, – велел ей Гюго.

– И ему тоже?! – воскликнула славная женщина, указывая на Лазара, который сидел неподвижно, уставившись в одну точку.

– Да, и ему, он никуда не убежит.

Все остальные расселись на табуретах вокруг круглого столика на одной ножке.

– Скажите, как, черт возьми, вы догадались, куда мы направляемся? – обратился Виктор к Кэндзи.

– Мое присутствие объясняется не стечением обстоятельств и не даром предвидения. Меня встревожили некоторые наблюдения: вырезка из газеты с пометками, сделанными вашей рукой, блокнот Жозефа, который валялся на прилавке...

– Вы следили за мной! Я знал! Я чувствовал! – возмущенно вскричал Жожо.

Кэндзи не обратил на него внимания.

– А потом Таша подтвердила мои подозрения. Мы с ней посоветовались и договорились действовать сообща. Сегодня утром, узнав, что вы направляетесь в Домон, она сразу же позвонила мне. Оставалось только проследить за Жозефом. Приехав сюда следом за вами, я заметил на подступах к замку этого субъекта, который возился с чем-то похожим на взрывное устройство, и забил тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.